

Владимир Андриенко

16+

НКВД

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
КОНТРАРАЗВЕДКИ

СМЕРШ

Смерть командарма

Серия:
"Протокол допроса"

Владимир Александрович Андриенко

Протокол допроса.

Смерть командарма

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67151179

SelfPub; 2022

Аннотация

Противостояние немецкой разведки, советской контрразведки и подполья ОУН во время войны. События в книге разворачиваются в начале 1944 года. Разработана операция по ликвидации видного советского военачальника, командующего 1-м Украинским фронтом...

Автор просит обратить внимание на то, что роман является художественным произведением, а не учебником истории.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	41
Глава 4	62
Глава 5	91
Глава 6	128
Глава 7	141
Глава 8	158
Глава 9	180
Глава 10	193
Глава 11	206
Глава 12	228
Глава 13	254
Эпилог	277

Владимир Андриенко

Протокол допроса.

Смерть командарма

Глава 1

Ловушка для командарма.

(С чего началась операция «Крыса в норе»)

Москва.

Управление НКГБ СССР.

Осень, 1943 год.

Старший майор госбезопасности Нольман¹ выслушал своего начальника комиссара госбезопасности Максимова².

– Ты должен понять, Иван Артурович, что дело тебе доверено самое серьезное.

¹ Старший майор государственной безопасности – специальное звание сотрудников начальствующего состава НКВД и НКГБ СССР в период с 1935-1943 годов. Соответствовало званию комдива (командира дивизии) в Красной армии. Нольман Иван Артурович – одна из центральных фигур в серии романов «Сотрудник Абвера».

² Максимов Владимир Иванович – комиссар госбезопасности 2-го ранга. Одна из центральных фигур в серии романов «Сотрудник Абвера».

– Мне всегда доверяли серьезные дела, Владимир Иванович, – обиделся Нольман.

– Я не о том сейчас говорю, Иван. Все знают тебя как опытного и ценного сотрудника. Твоих заслуг никто не отрицает. Но сейчас нужен именно тот, кто работал у Шпигельгласса³.

Старший майор насторожился. Нольман в 30-е годы успешно работал в Иностранном отделе ОГПУ, а затем НКВД под руководством знаменитого «инквизитора Дугласа», который брался достать врагов Советской власти, что смогли скрыться за границей и считали себя неуязвимыми.

Началось все в 1935 году, когда Нольман стал правой рукой Шпигельгласса. Это именно Иван Артурович разработал и привел в исполнение план по ликвидации в Китае полковника Тирбаха. А в 1936 году «меч революционного возмездия» обрушился на перебежчика из СССР Навашина.

С чего это Максимов сейчас в 1943 году вспомнил о группе Шпигельгласса-Дугласа?

– Именно такой организатор диверсий сейчас нужен. А вы со Шпигельглассом в свое время провели несколько уникальных операций по устранению людей. И сделали это блестяще.

– Я не понимаю тебя, Владимир Иванович. С чего такая таинственность? Не Гитлера же нужно убирать?

³ Шпигельгласс Сергей Михайлович – служил в разведке ИНО НКВД. Арестован во время большой «чистки» в 1938 году. Расстрелян в январе 1941 года.

– Нет, Иван Артурович. Сейчас ты все поймешь. Убирать нужно не немца.

– А кого? Власова⁴?

– И не Власова и никого с той стороны! Убирать придется человека с нашей стороны. И человека большого.

– Я не понял тебя, Владимир Иванович.

– Да все ты понял, Иван! И не стоит разыгрывать удивление! У Шпигельгласса вы часто занимались подобным. Сколько тайных приказов вы выполнили? Еще тех, что давал вам Ягода⁵? Так что не разыгрывай мне тут гимназистку.

– Но ты ничего не говоришь толком. Только намеки. И если я такой спец в этой вопросе, то говори открыто. Нас здесь никто не слышит.

– Хорошо. Нужно чтобы ты организовал ликвидацию нашего военачальника.

– Нашего?

– Да.

⁴ Власов Андрей Андреевич – советский военачальник, в ходе Великой Отечественной войны перешедший на сторону гитлеровской Германии. В ходе Любанской наступательной операции Волховского фронта 20 апреля 1942 года был назначен командующим попавшей в окружение 2-й ударной армией, после её разгрома был захвачен в плен и согласился на сотрудничество с руководством Третьего рейха, возглавив Русскую освободительную армию

⁵ Ягода Генрих Григорьевич – российский революционер, советский государственный и политический деятель, один из главных руководителей советских органов госбезопасности (ВЧК, ГПУ, ОГПУ, НКВД), нарком внутренних дел СССР (1934 – 1936), первый в истории "генеральный комиссар государственной безопасности".

– Какого уровня?

– Командующего армией.

– Ого! – вскричал Нольман. – Но зачем?

– Иван Артурович! Когда Шпигельгласс получал приказы, ты тоже задавал вопросы? Задача ликвидатора сделать свое дело – иными словами убрать того, на кого покажет партия!

Нольман хорошо понимал, что такое закулисная игра. Есть люди, которых признали неприкосновенными. Их арест или отстранение от должности может вызвать нежелательные разговоры в народе и армии. Но партии нужно чтобы они ушли, исчезли с исторической сцены, оставшись героями. И тогда дело доверяют ликвидаторам. Нольман был не новичком в таком деле. Еще в начале 30-х ему предложили поработать над ликвидацией видного ленинградского партийного чиновника...

Тогда с ним говорил Шпигельгласс.

– Тебе нужно срочно вернуться в СССР, Иван, – сказал он Нольману.

– Мне?

– Именно тебе. У меня приказ – отправить в Москву лучшего.

– Но у меня здесь дело, Сергей Михайлович. И дело настоящее. А чем я стану заниматься в Москве?

– Тем же что и здесь, – ответил Шпигельгласс.

Нольман не понял.

– В Москве?

– Нет. Твоя цель в Ленинграде. В Москве ты только получишь инструкции. И дело тебе предстоит ювелирное. Просто так убить этого человека на улице нельзя, как поступили с Камо⁶. На него в проулке наскочил неизвестный автомобиль. А здесь нужен скандал. Пламенного борца убивают на его посту. И человека нет и нет проблем с ним связанных. Зато есть повод посчитаться с многими людьми, что Хозяина не устраивают.

– Вы знаете кого? – спросил Нольман.

– Знаю. Потому и отправляю на задание тебя, Иван. Для того чтобы убрать такого человека, трудно найти исполнителя.

– Если это тот, о ком я думаю, то не так и трудно, – высказался Нольман. – Нужно просто знать его слабость. Вы же знаете, Сергей Михайлович, что все мои разработки основаны на слабостях человеческих. А слабости есть у каждого.

⁶ Российский профессиональный революционер, один из организаторов подпольных типографий, транспорта оружия и литературы, денежных экспроприаций. Неоднократно сбегал и организовывал побеги из мест лишения свободы. Попав в Берлин и спасая свою жизнь, искусно симулировал сумасшествие и нечувствительность к боли, чем озадачил лучших врачей Европы того времени и вызвал огромную поддержку со стороны многих социалистических газет, прозвавших его «героем революции», а также лично Карла Либкнехта. Четыре раза приговаривался к смертной казни, заменённой согласно амнистии по случаю трёхсотлетия дома Романовых двадцатилетним заключением. Освобождён Февральской революцией. В 1918-1920 годах – организатор большевистского подполья на Кавказе и юге России.

– И у меня?

– Так точно, – спокойно ответил Нольман.

– А у тебя есть слабости, Иван? – спросил Шпигельгласс.

– Я уже сказал, что слабые места имеются у всех. А я человек. Но про мои слабости никто не знает, Сергей Михайлович...

И вот все начинается снова. Нольман спросил:

– Разве Хозяин не может решить этот вопрос проще?

– Хозяин может все, – ответил Максимов.

– Тогда это приказ не Хозяина? – догадался Нольман. –

Все делается в обход? Но ты знаешь, Владимир Иванович, что будет...

– Знаю, – перебил Нольмана Максимов. – Я все знаю, и потому сейчас говорю с тобой, Иван.

– Чей приказ?

– Иван! Нет никакого приказа. Есть задание для группы Шпигельгласса!

– Но самого Шпигельгласса поставили к стенке. И я тогда был арестован по его делу. И меня ждала пуля, если бы не Лаврентий Павлович. Он лично вытащил меня. Но тебе ведь это хорошо известно.

– Мы можем перейти к делу, Иван? – спросил комиссар.

– Да. Оказаться у меня права нет, как я понял?

– Ты все правильно понял.

– Тогда я вас слушаю, товарищ комиссар госбезопасности

2-го ранга.

Максимов начал:

– Нужно сделать так, чтобы этот человек умер героем от вражеской пули. Все, как и тогда в Ленинграде в 1934-ом году. Ты меня понял?

– Иными словами ликвидировать его должны «те»?

– Именно так. Это должна быть пуля врага.

– Чего проще организовать простую провокацию? Переодеть человека в форму вражеской армии и...

– Нет, – отрезал Максимов. – Это должны сделать наши враги. И они должны быть уверены, что эта мысль пришла в их головы! Мы с тобой должны быть чисты.

– Значит никто кроме нас с тобой, Владимир Иванович, и того, кто отдал приказ, этого не знает?

– Ты все понял правильно, Иван.

– И кто же будет «исполнителем»? Кого нужно обрабатывать? Абвер? СД?

– Нет. ОУН-УПА⁷. Именно они в следующем 1944-ом го-

⁷ Организация Украинских националистов создана на базе УВО – Украинской военной организации – в 1929 году в Вене. В 1941 году ОУН разделась на две части ОУН (М) и ОУН (Б). ОУН (М) возглавил Андрей Мельник из старого крыла националистов. В 1914 году добровольцем вступил в Легион Украинских Сечевых стрелцов. Воевал на стороне Австро-Венгрии против Царской России в империалистической войне. Затем в 1918 году служил на командных должностях в армии УНР. ОУН (Б) возглавил лидер молодого крыла националистов Степан Бандера. Это именно он вместе с Ярославом Стецко 30 июня 1941 года провозгласил Акт о возрождении Украинской Державы во Львове. После этого арестован немцами и ныне содержится в концентрационном лагере «Заксенхаузен».

ду станут нашими врагами на Западной Украине, Иван. Но это ты и сам понимаешь. Ведь одного из лидеров ОУН ликвидировал именно ты в 30-е годы.

Нольман помнил дело Евгения Коновальца, которого убрали при его участии.

– Тогда ты не только план разрабатывал, Иван...

– Владимир Иванович. У меня хорошая память. Профессиональная. Лишние напоминания не нужны.

– Как скажешь, Иван Артурович.

Нольман сказал комиссару:

– А наши агенты, которых мы задействуем, должны получить «задание прикрытия». Ведь они ничего не должны знать о нашей операции.

– Все так. Для них это будет стандартная работа по настоящей борьбе с врагами СССР. Да почему собственно «прикрытие»? Они действительно станут выполнять свои задания. Просто эта операция «чемодан с двойным дном».

Нольман взял лист бумаги и карандашом написал фамилию. Затем показал лист Максимову.

– Это он?

– Ты еще раз показал, Иван, что лучше тебя не найти. Ты догадлив.

– Это было легко, Владимир Иванович. Если речь идет о Западной Украине. И среди наших командармов, что возглавляют армии в этом регионе, можно первым выделить вот его. Сам фельдмаршал Манштейн назвал его «Гроссмейсте-

ром». И врагов среди наших своим резким характером он нажил немало. Мне ли этого не знать при моей работе.

– Но только запомни, Иван Артурович, что больше мы с тобой к этому разговору возвращаться не станем. И даже в моем кабинете, когда нас здесь будет только двое, мы не будем упоминать фамилии вот этого генерала.

Максимов смял лист бумаги и чиркнул спичкой. Лист охватило пламя. Он быстро обратился в пепел.

– Я понимаю. Мог бы и не предупреждать.

– Не сомневался в твоей понятливости, Иван Артурович. И тебе ведь не нужно говорить, чей это приказ?

– Я догадался. Да и ты и не скажешь ведь?

– Не скажу, Иван. Но тебе нужно в самый короткий срок подготовить план операции.

– «Крыса в норе», – сказал Нольман.

– Что?

– «Крыса в норе» – повторил Нольман.

– Это название?

– Тебе не нравится, Владимир Иванович?

– Почему не нравится? Разве дело в названии? Дело в скорости и «чистоте».

– Слово «чистота» здесь не совсем подходит, Владимир Иванович.

– Я говорю не о той «чистоте», Иван. Операцию нужно провести так, чтобы и комар носа не подточил. Как ты умеешь это делать.

– Я подготовлю план, товарищ комиссар госбезопасности 2-го ранга.

– И на бумаге будет только...

– На бумаге будет только то, что можно изложить на бумаге, Владимир Иванович. Я все понимаю.

– Никогда в тебе не сомневался, Иван.

Нольман про себя усмехнулся. Во время войны их отношения с Максимовым стали почти дружескими. Но в свое время они были настоящими врагами...

Нольман успешно работал в Иностранном отделе ОГПУ⁸, а затем НКВД⁹ под руководством Шпигельгласа. В 1936 году, они пересеклись в первый раз – Нольман и Максимов.

Максимов просил зачислить его в группу ликвидаторов, сославшись на свою службу в органах ВЧК с 1918 года. Шпигельглас поручил провести собеседование с новым кандидатом в ликвидаторы Нольману.

– Вы сотрудник ВЧК с лета 1918 года? – спросил Нольман Максимова.

– Так точно.

– В вашем деле нет указаний на ваше образование? Вы учились в гимназии?

– Нет. Только приходская школа.

– Но вы проситесь в Иностранный отдел, товарищ Макси-

⁸ Объединенное государственное политическое управление.

⁹ Народный комиссариат внутренних дел.

мов. Вы говорите на иностранных языках?

– Немного по-польски. Воевал там с Тухачевским.

– Иностраннный отдел ОГПУ это особый отдел, товарищ Максимов. Я лично говорю по-немецки, по-французски, по-английски и немного знаю итальянский.

– Насколько я знаю, товарищ Нольман, в вашем отделе есть и люди, слабо знающие языки. В Европе много русских эмигрантов. И я готов учиться.

– А с чего вас так тянет в нашу группу, Максимов?

– Хочу быть полезным своей стране.

Нольман еще раз посмотрел в послужной список Максимова.

– В вашем деле есть запись от 1919 года. Вы были в плену?

– Да меня захватили люди из колчаковской контрразведки.

– И как вам удалось выжить?

– Меня отпустили, – честно признался Максимов.

– Отпустили? Из контрразведки адмирала Колчака? Оттуда выпускали только на тот свет.

– Но как видите, товарищ Нольман, я сижу перед вами.

– Хорошо, товарищ Максимов. Я сделаю заключение и передам товарищу Шпигельгласу...

В итоге с подачи Нольмана Шпигельглас ответил Максиму отказом. Иван Артурович был не совсем высоко мнения о способностях чекиста Максимова.

За несколько последующих лет группа «Дугласа» совершила ряд громких политических убийств и похищений. Это они выкрали и доставили в СССР генерала Миллера¹⁰. Это они убили в Роттердаме видного украинского националиста Коновальца¹¹.

Но «ветер подул» в иную сторону и Шпигельгласс стал неугоден. Время иностранного террора прошло, и руководство предпочло избавиться от группы. Так сильно запачкавший себя кровью Шпигельгласс был в феврале 1938 года, после смерти начальника Иностранного отдела Слуцкого, назначен на его место исполняющим обязанности. Но в новой должности он не задержался, и в ноябре 1938 года был арестован по обвинению в шпионаже. А в 1941 расстрелян. Такая же судьба ждала и Нольмана. Но его спас Берия. Ставший уже тогда всемогущим при Хозяине¹² Лаврентий Павлович высоко ценил аналитические способности Нольмана.

В 1940 году они встретились во второй раз – Нольман и Максимов. Но на этот раз в кресле начальника уже сидел Максимов...

– Я прочитал в вашем личном деле, товарищ Нольман, что

¹⁰ Евгений Людвиг Карл Миллер – русский военачальник, В 1919 -1920 года главнокомандующий москскими вооруженными силами России, действовавшими против Советской власти на Севере.

¹¹ Коновалец Евгений – полковник легиона Украинских Сечевых стрельцов. Основатель Организации Украинских Националистов (ныне запрещенной в РФ).

¹² Хозяин – И.В. Сталин.

вы в 1919 году работали в специальном отделе под руководством товарища Кедрова?

– Да, впоследствии это Особый отдел ВЧК.

– Здесь прилагается ваша характеристика, выданная Особым отделом ВЧК в 1920 году. «Товарищ Нольман состоял сотрудником Особого отдела ВЧК и проявил себя честным и заслуживающим доверия работником».

Нольман ничего не сказал на это.

– Затем вы, товарищ Нольман были уполномоченным ВУЧК в Киеве. В 1921 году вас отозвали в Москву. Вы заняли должность в КРО ГПУ. А затем перевелись к Шпигельгласу в Иностраный отдел ОГПУ. Все верно?

– Да.

– Так, – Максимов перевернул лист. – Но вот запись иного рода в вашем деле, товарищ Нольман. Вот послушайте «За измену Родине, участие в заговорщицкой деятельности, шпионаж и связь с врагами народа» вас арестовали.

– Это так! – ответил Нольман.

– Вы признались в том, что здесь написано?

– С меня сняли все обвинения, товарищ комиссар.

– Но вы признались? Как признался ваш руководитель Шпигельглас?

Нольман повторил:

– С меня сняли все обвинения. Обратитесь к наркому внутренних дел СССР товарищу Берии, товарищ Максимов...

Но с 1941 года Нольман стал работать под началом Максимова и отношения между ними наладились.

Москва.

Управление НКГБ СССР.

Осень, 1943 год.

Иван Артурович Нольман вызвал к себе лейтенанта госбезопасности Елену Костину.

Личное дело

Костина Елена Николаевна

Родилась 1 февраля 1920 года в Москве.

Отец: Костин Николай Иванович, военный инженер. С мая 1918 года в Красной Армии. В 1934 году – преподаватель Артиллерийской академии РККА имени Ф.Э.Дзержинского, полковник РККА.

В июне 1938 года арестован и находился под следствием по делу «участие в контрреволюционной монархической организации». Освобожден в марте 1939 года. Восстановлен в рядах РККА. Вернулся к прежней работе в Артиллерийской академии РККА имени Ф.Э. Дзержинского.

Мать: Костина (Граве) Мария Ивановна. Дочь Ивана Платоновича Граве генерал-майора инженерно-технической службы РККА. Врач-невролог. Преподаватель военно-медицинской академии.

Дед: Граве Иван Платонович. С августа 1892 года завершил курс Михайловского артиллерийского училища. В 1900 году окончил Михайловскую артиллерийскую академию. С 1904 года штатный преподаватель Константиновского артиллерийского училища. С февраля 1918 года в Красной Армии. В апреле 1931 года арестован и полгода находился под следствием по делу «Весна». Освобожден в мае 1931 года. Восстановлен в кадрах РККА в мае 1933 года. В начале 1938 года второй раз уволен из армии. 28 июня 1938 года арестован и находился под следствием по делу «участие в контрреволюционной монархической организации». Освобожден в январе 1939 года. В марте 1939 года восстановлен в рядах РККА. Назначен преподавателем кафедры баллистики Ар-

тиллерийской академии РККА имени Ф.Э. Дзержинского.

Костина Елена Николаевна в 1937 году стала студенткой механико-математического факультета МГУ. Курса не завершила. Была призвана на службу в НКГБ СССР (знание иностранных языков).

В 1938 году обучалась в Школе особого назначения НКВД СССР.

Сотрудник НКГБ с 1939 года. Успешно работала в Харькове осенью 1941 года. Позывной «Тося». Лейтенант государственной безопасности. Офицер 4-го управления НКГБ СССР.

С февраля 1942 года в группе полковника Одинцова в Ровно, столице рейхскомсариата Украина. Летом отозвана в Москву в связи с провалом группы.

В сентябре 1942 года переведена в группу старшего майора государственной безопасности И.А. Нольмана. Успешно работала над операцией НКГБ «Подмена».

С Костиной Нольман работал давно. Познакомились, когда Нольман состоял преподавателем в Школе особого назначения НКВД. Он заметил талантливую девушку и выделил её среди других курсантов.

В 1941 году Костина работала в Харькове и Нольман с её помощью почти поймал агента Абвера «Вдову». Если бы тогда не вмешались сотрудники харьковского управления НКГБ, которые все испортили своей некомпетентностью,

точка в карьере «Вдовы» была бы поставлена на год раньше.

Нольман полностью доверял Костиной. Но сейчас даже её не мог посвятить в детали операции «Крыса в норе». Об операции знает он сам и знает его начальник комиссар госбезопасности Максимов.

– Твоя задача внедриться, Лена. Сейчас немцы станут думать о восстановлении связей с ОУН. Не просто так ОУН активно формирует свою армию УПА.

– Мне доверят миссию в Ровно? – спросила Костина.

– Да. Твоя задача ОУН и УПА. И работать нужно будет не просто осторожно, но ювелирно. Всё по моей инструкции и никакой самодеятельности!

– Сколько людей мне готовить для группы?

– Три человека. Это у тебя. Затем высадятся еще две группы. Но ты о них знать не будешь. Как и они не будут знать о тебе. И все три группы будут возглавлять женщины.

– Вот как? Так задумано?

– Да.

– И каков состав моей группы?

– Я отберу лучших из курсантов наших разведшкол, Лена.

– Мое основное задание?

– Во-первых, сведения про УПА. Нам нужно знать все об этой организации. Они хорошо законспирированы и никогда не выступают под настоящими фамилиями.

– Нужно знать их лидеров?

– Это крайне важно, Лена. Во-вторых, уровень оснаще-

ния, социальную базу, связи. И, в-третьих, политические мотивы.

– Политические?

– Именно политические! Местное население сейчас, по нашим сведениям, их поддерживает. Пока это не так плохо для нас. Но скоро мы возвратим те земли под наш контроль. И тогда УПА станет не немецкой, но нашей головной болью, Лена. Мне нужны их журналисты и пропагандисты. Я должен знать, кто они и как они мыслят.

– Моя легенда? – спросила Костина.

– Твой псевдоним – «Красная вдова».

– «Вдова»?

– В Ровно в службе СД работает наш старый «знакомец» по Харькову гауптштурмфюрер Фридрих Вильке.

– Куратор немецкой «Вдовы», которая попала к нам в 1942-ом году?

– Он заставил нас погоняться за его «Вдовой»¹³ пусть теперь поищет нашу...

Сарненские леса.

Партизанский отряд «Молот».

Декабрь, 1943 год.

Командир отряда Молот, полковник НКВД Трофим Стер-

¹³ Серия романов «Сотрудник Абвера: «Вдова» предшествует серии романов «Протокол допроса». Серия «Вдова» состоит из романов: «Вдова»: Хроника адской машины», «Вдова»: Архив профессора Пильчикова», «Вдова»: Полковник из Аненербе».

ненко получил приказ от своего куратора Нольмана. Расшифровку принес его заместитель и комиссар отряда майор НКВД Лурье.

– Шифровка от Общего друга, – сказал Лурье.

– Когда получена?

– Сегодня. Я только завершил расшифровку.

– И что там?

– Общий Друг приказывает задействовать Ликвидатора.

Стерненко выругался:

– Черт возьми! Он забирает у нас Ликвидатора?

Ликвидатор работал с ними уже год и зарекомендовал себя как настоящая машина для убийств. Ни одной осечки за все время у него не было. Многие в отряде Молот слышали легенды о загадочном Ликвидаторе. Но о том, кто такой Ликвидатор, знали только двое – Стерненко и Лурье.

– Именно так, – кивнул Лурье. – Агент Ликвидатор переходит на выполнение другого задания. Нам запрещено его использование до особого распоряжения из Москвы, полковник.

– Но зачем Ликвидатор Нольману, майор?

– Откуда мне знать, товарищ полковник. Я тоже только исполнитель. Меня не ставят в известность о планах в Москве. Но думаю, что это и есть основная операция.

– Только мы даже не догадываемся о её цели.

– А нам этого и не нужно, товарищ полковник. Не стоит даже близко подходить к пониманию операций Общего дру-

га. Да и если честно, меня Ликвидатор пугает. Пусть лучше будет подалее от нас.

– С чего ты стал таким пугливым, майор? Я тебе так скажу, что пользы Ликвидатор принес столько, что весь наш отряд столько не сделал. В отряде «Победители» у полковника Медведева их уникальный агент «Колонист» сколько пользы принес? Они и держатся на Колонисте. А мы – «Молот» – стоим на Ликвидаторе.

– Все это так, товарищ полковник. Но приказ есть приказ. Стерненко только кивнул в ответ...

Глава 2

Старые долги.

Луцк.

Домик на окраине.

Январь, 1944 год.

Лейтенант НКГБ¹⁴ Роман Лавров снова сумел выжить. Хотя на этот раз нить его жизни должна была прерваться. Лаврова «списал» его непосредственный начальник в Москве старший майор госбезопасности Иван Артурович Нольман.

Для операции «Крыса в норе»¹⁵ Нольман разработал хитрый план. Лавров, по его мнению, никакой ценности больше не представлял и его «раскрыли» немцам. А те отдали его службе безопасности ОУН, которая и приговорила красного агента к смерти.

Нольман тогда убедил своего начальника комиссара госбезопасности 2-го ранга Максимова, что «сдать» агента нужно так, чтобы никакого сомнения в необходимости его устранения у врага не возникло. Нельзя давать им шанса разобраться в ситуации.

Если станут «копать», то вся успешно проведенная опе-

¹⁴ НКГБ – Народный комиссариат государственной безопасности.

¹⁵ Серия романов «Протокол допроса» состоит из романов: «Крыса в норе» и «Ликвидатор».

рация «Крыса в норе» окажется под угрозой. На Лаврова «повесили» подготовку покушения на командира УПА-Север генерала Боровца. Нольману было нужно, чтобы на информацию среагировали быстро. Комбинация была чистая, и никаких шансов у Романа не было. Его и Анастасию Берзенко, которая работала среди подполья ОУН в Ровно под именем Елены Музыки, должны были ликвидировать.

Начальник каевой эс-бе¹⁶ Гонта распорядился для начала провести следствие:

– Свою пулю он всегда получит. Но нужно знать его связи.

– Какие связи, друже Гонта? Нам приказано ликвидировать красного агента и ту бабу, что привела его к нам. Какие еще связи?

– А такие, – ответил Гонта. – Предатель был в составе лучшей сотни УПА-Север не один месяц. Он с кем-то общался и с кем-то дружил. Нам нужно знать этих людей.

– Зачем? Диверсант же не говорил нашим войкам, что он красный, друже Гонта.

– А вот мы и посмотрим, что и кому он говорил. Нужно отправить людей, чтобы забрали его из Варты¹⁷. Четверых пошли.

– Сделаю, друже Гонта.

– И наказ центрального провода выполним и дело сдела-

¹⁶ СБ – служба безопасности в Организации украинских националистов (ОУН).

¹⁷ «Варта» – подразделение УПА, в котором служил Лавров (роман «Крыса в норе»).

ем.

Люди из эс-бе выехали за приговоренными.

Шансов спастись у Лаврова и девушки не было. Они даже не знали об опасности, что нависла над их головами. Но вмешался случай. Сотник УПА Ястреб захотел спасти Елену Музыку. Романтические чувства, которые никогда не брал в расчет Нольман, на этот раз сработали.

Сотник пожелал сохранить красавице Елене жизнь. Но одно дело желать, а совсем иное исполнить это. Ястреб стал думать, как вытащить Музыку и не подставить голову под топор. Сам действовать он не мог, как не мог послать никого из своих офицеров. За сотником пристально наблюдали.

И иного шанса, чем Лавров у Ястреба не было. Хорошо подготовленный диверсант мог перебить охрану, уйти от казни и спасти Музыку. Его нужно только предупредить, что сотник и сделал. Больше того, Ястреб дал Роману карту и тайный контакт на станции, где беглецы могли получить временные документы и добраться до Луцка.

Так рядовой УПА Коваль, в «прошлой жизни» Владислав Иванович Коваленко, а в еще более давней – Роман Романович Лавров, превратился по новым документам в Остапа Штрока, а Анастасия Берзенко, она же Лена Музыка, стала Галей Нелепой...

Михайло Нестеренко часовщик из Луцка встретил «гостей» не слишком приветливо, и в той обстановке, что сло-

жила в Луцке, он, пожалуй, указал бы им на двери. Но был Нестеренко многим обязан сотнику Ястребу.

– Вы намерены остаться в Луцке? – спросил часовщик Лаврова.

– Да. На время.

– Намерены ждать советов? Так осталось недолго. Фронт слышно приближается.

– С чего вы решили, что мы будем ждать советы? – спросила Лена Музыка.

– Да на лицах у вас написано, пани. Чего я советов не видал.

– Вы ошиблись, пан Нестеренко. Ваше чутье вас подвело. Да и пришли мы от Ястреба. Разве Ястреб совет? Пан Ястреб сотник УПА. Он командир Варты – лучшего подразделения в наших лесах.

– Мое дело сторона, друзья. Попросил меня Ястреб помочь – я помогу. Я отдаю вам этот дом.

– А вы сами? – спросила Лена.

– Я переберусь отсюда на другой конец города. От греха подальше. Немцы сильно лютовать стали. А советы придут еще и не то будет. За вами кровавый след тянется. Ну да кровью разве кого ныне удивишь?

Когда Нестеренко ушел, Лена спросила Лаврова:

– И что нам делать?

– Ты о чем? Дом у нас есть.

– И ты намерен здесь остаться?

– А что? Ястреб ручался за безопасность.

– Но разве здешний хозяин не показался тебе странным? И особенно его слова о кровавом следе. А за нами он действительно тянется. Тех парней рано или поздно найдут. Да и уже само их исчезновение наводит на мысли.

– Меня это пугает мало, но как разведчик скажу, что место – это сейчас самое для нас надежное. Для ОУН мы стали врагами. Для немцев тоже. И для советов предатели.

– С чего ты взял? Я никого не предавала! Честно исполняла свой долг. Можно попытаться все объяснить в отряде у Молота! Я ведь говорила, что нам стоит попробовать.

– Молот выполняет приказы из Москвы. Он полковник НКВД. И именно Нольман отдает ему приказы. Нет. Я хорошо знаю, что такое НКВД. Ты не должна сама ничего предпринимать, Лена. Один неверный шаг и смерть.

– Но если все так плохо, то отчего нам не бежать дальше?

– Сейчас нельзя. Только после того, как сюда придут советы. Время, когда меняется власть самое хорошее для бегства. Да и документы у нас малонадежные...

27 января 1944 года части 13-й и 60-й советских армий перешли в наступление и начали Луцко-Ровенскую операцию, которая привела к освобождению 2 февраля городов Луцк и Ровно.

Ровно.

Представитель Центрального провода ОУН. Февраль, 1944 год.

Полковник УПА Иван Драгулец был в Ровно и наблюдал за эвакуацией немцев. Он прибыл в город для встречи с Проводником, который брал на себя руководство ОУН в условиях господства советской власти на территории края.

Новым Проводником стал Микола Осадчий, всего пять месяцев назад прибывший в Ровно. Именно через его посредство УПА-Север получила много оружия и боеприпасов.

– Уходят немцы, друже проводник. И для нас наступают новые времена.

– Генерал Боровец сменил дислокацию отрядов?

– Да. Как и было приказано. Все наши сотни перешли на скрытые стоянки. Генерал просил передать, что мы готовы начать борьбу в любую минуту.

– У меня есть важная новость для генерала, Иван. Но для начала скажи мне, много ли у вас в штабе новых людей?

– В штабе Север? Много, ты же знаешь, друже проводник, что часть наших офицеров переведена из УПА-Север на другие участки. И потому штаб укомплектован заново.

– У меня есть сведения, что среди вас агент большевиков. И занимает он весьма важный пост. Но вот какой? Это предстоит выяснить.

– Агент в штабе у генерал-хорунжего Боровца? Не может быть, друже проводник. У нас все проверенные и преданные

делу офицеры Украинской армии.

– Я не сказал, что агент именно в штабе. Хотя и это возможно. Он может быть среди офицеров низового звена. Но он допущен к стратегической информации.

– Это тактический ход большевиков, дабы посеять подозрительность между нами, друже проводник.

– Нет. Сведения самые точные. Ты слышал про Ликвидатора?

– Агента большевиков, которого мы уничтожили в декабре прошлого года? – спросил Драгулец.

– Ты про рядового сотни «Варта» Ковалья? Так он никакой не Ликвидатор. Его попросту подставили под удар.

– Подставили?

– Именно. Вам был нужен агент большевиков? Вам его отдали. И сделали это из Москвы. Я все знаю про Ковалья или Владислава Коваленко.

– Он агент Москвы, – настаивал Драгулец.

– В свое время Коваленко служил в НКГБ. Но было это давно. Затем работал в Абвере, но потом его сдали и те и другие. Коваленко идеальная фигура для подставки. Но сдали его в именно в декабре 1943-го года не просто так. Я пробовал провести свое расследование, но времени было мало, друже Иван.

– Погоди, друже проводник. Но значит Коваль не Ликвидатор?

– Нет. И никакого покушения на генерала Боровца никто

не готовил. Это была дезинформация.

– Но откуда она исходит?

– Гестапо в ноябре-декабре 1943 года накрыли в Ровно красную разведсеть, но почти никаких арестов не было. Хотя местный начальник гестапо Танцман и его заместитель Вильке получили повышение за эту операцию.

– Как не было арестов? Но говорили, что по этому делу было арестовано почти двадцать человек.

– Резидента немцы не взяли, и вся сеть ушла из Ровно до арестов! Танцман приказал хватать первых попавшихся людей и быстро всех расстрелял. Потом доклад в Берлин о своей работе!

– Ты хочешь сказать, друже проводник, что немцы никакой сети не раскрыли? – спросил Драгулец.

– Именно так, Иван. А это говорит о том, что красные сами все это провернули. И перед нами стоит вопрос – зачем? Я думаю, что они внедрили в состав УПА-Север своих агентов. И тебе следует тайно информировать про это генерала Боровца. Но никакого расследования на месте не нужно. Никто кроме тебя и генерала знать про это не должен. Красные должны думать, что у них всё под контролем.

– Я понял, друже проводник.

– И еще одно, Иван. В Луцке обосновалась специальная группа. Управление контрразведки СМЕРШ. У них это расшифровывается как Смерть Шпионам. Возглавляет группу давний сотрудник НКГБ майор Кравцов.

– И он будет работать по нам?

– У него есть список всех, кто заподозрен в связях с ОУН.

Говорят, они уже целую картотеку имеют. С фотографиями и личными делами!

– Не может быть! Конспирация у нас всегда была на самом высоком уровне, друже проводник.

– Вот это и нужно проверить, друже полковник...

Сарненские леса.

Стоянка командира УПА-Север.

Февраль, 1944 год.

Генерал-хорунжий Тарас Боровец, командир УПА-Север, после того как Советская армия заняла Ровно, со своим штабом перебрался в новое место дислокации в связи с изменившейся внешней обстановкой.

Боевые отряды передислоцировались быстро и без происшествий. Часть солдат пришлось временно распустить по домам в связи с нехваткой продуктов питания и отсутствием широкомасштабных акций.

– Как только вернется полковник Драгулец, – Боровец отдал приказ адъютанту, – сразу его ко мне.

– Есть, друже генерал. Вчера поступило сообщение, что полковник уже на пути в штаб.

– Как вчера? Но я не знаю про это, друже хорунжий!

– Я не думал, что это важно, друже генерал.

– Впредь вам нужно просто исполнять свои обязанности,

друже хорунжий.

Боровец ушел к себе. С этим новым адъютантом штаба были одни проблемы. Как жаль, что ушел капитан Цыба. Вот был адъютант так адъютант. Цыба отпросился у Боровца – пожелал служить в новой дивизии, которую создали во Львове. И младший адъютант хорунжий Барабаш занял его должность. Но если на своем прежнем посту он был на месте, то как старший адъютант с работой не справлялся...

Начальник штаба полковник Иван Драгулец вернулся из Ровно. Его сразу вызвали к командующему и даже не дали привести себя в порядок с дороги.

– Друже командующий!

– Заходи, полковник! Давно жду тебя.

– Трудности возникли при переходе, друже генерал.

– Трудности?

– Точно так, друже генерал.

– Наши явки не провалилась?

– Наши армейские в порядке. Но вот две явки ОУН провалены.

– Явки Центрального провода?

– Да. Но у меня важная новость и без провала явок.

– Докладывай.

Полковник доложил генералу, что операция по устранению красного агента Ликвидатора была чистой провокацией. Боровец удивился. Ведь по сведениям, которые они тогда

получили, Ликвидатор охотился именно на него. И устранение этого красного агента многие записали себе в заслугу. Люди из боёвки СБ (хоть операция тогда прошла не совсем чисто) даже получили поощрение от Центрального провода ОУН.

Про «Ликвидатора» ходили легенды. Он выполнял работу по устранению людей из высшего командного состава и немецкой администрации в городах Ровно и Луцке. Его жертвами стали два генерала, восемь высших офицеров, и 19 офицеров штаба. Две мины были установлены под крышей офицерской столовой. Взрыв произведён во время обеда. Через два дня был подорван штабной вагон шедшего на запад военного эшелона. И оба раза Ликвидатор передал в немецкую комендатуру приговор перед акцией. Так в гестапо, собственно, и узнали о его псевдониме и за голову этого агента объявили награду. Но результата не было. Тогда заместитель начальника гестапо города Ровно приказал взять заложников. В первый день повесили пятерых.

На третий день «приговор» появился на столе у руководителя службы СД Ровно. В нем было сказано, что его заместитель приговаривается к смерти и умрет через три дня.

Начальник гестапо поднял на ноги всех. Но заместитель руководителя службы СД Ровно все равно был убит. И никакого следа Ликвидатора ищeyки гестапо не нашли. Снова пришлось отыгратъся на заложниках.

В конце 1943 года немцы передали в штаб УПА-Север до-

кументы, в которых был назван Ликвидатор – Владислав Коваленко, боец внедрившийся в сотню УПА «Перша варта»¹⁸. И задание у Коваленко – убрать генерала Боровца.

– Что это значит, полковник?

– А то и значит, друже командир. Обманули нас. Первого попавшегося подставили вместо настоящего Ликвидатора.

– погоди! Но ведь именно у Коваленки был приказ о моем убийстве. Это нам сообщили из Ровно из надежного источника Центрального провода ОУН!

– Их обманули. Новый проводник сам мне это сообщил.

– Новый проводник?

– Именно. Получилось так, что немцы подсунули им эту информацию.

– Немцы? Но зачем это немцам?

– Ты погоди, командир. Нам эту информацию передали немцы. Но если и немцам её подсунули? Если это дела красной разведки? Да и сам подумай, какой из Коваленки был Ликвидатор?

– Но зачем они это устроили? – спросил Боровец. – Какая цель?

– Проводник считает, что у нас под самым боком завелся агент большевиков, друже командир.

– Но насколько я знаю, Коваль пропал. До места казни его не довели. И сведений ни про охрану, ни про самого Коваленку нет до сих пор. Его только записали в мертвецы. Но, воз-

¹⁸ «Перша варта» – «Первая стража» (укр.).

можно, он жив. Не так ли, полковник?

– Не думаю. Люди из эс-бе его по-тихому приговорили. Они часто так делают.

– Ты про это никому не говорил больше, полковник?

– Нет.

– И не говори. То все высокая политика.

– Так и проводник сказал. Все держать в тайне. В Ровно и в Луцке уже большевики. Немцы ушли. А советские партизаны с их знанием наших лесов для нас ныне главная проблема.

– Собственно они больше и не партизаны, полковник.

– И многие из советских лесных жителей подались в их армию. Ныне из них формируются ударные группы по борьбе с нами. Из Луцка пришел тревожный сигнал, друже командир.

– Что такое?

– Там расположилась особая группа контрразведки СМЕРШ. Быстро собрали списки наших. Всех, кто заподозрен в связях с ОУН. Проводник передал, что у них уже целая картотека на наших.

– Это информация проводника?

– Да, друже генерал. И начальником в Луцке у СМЕРША майор Кравцов. Калач тертый и специалист большой по таким операциям. Его сам Сталин награждал.

– Они хотят быстро погасить сопротивление ОУН-УПА, лишив руководства. Но и мы позаботились о себе заранее.

Все отряды сменили места дислокации. Схроны подготовлены. У нас есть запасы продовольствия и боеприпасов. Но нам нужно позаботиться о картотеке, которую нарыли красные, полковник.

– И я думал про это, друже генерал.

– Нужно выслать в Луцк группу.

– Сколько человек?

– Три. Больше нет надобности.

– И кто пойдет?

– А это сам решай, полковник. Мне нужно знать, что за списки в руках СМЕРШа. Возможно, что у них и нет ничего, а это всего лишь приманка. Сыр в мышеловке.

– Не думаю, что это ложная информация, друже командарм.

– Вот и подбери людей. Пусть все проверят и по возможности без шума.

Сарненские леса.

Стоянка сотни УПА «Варта».

Февраль, 1944 год.

Полковник Драгулец прибыл в новое расположение сотни «Перша варта». Караульную службу вояки Ястреба несли достойно и всюду располагались секреты.

– Друже полковник, сотня Варта готова выполнить любой приказ командования.

– Знаю, сотник. Пойдем к тебе. Чаем угостишь?

– Все уже готово, друже полковник.

– А ты все хорошо обустроил.

– Ныне нам не с немцами воевать, друже полковник. Советы правила партизанской войны знают. И леса наши знают. Многие люди служат у них.

– Ты прав, сотник. Ныне нас ждет другая война.

– Что слышно с фронта, друже полковник? У нас две недели никаких новостей. А люди интересуются.

– Немцы любыми средствами хотят удержать западные области Украины за собой. Если не удержат, то большевики откроют дорогу в Силезию. А этот район крайне важен для экономики Германии.

– И как они собираются удержать запад Украины?

– Создают линию обороны по линии Ковель-Тернополь-Коломыя. Во Львове много войск. Первая танковая армия. А это сила.

– Но и у красных есть силы. Каков будет результат?

– Не думаю, что немцы удержат Львов, друже сотник. Но, впрочем, посмотрим. В Львове сформирована 14-я гренадерская дивизия «Галичина» из наших добровольцев. Готовятся принять боевое крещение. Но я прибыл к тебе не за этим, сотник.

– Это я уже понял, друже полковник.

– Мне нужны три надежных хлопца с головой. Не просто смелых, но хитрых как лисы. Такие у тебя есть?

– Есть. Для чего нужны?

– Мне нужно отправить надежных парней в Луцк.

– Мой поручик Грицай многократно бывал и в Ровно, и в Луцке при немцах. И при советах он не подведет. Не офицер, а настоящий артист, кем угодно прикинется.

– Давай его сюда, сотник.

Ястреб вызвал поручика к себе. Тот явился через пять минут.

– Друже полковник, поручик Грицай!

– Садись, поручик, рядом с нами. У меня важный разговор.

Грицай сел.

– В Луцке, друже поручик, обосновалась красная контрразведка СМЕРШ.

– Слышал про такую, друже полковник.

– Командиром у СМЕРШа состоит майор Кравцов. И по нашим сведениям у Кравцова есть досье на многих членов подполья ОУН и по командирам УПА.

– Но то секретная информация, друже полковник, – удивился Грицай. – В моем взводе большая часть солдат не знает моей фамилии. Только прозвище Грицай. Только те, кто из моего села меня знают, но то надежные парни. Умрут за меня, я умру за них.

Ястреб подтвердил это:

– Он верно говорит. И моего имени никто не знает. Я сотник Ястреб. Вот и все. Откуда у СМЕРШа данные по проводу ОУН?

– Это контрразведка, друже сотник. И контрразведка хорошая. Твоя задача, друже Грицай, все разузнать в Луцке. Но сделать это нужно без шума.

– У меня в Луцке много знакомых.

– А вот это не очень хорошо, – сказал полковник.

– Но они не знают, что я поручик Грицай. Большинство из них. Я выполню ваше задание, друже полковник.

– Я прибыл сюда искать людей для выполнения задания штаба УПА-Север. Миссия эта секретная. Никто о цели моего прибытия знать не должен из твоих солдат. Для всей сотни, друже Ястреб, я прибыл с проверкой из штаба. Проверкой боеготовности. Я все проверю как надо и покину расположение Варты. Только спустя три дня ты, сотник, отправишь поручика и с ним двоих в Луцк. Под любым предлогом.

– Все исполню, друже полковник...

Глава 3

СМЕРШ.

Луцк.

Контрразведка СМЕРШ¹⁹.

Февраль, 1944 год.

Влад Коваленко уже два месяца скрывался вместе с Еленой Музыкой в городе Луцк в скромном домике на окраине, где ранее жил часовщик Михайло Нестеренко.

Сам Нестеренко в доме не появлялся, после того как там поселились эти двое. Пока в Луцке были немцы, он сидел тихо и про гостей и свой дом не вспоминал. Но 2 февраля в город Луцк вошли советские войска.

Коханка (любовница) Нестеренко, у которой тот жил, сказала ему:

– Ты слыхал, что в городе вчера троих арестовали?

¹⁹ СМЕРШ – «Смерть шпионам» – военная контрразведка. Днем рождения военной контрразведки «СМЕРШ» принято считать 19 апреля 1943 года, именно тогда Иосиф Сталин подписал приказ о ее создании. «СМЕРШ» было его созданием, как говорят, что название организации он придумал сам лично. Дело было в Сталинском кабинете в Кремле, где как раз обсуждался вопрос о цели и структуре контрразведки. Кроме Сталина в кабинете был будущий начальник «СМЕРШ», Виктор Абакумов, который предлагал Сталину дать название в нескольких вариантах. Но Иосиф Сталин сурово ответил: надо так назвать чтобы стало страшно, что бы тебя боялись, и предложил назвать «СМЕРШ» от сокращенного – смерть шпионам.

– Кого?

– Дак людей из газеты «Украинское слово», что при немцах выходила.

– И нам что до них?

– Ты не понимаешь, Михайло?

– А чего мне понимать? Какое мне дело до «Украинского слова»?

– Те люди, что их взяли из СМЕРШа. И права у того СМЕРШа как у господ Бога! Журналистов тех мы больше и не увидим никогда. А у тебя в доме двое живут.

– И чего? Это люди что пришли от самого Ястреба. А Ястребу я обязан. Он меня от смерти спас, глупая ты баба.

– Но девка, что у тебя в гостях живет тоже из газеты.

– Чего? И какой газеты?

Сожительница достала прошлогодний номер газеты «Во-лынь» и показала статью «Кто есть первый враг Украины?», подписанную именем Олены Музыки.

– И чего? – не понял Нестеренко.

– Не будь дураком. В твоём доме живет Олена Музыка, журналистка «Во-лыни». Я хоть и мельком её видела, но узнала сразу.

– Та девка журналистка?

– И статейки писала такие, что советы ей будут недовольны. И если завтра её возьмут то и тебя следом, дурак. Спросят, отчего она в твоём доме живет. Что скажешь? Что она от Ястреба? Так тебя к стенке и поставят.

– И чего советуешь?

– Донеси на них в СМЕРШ.

– Чтобы потом меня люди Ястреба прирезали? Хлопцы из леса меня везде достанут, если я выдам этих двоих.

– Ну и дурак ты, Михайло. Ты не говори, что она Олена Музыка. Ты скажи, что в твоём доме тайно живут подозрительные люди. А они там пусть сами потом разбираются. Главное, что ты уже чист и перед советами, и перед Ястребом. Мало ли кто донес про них?

Нестеренко задумался над словами коханки...

Роман Лавров после смены власти вышел в город и осторожно прощупал обстановку. Он прошелся по городскому рынку, который ожил первым и местные пошли покупать и продавать. Вернее, менять одно на другое, ибо деньги теперь стоили мало.

У лавки обувщика он увидел знакомого. Поначалу он даже прошел мимо. Но потом вернулся.

«Я где-то вдел его лицо».

И Лавров вспомнил! Это был «русский» немец Михаил Вернер. Тот самый, которого майор Абвера Лайдеюсер завербовал в 1942 году в Харькове.

«Это же Вернер! Вот так встреча! И с чего ему торчать в обувной лавке в Луцке?»

Он немного понаблюдал за лавкой, но ничего подозрительного не увидел. Обувщик занимался своим делом. Лю-

дей к нему подходило много. В большинстве случаев консультировались по ремонту обуви. И Вернер давал им советы настоящего сапожника. Очевидно, что дело он знал.

«Ничего я тут не выстою. Этак можно и три дня просто-вать. Понятно, что Вернер здесь не просто так. Но мне выходить на него сейчас не стоит. Подождем»...

Вернувшись домой, он сказал Елене Музыке:

– У нас есть неделя, Лена.

– А что случилось?

– СМЕРШ, – коротко ответил Лавров.

– И что?

– Они благодаря партизанам и подпольщикам уже взяли городок на контроль. А те работали здесь при немцах и знают, кто и чем дышит. Я знаю, как работают службы НКГБ и НКВД.

– Но почему нам не явиться самим? Мы же работали на советскую разведку? Пусть свяжутся с полковником Стерненко. Или с майором Лурье. Они скажут кто мы такие.

– Твоего Стерненко нет на старой базе. Слышно, что партизан далее перекинули. В сторону, занятую немцами. Они ныне там нужнее.

– Но они могут запрос сделать!

– Я уже говорил тебе, что нас сдали.

– Но не могут же они...

Лавров прервал Музыку:

– Меня сдали именно наши, Лена. Центр пожертвовал мной ради своих целей. Я узнаю товарища Нольмана. Толку от меня стало мало, и он решил меня разменять в своей игре. Я должен был умереть. Но благодаря тебе я остался жив, Лена. Ведь если бы сотенный Ястреб не захотел тебя спасти, то меня бы уже давно расстреляли и закопали тело в лесу.

– Но ты не объяснил, почему нас с тобой вдруг решили ликвидировать? Ястреб сказал тебе, что мы обвиняемся в предательстве. Значит, в подполье ОУН узнали, что я не Лена Музыка? Но как они могли узнать?

– Этого я знать не могу. Но не думаю, что тебя рассекретили люди из ОУН. Легенда у тебя отличная и сходство твое с Музыкой удивительное. словно вы родные сестры. Думаю, что это многоходовка Нольмана.

– Да кто такой этот Нольман? Злой демон?

– Хуже. Старший майор госбезопасности. На хорошем счету у самого Берии. Это он меня в 1941 году «пристроил» в Абвер. И сделал это грубо. Но учитывая его прошлое, человеческая жизнь для него – ничто. Он играет в опасные игры. А мы с тобой пешки в его партии.

– Нольман отдает приказы полковнику НКВД Стерненко?

– Да. Когда я был в отряде «Молот», они связывались именно с Нольманом. «Общий Друг» это он.

– И что теперь, Влад? Что нам делать? Он знает, что мы живы?

– Не думаю. Мы пропали в лесу. Я тогда убил троих пар-

ней из СБ националистов, которые везли нас в краевой штаб, дабы там расстрелять.

Елена хорошо помнила, как быстро разделался Влад с парнями. Затем они спрятали трупы, выпрягли лошадь из саней и отпустили её. Сани откатили сами за пять-шесть километров от места. И сбросили в овраг. Как раз пошел снег и замел все следы.

– Думаешь, тела парней нашли?

– Их найдут не раньше весны. Снега растают и только тогда. Но в том состоянии будет трудно узнать кто они. Да и обстановка сильно изменилась. В Ровно Красная Армия. И у хлопцев из леса много проблем. Им точно не до нас.

– Но что нам делать? Сидеть и прятаться? Нас все равно найдут. Красные станут проводить мобилизацию, и ты под неё попадешь. У тебя какие документы? Из немецкой управы.

– Мобилизация? Это не так скоро. Неделя у нас есть и даже две. Но здесь оставаться нам нельзя. Нужно уходить из Луцка.

– Куда?

– Уходить за линию фронта.

– К немцам?

– Именно. Только если мы докажем свою нужность, Нольман оставит нам жизни. Он человек практичный. А на этой стороне мы ему совсем не нужны.

– А зачем мы немцам?

– Думаю, что с майором Абвера Лайдеюсером я смогу договориться, после того что произошло. Мне нужно только с ним переговорить. И я сумею его убедить в нашей с тобой нужности. А затем, когда мы снова внедримся, то и Нольману станем нужны.

– Влад! Ты подумай, что нас с тобой двое и сейчас никакой поддержки у нас нет. Как мы сможем куда-то внедриться. Ранее у меня были связи и пароли. Но что сейчас?

– Я все же разведчик, Лена...

В двери постучали. Коваленко и Музыка замерли.

– Кто это? – тихо спросила она.

– Стучат властно. Это явно не соседи!

– А кто?

– Возможно те, кого мы с тобой опасались.

В двери снова постучали, и послышался голос:

– Открывайте! СМЕРШ!

Лавров понял, что бежать бесполезно. Путь отхода он не приготовил. Никак не ожидал, что все произойдет так быстро.

– Что делать? – спросила Лена.

– Придется открыть. Если их немного, то можно попробовать уйти. Но ты сама ничего не предпринимай. Я дам сигнал в случае чего.

– А если много?

– Тогда придерживайся версии, что ты Галя Нелепа, как написано в твоих немецких документах. Тебя хотели отпра-

вить в Германию, но ты вместе с другими бежала с этапа. Меня почти не знаешь. Познакомились случайно в лесу.

– Значит, не говорить о моей работе на партизан?

– Нет. В случае чего тебе ничего не грозит. Даже если меня раскроют. Галя Нелепа ничего советам не сделала в отличие от Лены Музыка.

Снова стук в двери и крик:

– Открывайте! Дом окружен! Последнее предупреждение! Я прикажу высадить двери!

Лавров отрыл и на пороге увидел офицера и несколько человек с автоматами.

– Дом полностью окружен! – сказал офицер. – Не советую делать резких движений. А то мы откроем огонь.

– Я и не собирался оказывать сопротивление, товарищ лейтенант...

Елена Музыка сказала на допросе лейтенанту СМЕРШа, что она Галя Нелепа.

– Я была насильно мобилизована для выезда в Германию.

– Когда это было? – спросил лейтенант.

– Дак полгода тому.

– И как же вам удалось избежать отправки в Германию, товарищ Нелепа?

– Я с тремя девчатами сбежала с этапа.

– Сбежали?

– Да. Во время пересадки в другой поезд. На станции в

Станиславе наш эшелон задержали и всех выгнали из вагонов.

– Зачем?

– Нужно было расчистить завалы. Партизаны взорвали железнодорожное полотно. И нас погнали на работы. И там мы с подругами сумели сбежать.

– Имена и фамилии ваших подруг?

– Я знаю только имена, товарищ лейтенант.

Музыка назвала имена и рассказала, как они пробирались через лес, и как их пути потом разошлись. Лейтенант выслушал её, не перебивая, но потом сказал:

– Один сознательный гражданин донес, что в его доме скрываются двое подозрительных. И мы среагировали быстро.

– Мы скрывались от немцев.

– Но уже неделю в городе советская власть! И вы все еще сидите в доме тихо как мыши. зачем вам бояться нас, гражданка?

– Мы не боимся советской власти. Чего нам бояться?

– А вот этот вопрос я задаю вам, Галя. Почему вы боитесь советской власти?

– Я была схвачена немцами и меня...

– Я уже слышал эту историю, товарищ Нелепа, если вас и правда так зовут. Но товарищ, в доме которого вы жили, сказал, что люди вы странные. А наша задача проверять всех подозрительных. Ни у вас, ни у вашего друга

нет нормальных документов. Справки на бумаге без фотографий. Такие где угодно можно сделать.

В кабинет вошел молодой человек в форме с погонами сержанта.

– Разрешите, товарищ лейтенант?

– Заходи, Иванов. Принес?

– Так точно. Здесь копии дел всех известных колаборантов, и фото, которые нам удалось найти к сегодняшнему дню.

Лейтенант принял папку и отпустил сержанта.

Он стал просматривать материалы и сразу наткнулся на биографию и фото Елены Музыки журналистки из Ровно. Он ту же прервал допрос и приказал увести задержанную.

– В камеру её!

Музыку увели. Лейтенант тоже сорвался с места. Решил доложить начальнику майору Кравцову.

«Если это она, то я поймал крупную рыбу в мутной водичке! Нужно спросить санкции майора Кравцова. Он самостоятельности не любит».

В приемной у майора сидела секретарь сержант Сеницына.

– Товарищ Кравцов у себя? – спросил лейтенант.

– Да. Но он занят и просил никого к нему не пускать.

– У меня дело срочное. Он приказал о таком докладывать немедленно! Доложи ему, Сеницына.

Сержант поднялась с места и вошла в кабинет. Вскоре она пригласила лейтенанта.

– Он вас ждет, товарищ лейтенант!

Офицер вошел.

– Разрешите, Григорий Михайлович?

– Заходи, лейтенант. Что у тебя?

– К нам вчера доставили двух людей, товарищ майор.

Мужчину и женщину.

– И что?

– Похоже, что одна из них Едена Музыка журналистка из газеты «Волянь».

– Музыка?

– В нашей картотеке по колаборантам она есть. Даже есть информация, что она в составе местного руководства ОУН, товарищ майор.

Лейтенант показал Кравцову документ.

«Музыка Олена Станиславовна. 1923 года рождения, уроженка села Радошевка Деркальского района Тернопольской области., по национальности украинка, гражданка СССР, с 1940 по 1941 год комсомолка, по происхождению из крестьян. Дед Музыки Омельян был крестьянином середняком и занимался С/хозяйством. Отец Станислав Музыка получил образование в тернопольской гимназии, а затем в Станиславском училище для учителей.

С осени 1941 года Олена Музыка активный участник организации ОНУ-Б (Бандеры). Работала корреспондентом в газете «Волянь». Поддерживала связь с сотней УПА-Север «Перша Варта» (Первая стража). По сведениям наших

агентов состояла в связи с сотником Ястребом, командиром «Первой стражи».

В декабре 1943 года против Музыки О.С. люди из ОУН выдвинули обвинение в предательстве. Но подробности неизвестны. С января 1944 года числится среди пропавших без вести».

– Ты уверен, что у тебя в камере именно вот эта девица? Она что призналась?

– Назвалась другим именем. И документы имеет на другое имя. Но очень похожа.

– А кто с ней?

– Молодой мужчина. Из наших военнопленных.

– Военнопленный?

– Бывший сержант Красной Армии. Содержался немцами в лагере для военнопленных в Квитчанах.

– В Квитчанах? А это интересно, лейтенант. У нас уже пять человек проходит по Квитчанскому лагерю. И все агенты Абвера. Где он у тебя?

– В камере, товарищ майор.

– Давай его сюда!

Лавров на допросах решил не называть себя. Стал придерживаться легенды, которую для него придумали в Абвере, что он бывший сержант Красной Армии, который попал в плен и бежал из немецкого лагеря для военнопленных в Квитчанах. Затем раздобыл справку из немецкой управы на

имя Остапа Штрока.

И вот его снова вызвали на допрос. Уже в третий раз. На этот раз говорить с ним захотел лично начальник отделения СМЕРШа в Луцке.

– Выходи! Тебя начальник требует! Живее!

Лавров вышел из камеры.

– Лицом к стене! – прозвучала команда.

Лавров выполнил требование. Щелкнул замок камеры. Бывший лейтенант НКГБ мог легко уложить двоих конвоиров и завладеть оружием. Но делать этого не стал, хотя вызов к начальнику его удивил.

– Вперед! – прозвучала команда.

Лавров пошел.

Пожилой конвоир сказал молодому тихо, но Лавров мог его слышать:

– Сам вызывает! Отбегался парень. После майора ему только одна дорожка.

– Верно! – отозвался молодой. – К стенке.

В кабинете Лавров сразу узнал офицера, который его вызвал. Еще бы! Это был Кравцов! Он ведь служил под его началом в Харькове в 1941 году, и затем они пересекались в 1942-ом.

– Лавров? – искренне удивился Кравцов. – Вот кого он никак не ожидал здесь встретить.

– Товарищ капитан? – Лавров назвал его по старому званию.

– Майор, – поправил его Кравцов. – Хотя ты ведь погоны не носил еще. В 1943 году ввели. Я майор контрразведки СМЕРШ. Садись, лейтенант.

Лавров сел.

– Откуда ты здесь, лейтенант?

– Был сотрудником Абвера, если ты не забыл.

– Как такое забыть. Но я не про Абвер, лейтенант, а про наше управление, в котором ты служишь. В отделе у Нольмана в НКГБ? Меня после в 1943-ем году перевели в новую структуру СМЕРШ. Хотя Нольман отдавать не хотел. Хорошо мы с тобой тогда в 1942-ом поработали в Харькове.

– Я после Харькова снова оказался в разведшколе Брайтенфурт под началом у майора Абвера Лайдеюсера. Получил задание в Ровно и через штаб партизанского отряда связался с Нольманом в ноябре 1943 года.

– А здесь как?

– Я был внедрен в один из отрядов УПА. Но мне пришлось бежать. Вместе с Еленой Музыкой.

– Так она все-таки Музыка? А то мой лейтенант сомневается.

– Я не могу тебе всего рассказать, майор. Но она также сотрудник нашей разведки. И нам с ней пришлось бежать. Нас приговорили к смерти за измену. Меня и её.

– Кто приговорил?

– Служба безопасности националистов. Слышал про эсбэ?

– Как не слышать.

– Я перебил охрану, и мы с Еленой бежали.

– В Луцк?

– Да. Скрываемся здесь с января 1944 года. Сидим без связи и без дела.

– Я доложу о тебе и о ней. Завтра же доложу, лейтенант.

– А можешь оказать мне услугу, майор?

– Какую?

– Не докладывай пока ничего.

Кравцов не понял Лаврова:

– Ты о чем, лейтенант? Как не докладывать? Ты офицер НКГБ. И твой начальник должен знать, что ты в Луцке.

– Боюсь, майор, что меня списали.

– Что это значит?

– Как отработанный материал. Как у нас списывают агентов? Ты не забыл?

– Но с чего ты взял?

– Мои позиции в отряде УПА Варта были довольно крепкие. И вдруг все кончилось. И сразу поступил категорический приказ о моей ликвидации. И даже мой начальник сотник Ястреб ничего для меня сделать не смог. А это значит одно – меня сдали со всеми потрохами. И сделать это мог Нольман. Через него к немцам попали сведения, дискредитирующие меня. А от немцев они попали в штаб УПА.

– Это твое предположение?

– Почти уверенность, майор. Мой начальник в Абвере мне

не верил и, похоже, использовал только для игры с Нольманом. Нольман это понял и решил меня «слить».

– Для какой цели?

– Этого я не знаю. Но ты знаешь многоходовки Нольмана. В его планы не входит то, что я жив. И если ты доложишь обо мне, то боюсь я и недели после этого не проживу.

Кравцов задумался. После операции по барону фон Рунсдорфу он был на хорошем счету и все его прежние неудачи пока забылись. А если сейчас он не выполнит свой долг и скроет Лаврова, то неизвестно как все может повернуться. Он ведь совсем не в курсе работы Нольмана сейчас.

– Ты не понимаешь, Лавров. Я сотрудник СМЕРШ. Здесь мой отдел работает по выявлению вражеской агентуры и местным предателям. ОУН и УПА в зоне приоритетного интереса. А ты имеешь отношение к этому. И ты работал как агент НКГБ. Это докажет твою полезность, лейтенант.

– Я готов отдать тебе весь расклад. Все что я знаю по УПА. Но не сдавай ни меня, ни Лену Нольману.

– Но, если я так сделаю, что станешь делать после этого ты?

– Снова стану работать и докажу свою нужность. Только так я смогу сохранить жизнь и себе, и ей. Ведь никто не знает, что ты меня узнал, майор.

– Но мой лейтенант Васильев узнал Музыку. Полностью он не уверен, что это она. Но скрыть этот факт я не могу. Она в нашей картотеке как враг! А если она агент НКГБ, то

я должен доложить.

Лавров пожал плечами.

– Хорошо. Выполняй свой долг, майор. Прости, что попросил. Я тебя понимаю.

– Да ты погоди, Лавров. Поспешных выводов делать не будем. Пока тебя в камеру отведут. А я стану думать, что делать.

– Думай не думай, но доложить тебе придется, или нас отпустить.

– Этого не могу, лейтенант. Если бы тебя взял лично я, то другое дело. Но я могу сделать так, чтобы Нольману затруднительно было тебя убрать...

Москва.

Управление НКГБ СССР

Февраль, 1944 год.

Комиссар государственной безопасности Максимов снял трубку с телефонного аппарата.

– Максимов.

– Это Абакумов.

Звонил сам заместитель народного комиссара обороны и начальник Главного управления контрразведки СМЕРШ.

– Слушаю вас, товарищ Абакумов.

– Вы уже получили сообщение из Луцка, товарищ Максимов? Начальник тамошнего СМЕРШа захватил важного агента вашего управления.

– Вы говорите про лейтенанта Лаврова? – Максимов знал про этот инцидент со вчерашнего вечера.

– Что у него за дело в Луцке?

– Дело в том, что Лавров числится у нас в списках погибших, товарищ Абакумов, – ответил Максимов, хотя знал, что Абакумову это хорошо известно.

– И что это значит, Владимир Иванович? Мы помешали какой-то вашей операции?

– Нет. Мы сейчас работаем над этим, Виктор Семенович.

– Но мой майор говорит, что хорошо знает этого лейтенанта. Они работали вместе в Харькове.

– Точно так, Виктор Сёменович, Нынешний майор Кравцов, тогда капитан, был начальником у лейтенанта госбезопасности Лаврова в Харькове осенью 1941 года.

– Значит сведения о его смерти ошибка?

– Похоже на то, Виктор Семенович.

– Я готов оказать вам, Владимир Иванович, всяческое содействие в этом деле.

– Спасибо, Виктор Семенович. Буду иметь в виду.

Максимов положил трубку. Абакумов уже все знает. Но разве могло быть иначе...

Старший майор государственной безопасности Иван Артурович Нольман был удивлен новостями еще больше Максимова. Оказывается, его списанный агент Лавров жив, и сейчас попал к СМЕРШУ.

Нольман сразу пошел к своему начальнику комиссару госбезопасности 2-го ранга Максимову.

– Владимир Иванович, у нас неприятности.

– Ты про Лаврова? – спросил Максимов.

– Да.

– Мне только недавно звонил Абакумов.

– Абакумов? По поду Лаврова?

– Да.

– Не его уровень.

– А вот представь себе, что Абакумов снизошел до такого уровня, Иван Артурович. Лавров выжил. Твоя комбинация не сработала. И теперь я сомневаюсь в эффективности агента, которого мы внедрили благодаря «ликвидации» Лаврова.

– Не согласен, Владимир Иванович. К агенту это отношения не имеет.

– А к операции «Крыса в норе»?

– Лавров не имел к ней прямого отношения.

– Его взяли люди СМЕРШа, старший майор. Не наши. Доклад о Лаврове и Елене Музыке ушел к Абакумову. И ему принимать решение. Ему, а не нам. И Берия тебе в этот раз не поможет, Иван. Ты знаешь какое у тебя задание!

– Знаю.

– А если Абакумов что-то пронюхает? А этот умеет. Можешь не сомневаться.

– Ничего Лавров ему не даст, Владимир Иванович. Это не та ниточка, что может вывести к настоящей цели «Крысы в

норе».

– Но узнать о том, что инициатива сдать Лаврова исходила от нас, он может. Если еще не знает этого. Слишком уж он был со мной любезен сегодня.

– Про Красную вдову он может и узнать. «Красная вдова» – это только часть операции. Не больше.

Максимов сказал:

– Но основное твое задание – ликвидация, Иван Артурович. И этого провалить мы с тобой не можем! Здесь иного выбора нет. Или сделаем, или нас с тобой «спишут».

– Все идет по плану, – заверил Максимова Нольман.

– Но медлить нам не стоит, Иван. Чем быстрее сделаем, тем лучше для нас. Уберем и спрячем концы. И тогда пусть кто угодно копается в этом деле. Когда все будет сделано, нам с тобой ничего грозить не будет.

– Лаврова взяли люди майора Кравцова. И Кравцов задумал сохранить жизнь Лаврову. Но я могу заняться этим сам, Владимир Иванович.

– Сам? Что это значит?

– Я могу отправиться в Луцк.

– Ты? Иван Артурович, у тебя мало работы здесь? Ты мозг операции!

– Но моя командировка как раз для работы. Я работаю по ОУН-УПА. И мое присутствие на месте делу только поможет в нынешней ситуации.

– Не думаю, что ты прав.

– Владимир Иванович, Ты знаешь, что «Красная вдова» там. Операция продолжается. Но в Луцке начались осложнения. Я должен сам за всем проследить. Сам!

– Иван!

– Майор Кравцов из СМЕРШа работает по УПА. Это имеет прямое отношение к моей операции.

– Скажи, чего ты хочешь, Иван Артурович? Зачем тебе эта поездка?

– Мне нужно осмотреться на месте.

– Иван Артурович, тебя знают. И если ты там появишься, то это многих напряжет. А ты ключевая фигура Ликвидации! Ты мозг операции!

– А мы и не станем сильно афишировать мое присутствие...

Глава 4

Ликвидация Абвера.

Берлин.

Принц-Альбрехт-штрассе.

Февраль, 1944 год.

Штурмбаннфюрер СС Фридрих Вильке эвакуировался из Ровно во Львов. Немецкая армия отступала или «выравнивала линию фронта» как говорил по радио доктор Геббельс. Но в городе Льва Вильке не задержался – получил вызов в Берлин, куда перебрался его шеф оберфюрер²⁰ СС Генрих Танцман...

Карьера Фридриха Вильке знала и взлёты и падения. В 1940 и летом 1941 года для него все складывалось удачно. Особенно ему повезло в Киеве, где он служил в подчинении штурмбаннфюрера СС Ганса Шумахера, шефа киевского гестапо. Тогда Вильке возглавил группу контрразведки «Восток» Четвертого управления РСХА. Но затем «звезды отвернулись» от него. Вильке перевели в Харьков, где он не смог осенью 1941 года предотвратить покушение на генера-

²⁰ Оберфюрер СС – бригадный генерал. Звание бригадный генерал в армии СССР и современной армии РФ отсутствует. Но в царской России такое звание было. Бригадир (командир бригады) чин между полковником и генерал-майором.

ла фон Брауна. И карьера в контрразведке для него завершилась. Его перевели в управление гестапо Харькова на довольно мелкую должность, что было для специалиста его уровня унижительно. Но в 1942 году капризная дама Фортуна снова повернулась к нему лицом. Его заметил сам рейхсфюрер СС Гиммлер. После эвакуации немцев из Харькова в августе 1943 года Фридрих получил назначение в Ровно.

В Ровно Вильке, специалист по розыскной работе, служил в управлении службы СД при генеральном комиссаре Эрихе Шёне под началом Генриха Танцмана.

Положение самого Танцмана тогда было крайне неустойчивым. В Ровно работало советское подполье и успешно действовали диверсанты, совершившие ряд громких покушений на представителей немецкой оккупационной администрации, таких как ликвидация Пауля Даргеля и убийство генерала Ильгена.

Вильке сумел разоблачить сеть советских агентов, а Танцман приписал себе успех операции. Хотя наступление советских войск не дало результатов по арестам среди подпольщиков, но работу службы СД под руководством Танцмана оценили в Берлине...

Танцман теперь работал в центральном аппарате Гиммлера на Принц-Альбрехт-штрассе, получил звание бригаденфюрера СС²¹ и рыцарский крест из рук самого рейхсфюрера.

²¹ Бригаденфюрер СС – генерал-майор. введено в структуру СС в качестве зва-

Гиммлер сказал ему:

– Вы отныне будете работать со мной, Танцман. Мне нужны верные и способные люди.

– Да, рейхсфюрер! Это большая честь для меня!

– Думаю, что вы оправдаете доверие, которое я вам оказал!

– Сделаю все возможное и невозможное, рейхсфюрер!

– Вы можете назвать мне способных офицеров СД, которых стоит рекомендовать к переводу в Берлин. Вам нужна собственная команда, бригаденфюрер!

– Штурмбаннфюрер СС Вильке, рейхсфюрер! – сразу ответил Танцман.

– Вильке? Это офицер из Харьковского управления СД?

– Так точно, рейхсфюрер!

– Я помню его по делу фон Рунсдорфа²². Он тогда показал себя отлично. А что его работа в Ровно?

– Штурмбаннфюрер СС Вильке служил под моим началом, рейхсфюрер! Его действия были не всегда обдуманными, но под хорошим руководством он может показать отличные результаты.

ния руководителей основных территориальных подразделений СС Оберабшнит (SS-Oberabschnitt). Это наивысшее структурное подразделение организации СС. Их насчитывалось 17. Его можно приравнять к армейскому округу, тем более, что территориально границы каждого оберабшнита совпадали с границами армейских округов. С 1936 года в войсках СС звание бригадефюрер соответствовало званию генерал-майора и должности командира дивизии.

²² Дело барона фон Рунсдорфа – события в книгах «Сотрудник Абвера» – «Вдова»: Архив профессора Пильчикова», «Вдова»: Полковник из Аненербе».

– Вызывайте его в Берлин, бригаденфюрер!

– Да, рейхсфюрер! Вы не пожалеете о принятом решении!

– Скоро, Танцман, работы у нас будет больше. Вы ведь еще не знаете, что дни Абвера сочтены?

– Как же так, рейхсфюрер?

– Фюрер ликвидирует структуру Абвера. Будет централизация различных ветвей секретных служб вермахта и СД.

– Военной разведки не будет?

– Все теперь будет сосредоточено у нас в РСХА.

– А что адмирал Канарис²³?

– Эта старая лиса отслужила свое, Танцман. Фюрер отправит его в отставку. Идите, бригаденфюрер! Жду от вас результатов в работе на благо рейха!

– Хайль Гитлер!

– Хайль!

Вильке по прибытии в Берлин едва успел разместиться в отеле, как сразу поручил вызов к бригаденфюреру Танцману

²³ В 1942 году положение Канариса пошатнулось после провала операций «Боярышник» (восстание в Южной Африке), «Тигр» (афгано-индийский конфликт), «Шамиль» (восстание на Кавказе) и др. В начале 1943 года несколько сотрудников абвера были арестованы гестапо по подозрению в подготовке покушения на Гитлера, было начато расследование деятельности всей разведслужбы. После целого ряда провалов операций, возглавлявшихся Канарисом, Гитлер в феврале 1944 года объявил ему об отстранении от должности, а также о том, что большая часть абвера переходит в подчинение Главному управлению имперской безопасности СС. После отставки Канарис был помещён в замок Лауэнштейн, покидать который ему запрещалось. С июня 1944 года уволен в запас.

в управление имперской безопасности²⁴.

– Штурмбаннфюрер Вильке прибыл по вашему приказу, герр бригаденфюрер!

– Здравствуйте, Вильке. Вы добрались быстро.

– Меня никто и не держал, герр бригаденфюрер! Нового места после эвакуации из Ровно я так не получил.

Бригаденфюрер перешел к делу.

– Я не забыл вашей услуги, Вильке, и умею быть благодарным. Вы помогли мне в Ровно, а я помогу вам в Берлине. Скоро будет объявлен приказ фюрера о централизации различных ветвей секретных служб вермахта и СД.

– Централизации? Но что это значит, герр бригаденфюрер?

– Руководство будет сосредоточено в главном управлении имперской безопасности.

– Но что тогда будет с Абвером?

– Фюрер приказал создать единую службу сбора и доставки секретной информации. И руководство этой службой поручается рейхсфюреру СС Генриху Гиммлеру!

– А адмирал Канарис?

– Скоро будет приказ о его отставке! С Канарисом кончено. Фюрер списал его. Гиммлер собирает руководителей структур Абвера в Зальцбурге, где он лично объявит им эти

²⁴ Главное управление имперской безопасности РСХА. Хотя в немецком слово reich означает «государство», а не «империя». Империя на немецком это Kaiserreich.

новости. Вы будете работать в моем аппарате, Вильке. В Берлине!

– В Берлине?

– Скоро я займу место в аппарате РСХА. Вам обещаю скорое повышение до оберштурмбаннфюрера СС²⁵.

– Но как же мои дела в Западной Украине?

– После падения Ровно там все закончено.

– Но я намеревался вернуться во Львов. Там ныне затевается большая игра. Герр бригаденфюрер, я разведчик и хотел бы быть в центре событий.

– Вы шутите, Вильке? Вы не расслышали, что я вам предложил? Место в центральном аппарате РСХА. И здесь вы будете заниматься вашей разведкой, но на самом высоком уровне! С чего вас тянет во Львов?

– Западная Украина скоро станет весьма интересна в деле агентурной разведки.

– Я не думаю, что это направление станет приоритетным, Вильке. Вы ведь хорошо закончили дело в Ровно. Пусть теперь этим занимаются другие.

– Не считите меня неблагодарным, герр бригаденфюрер. Но дело которое мы начали в Ровно не завершено.

²⁵ Оберштурмбаннфюрер СС – подполковник. Звание введено в структуру СС, в качестве звания руководителей территориальных подразделений СС-штурмбанн (*SS Sturmabteilung*). В штурмбанн (батальон) входили четыре штурма (роты), небольших подразделений, приблизительно равных по численному составу армейской роты (от 54 до 180 человек), один взвод санитаров и военно-оркестровая группа. Численность штурмбанна составляла 500—800 человек.

– А точнее?

– Там, как вы знаете, работает майор Альфред Лайдеюсер. И я хотел бы поучаствовать в реализации того дела, что мы там начали.

– Вильке, я открою вам еще одну тайну. Вместе с Канарисом будут отставлены со службы его приближенные. И среди них полковник Густав Штольнэ. Это начальник Лайдеюсера. И ваш майор последует за ним. Его ждет восточный фронт. Место полкового начальника разведки.

– Герр бригаденфюрер!

– Вы не согласны?

– Лайдеюсер хороший разведчик.

– Он не пользуется доверием, Вильке.

– Но именно он работал по внедрению агентов в состав УПА. Он знает обстановку и его смещение сейчас повредит делу, герр Танцман. Да и завербованная мной Анна Гончаренко во Львове.

– Что такого ценного в этой Гончаренко, Вильке? Пусть себе этим занимаются другие.

– Герр Танцман! Красные затевают там большую игру. Они задумали быстро ликвидировать сопротивление ОУН-УПА. Там работает агент «Красная вдова». И дело моей чести взять её, как они взяли «вдову». Я хочу сорвать планы красных в Западной Украине.

Танцман задумался. Он знал о важности работы с ОУН-УПА уже в советском тылу. И понял, что Вильке прав. Там

он будет нужнее, чем в Берлине.

– Хорошо, Вильке. Подготовьте для меня отчет по делу, и я с ним ознакомлюсь...

Через два дня сам Танцман говорил с Гиммером о продолжении операции.

– Это дело чрезвычайной важности, рейхсфюрер.

– Доложите подробнее, – сказал Гиммлер.

– В Ровно, еще когда город был под нами, нам удалось завербовать красную разведчицу. Это сделал штурмбаннфюрер Вильке. И Вильке утверждает, что она была прислана из Москвы.

– Вильке уже в Берлине?

– Так точно, рейхсфюрер. По моему вызову!

– Кто эта женщина?

– Вильке перевербовал агента НКГБ Анну Гончаренко.

– Она ныне работает на СД?

– Так точно! И сейчас она работает на подполье ОУН, рейхсфюрер. Она связана с СД, НКГБ и ОУН-УПА. Перспективы этой операции могут быть большие.

– С подпольем ОУН, если память мне не изменяет, работал майор Абвера Лайдеюсер?

– Так точно, рейхсфюрер!

– А Лайдеюсер человек полковника Штольце. А Штольце человек Канариса.

– Но Вильке ручается за него, рейхсфюрер. Да и связи у

него в Ровно и Луцке большие. Он может помочь.

– Танцман, я не верю людям Канариса.

– Но разве Лайдеюсер большая фигура при штабе Канариса? Это не полковник Штольце.

– Все равно. У меня нет веры к Абверу. Я интересовался работой Лайдеюсера в разведшколе Брайтенфурт. Большинство агентов, которых они готовили, проваливались в первую неделю после заброски. Эффективность его работы была совсем небольшой.

– Но, рейхсфюрер, ведь не майор Лайдеюсер был начальником разведшколы. Я думаю, что нужно дать ему шанс, если за него просит Вильке.

– А с чего Вильке так заботиться об этом майоре? Они друзья?

– Они работали вместе, рейхсфюрер. В Харькове осенью 1941 года. И оба пострадали тогда незаслуженно. Их вины в гибели генерала фон Брауна не было. И Вильке, и Лайдеюсер несколько раз предупреждали генерала об опасности. Но их никто не слушал. А после взрывов на них просто спихнули вину. У нас умеют искать виновных.

– Я помню громкое дело в Харькове, – сказал задумчиво Гиммлер. – Хорошо! Я верю вам, Танцман. Но предупредите Вильке, что ответственность ложится на его плечи.

– Да, рейхсфюрер...

Танцман вызвал Вильке и спросил его:

– Вы уверены, что хотите возглавить эту операцию, Вильке? Провала вам не простят.

– Уверен, герр бригаденфюрер.

– И вы готовы поручиться за Лайдеюсера? Подумайте, прежде чем отвечать!

– Готов!

– Хорошо, герр штурмбаннфюрер! Вы отправитесь во Львов с особыми полномочиями от рейхсфюрера СС. Как вы назвали красного агента?

– «Красная вдова».

– Вы будет назначены руководителем операции «Красная вдова». Но предупреждаю еще раз! Именно вы будете нести ответственность за провал операции по ОУН-УПА! Подумайте, Вильке! Место в Берлине! Или операция в Западной части Украины!

– Операция «Красная вдова»! – ответил Вильке...

Львов. Дистрикт «Галиция».

Ул. Пелчинская.

Управление Тайной государственной полиции.

Февраль, 1944 год.

Через два дня Вильке получил все, что обещал ему Танцман и отбыл во Львов. Он сразу явился в управление Тайной полиции к начальнику оберштурмбаннфюреру Йозефу Витцелю.

Витцелю звонили из Берлина и приказали оказывать

штурмбаннфюреру Вильке всяческое содействие.

– Он уже сегодня будет в городе, – Витцель обратился к своему заместителю штурмбаннфюреру СС Курту Ставицки, который возглавлял львовское городское отделение гестапо.

– И кто он такой этот штурмбаннфюрер Вильке? – спросил Ставицки.

– Человек с большими связями в Берлине в управлении у самого Гимmlера. Так что ты с ним не шути, Курт. И не смотри что он с тобой в одном чине.

– Но чего ему здесь нужно, Йозеф? Это проверка?

– Нет, – ответил Витцель. – У Вильке свое задание.

– В нашу работу он лезть не станет?

– Думаю, что не станет. Бригаденфюрер Танцман, которого ты хорошо помнишь, так и сказал, что у Вильке будет весьма ответственное задание, и мы обязаны ему во всем помогать.

Ставицки хорошо помнил Танцмана, который в 1941 году был его начальником.

– Он уже целый бригаденфюрер!

– Работает в аппарате у Гимmlера. А Вильке был у него помощником в Ровно. Затем они эвакуировались, и Танцман получил место в Берлине.

– И что у него здесь за работа?

– Нам с тобой этого знать не нужно, Курт. Да оно и лучше. Зачем нам лишняя головная боль? Задание у Вильке весьма

сложное и в случае провала он сам и будет за все отвечать.

– Я не хочу лезть не в свое дело, Йозеф. У меня и так работы полно.

В этот момент секретарь доложил Витцелю о прибытии гостя из Берлина.

– К вам штурмбаннфюрер Вильке, герр оберштурмбаннфюрер!

– Пусть войдет!

Вильке был в штатском. Он вошел и вскинул руку.

– Хайль Гитлер!

– Хайль! – ответили офицеры.

– Фридрих Вильке!

– Йозеф Витцель! Начальник гестапо.

– Штурмбаннфюрер Курт Ставицки!

– Рад знакомству, господа. Вас ведь поставили в известность о моей миссии во Львове?

– В общих чертах, герр штурмбаннфюрер.

– Не стоит столь официально, господа. Я ведь не проверять вас приехал. Я буду делать свою работу и вам мешать не стану.

– Мы сделаем все, чтобы вам помочь, герр Вильке, – сказал Витцель. – Я приказал подобрать вам кабинет в этом здании.

– Нет, герр Витцель. Я не хотел бы сильно афишировать мое присутствие в городе. Я прибыл в штатском и не хочу лишних разговоров.

– Но вы прибыли официально, по приказу рейхсфюрера.

– Это так, но привлечь внимания к моей группе не нужно, господа.

– С вами прибыли ваши люди?

– Нет. Пока в город прибыл я один. Но мой помощник уже давно здесь. Это майор Альфред Лайдеюсер.

– Майор Абвера? Тот самый, которого отстранили? – спросил Ставицки.

– Майор Лайдеюсер переходит в мое непосредственное подчинение. Где я могу его найти? Он мне срочно нужен!

– Нет ничего проще. Я могу отправить за майором моего офицера, – предложил Ставицки.

– Сведайте одолжение, герр штурмбаннфюрер. Но пусть он прибудет не сюда. А на вторую квартиру Абвера.

– Вторая это...

– Законсервированный объект на случай непредвиденных обстоятельств. Они как раз и пришли, господа. Работу я начну немедленно, ибо времени Берлин выделил три недели!

– Как вам будет угодно, герр Вильке. Моя машина в вашем распоряжении.

– Не стоит. Вашу машину в городе хорошо знают. А в Ровно партизаны уже пытались меня ликвидировать, господа. Мне нужно что-то совсем незаметное. Я скромный чиновник из Берлина. Не нужно окружать меня особой заботой.

– Как вам будет угодно, герр штурмбаннфюрер...

Когда Вильке ушел, Витцель спросил Ставицки:

– Что скажешь, Курт?

– Этот майор²⁶ СД еще преподнесет нам сюрпризы, Йозеф. Дал ясно понять, что мешать ему нельзя, ибо сразу последует «окрик» из Берлина! По поводу Лайдеюсера нас и слушать не стал. Плевать ему на наше мнение по поводу этого майора.

– Да чего ты привязался к Лайдеюсеру, Курт?

– Это верный пес Канариса. Я его знаю еще с 1940-го года.

– Канариса отправят в отставку. Но многие офицеры Абвера перейдут в наши структуры.

– Это предатели, Йозеф. Я всегда так считал.

– Брось, Курт. Это не наше с тобой дело.

– Мы стоим на страже безопасности рейха, Йозеф.

– Курт! Мы занимаемся вопросами Львова. А до их работы нам дела нет. Запомни это. Я не намерен ссориться с Танцманом. Знаю, что ты его не любишь. Но прошу тебя, не становись у них на пути. Я тебя предупредил.

– Не беспокойся. Не в свое дело вмешиваться не стану...

Львов.

Конспиративная квартира Абвера.

Февраль 1944, год.

Майор Абвера Альфред Лайдеюсер прибыл на встречу с Вильке. Он никак не мог понять, зачем понадобился штурм-

²⁶ Звание штурмбаннфюрера СС соответствует званию майора в вермахте.

баннфюреру. Свою карьеру в разведке рейха он уже «похоронил». Да и не сильно жалел об этом, потому что в победу армий фюрера давно не верил. И вот этот вызов к давнему соратнику.

«Вильке ныне, по слухам, в силе. С чего ему связываться со мной? – думал Лайдеюсер. – Я фигура списанная и ставки на меня уже никто не делает».

И конспиративная квартира его смутила. С чего это Вильке захотел видеть его именно здесь?

Квартира в тихом районе города давно была зарезервирована Абвером. Теперь надобность в ней практически отпала, но Вильке решил использовать именно её. Хотя Курт Ставицки не был уверен в безопасности, но предупредить прибывшего из Берлина офицера не стал. Вильке ему не понравился.

Лайдеюсер нажал кнопку звонка. Двери отворились. Он вошёл и Вильке приветливо пожал ему руку.

– Рад вас видеть, герр майор.

– Здравствуйте, герр штурмбаннфюрер.

– Прошу вас, майор. Не стоит церемониться. Проходите в гостиную и располагайтесь.

Лайдеюсер вошел.

– Прошу вас садиться. Квартира довольно удобная и большая. У меня имеется отличный французский коньяк. Я его привез из Берлина. Подарок Танцмана.

Майор сел в кресло. Вильке достал бокалы. Они выпили.

– Напиток богов, – Лайдеюсер похвалил коньяк. – Только французы умеют его делать.

– Еще?

– Нет, Спасибо. Я хочу перейти к делу, герр Вильке.

– Я готов.

– Это благодаря вам, герр штурмбаннфюрер, я остался во Львове? Поначалу меня собирались перевести в один из полков действующей армии. И связано это с ликвидацией Абвера и отставкой адмирала Канариса.

– Вы хорошо осведомлены, герр Лайдеюсер. И вы правы. Я попросил за вас моего шефа бригаденфюрера СС Танцмана. Он теперь в аппарате Гиммлера.

– И он разрешил привлечь меня?

– Я лично за вас поручился, герр майор.

– И почему вы решили рисковать, герр Вильке? Неужели вы мне верите? Мой шеф полковник Штольце впал в немилость. Абвершкола, где я был заместителем начальника, расформирована. Результаты её работы были признаны неудовлетворительными.

– И что из того? Я работал с вами в 1941 году и понимаю, что вы хороший разведчик, майор.

– И что за работу вы мне предлагаете, герр Вильке?

– Ту работу, для которой вы созданы, герр майор.

– Агентурная разведка?

Вильке ответил:

– Я назначен руководителем операции «Красная вдова». Этот как раз то самое, чем вы занимались в Ровно, майор. Наша задача сорвать операцию красных по ликвидации частей УПА. Разведка большевиков рьяно взялась за это дело. Они хотят задушить движение в самом зародыше.

Лайдеюсер ответил на это:

– Ликвидировать УПА не столь просто в тех местах, герр Вильке. Они хорошо подготовились для ведения партизанской войны. А я знаю, что такое партизанская война. Да и вы это знаете.

– Это так, но есть агент большевиков «Красная вдова». Мы с вами даже не вышли на её след осенью прошлого года. И агенты большевиков среди офицеров УПА есть. И какой вред они могут нанести, сами понимаете.

– Вы хотите работать с моими агентами, герр Вильке?

– Именно так. Мне нужны ваши агенты, герр Лайдеюсер.

Альфред Лайдеюсер смог наладить работу целой сети агентов Абвера в окрестностях Ровно-Луцк. Он был решительно настроен на сотрудничество с одной из западных разведок. Полковник Штольце должен был оказать ему в этом помощь. Но ныне дела полковника совсем не так хороши. Он отправлен в отставку. А Лайдеюсер пока не знал можно ли довериться в этом деле Вильке.

– Вы хотите выйти на «Красную вдову» и испортить игру большевикам? Игру Нольмана²⁷?

²⁷ Нольман Иван Артурович – старший майор госбезопасности. С 1918 года

– Именно в этом и состоит наша с вами основная задача.

– Как вы намерены меня использовать?

– Как агента в тылу врага.

– Вот как? – удивился майор.

– Вам это не нравится?

– Почему же? Я давно думал о такой работе.

– Значит?

– Я согласен, герр Вильке. Эта работа как раз по мне. Но мне нужна группа.

– А ваша сестра в Ровно и в Луцке?

– Я активизирую их работу, но сам хочу наблюдать за всем со стороны. И это совсем не забота о моей личной безопасности. Чтобы выйти на «Красную вдову», нужен именно сторонний наблюдатель. И к этому наблюдателю никакая ниточка тянуться не должна.

– Вы правы. Одобряю. Сколько человек вы хотите взять в группу?

– Не больше пяти.

– Немцы?

– Да.

– Будет сложно искать тех, кто хорошо знает украинский и русский языки. Но у СД есть агенты из украинцев.

сотрудник Особого отдела ВЧК. Затем сотрудник Иностранного отдела ОГПУ в группе «Дугласа». В 1939 году преподаватель в Школе особого назначения НКВД СССР. С 1941 года сотрудник 4-го управления НКГБ СССР. Нольман один из центральных персонажей цикла романов «Сотрудник Абвера: Вдова» и цикла «Сотрудник Абвера: Красная вдова».

– Возможно, что кто-то из них и пригодится. Но говорить с ними я хотел бы лично, герр Вильке.

– Я подберу вам кандидатуры, герр Лайдеюсер.

– У меня есть предположения по поводу «Красной вдовы», герр Вильке.

– Вот как? Интересно послушать.

– Вы помните нашу операцию в Харькове осенью 1941-го?

– Еще бы мне не помнить. Она едва не стоила мне карьеры. Как и вам, герр майор.

– Тогда мы подставили красным «Вдову». И они не смогли поймать её. И Вдова отлично поработала в Харькове и совсем не её и не ваша вина, что люди в руководстве не смогли использовать наши сведения.

– Но к чему вспоминать Вдову, герр майор? Она попала к красным и её списали.

– Я сейчас не о Вдове говорю. Тогда против нас работал старший майор НКГБ Нольман. И среди агентов Абвера в 1941 году работал агент Нольмана. И она была рядом с нашей Вдовой.

– Она?

– Это женщина, герр Вильке. Тогда вместе с Вдовой мы забросили к красным нашего агента обер-лейтенанта Нойрмаера.

– Это мой приятель по университету, – сказал Вильке. – Старый друг Карл. Жаль, что он попал к красным и теперь работает на них в одной из их разведшкол. Это по его прось-

бе я уступил вам Вдову, герр майор²⁸. Но к чему вы ведете?

– Тогда рядом с Нойрмаером было несколько женщин, которые работали на нас. Агенты из русских. И, я уверен, что именно среди них и была та, кого Нольман нарек ныне «Красной вдовой». Благодаря Нойрмаеру я имею рисунки, портреты трёх женщин.

Лайдеусер показал рисунки Вильке.

– Предположительно она среди этих женщин. Это конечно не фото, герр Вильке.

– Предположительно, герр майор. Именно «предположительно». Рисунки хороши, но это всего лишь рисунки.

– Я могу ручаться головой, что Нольман использует против нас ту, что работала на него в 1941-ом! И эта Красная вдова знает нас с вами, герр Вильке. Но нужно понять, где она сейчас? На нашей территории во Львове. Или с той стороны в Луцке?

– Если она координирует работу среди УПА, то она на территории красных.

– Возможно, но она может это делать и через агентов. У вас ведь есть завербованный агент, герр Вильке?

– Анна Гончаренко. Работала в подполье в Ровно в группе

²⁸ События осени 1941 года описаны в книге «Вдова: Хроника адской машины». Серия романов «Сотрудник Абвера: Вдова» состоит из романов «Вдова: Хроника адской машины», «Вдова: Архив профессора Пильчикова», «Вдова: Полковник из Аненербе». Серия романов «Сотрудник Абвера: Красная вдова» состоит из романов: «Красная вдова» Крыма в норе», «Красная вдова: референт пропаганды».

Антиквара. Именно благодаря Анне мы и накрыли всю сеть. Хотя было уже поздно и нам пришлось оставить Ровно из-за наступления русских.

– Но разве самого Антикара взяли?

– Нет. Он смог сбежать в лес к партизанам, но сеть его перестала существовать.

– И где сейчас Гончаренко?

– В Луцке. Я сразу по прибытии во Львов ознакомился с донесениями агентов. Гончаренко работает. Она ныне связанной в Луцком отделении ОУН. Место хорошее.

– А вы уверены, что она работает только на вас?

– Вы о чем?

– Она не может быть двойным агентом? – спросил Лайдеюсер.

Вильке ответил:

– Если с той стороны узнают о её предательстве, то у красных ей ничего не светит кроме смерти. А умирать она не хочет.

– У вас ведь есть дело Гончаренко?

– Да.

– Я могу посмотреть на фото этой девицы?

Вильке открыл сейф и достал папку с делом Анны.

– Вот!

Лайдеюсер внимательно сравнил фото с рисунками. Внешнего сходства нет.

– Не похоже, что это одна из них, – сказал он. – Хотя фор-

ма лица подходит вот этой.

Вильке посмотрел, но отрицательно покачал головой.

– Не думаю.

– Вы вспомните нашу Вдову и её способности перевоплощаться.

– Не стоит сравнивать. Такого агента как «фрау Марта» им не найти. Вы сразу усложняете задачу, майор. Мы не поймали Красную вдову в Ровно. Это факт. Но почему? Просто не хватило времени, и мы слишком отвлекались на другие дела. Ибо они были важнее, чем поимка агента. Но вы скажите мне другое, майор, что нам делать, если мы выйдем на след Красной вдовы?

– Использовать её для дезинформации, – сразу ответил Лайдеюсер.

– Использовать втёмную?

– Именно. Только втёмную. Нольман не должен знать, что она попала на крючок. И времени у нас почти нет.

– Вы о чем?

– Я не о том, что вас торопит Берлин, герр Вильке. Красные слишком быстро продвигаются вперед.

– Геббельс во вчерашней речи сказал, что мы скоро вернем утраченные нами территории.

– Не думаю, герр Вильке. Не хочу быть плохим предсказателем, но и Львов скоро мы потеряем, как потеряли Ровно. Именно поэтому для игры с Красной вдовой у нас мало времени. И мне нужно на ту сторону как можно быстрее.

Львов.

Галицкая площадь.

Управление КРИПО (криминальной полиции).

Февраль, 1944 год.

Начальник криминальной полиции Львова штурмбаннфюрер СС Дитер Шенк принял на работу кригсхельферин Еву Шрат, которая ранее работала в канцелярии генерального комиссара Шёне в Ровно.

– Мне рекомендовали вас, как добросовестного сотрудника, фройлен Шрат. Но самое главное, что вы владеете языками – украинским и польским.

– Так точно, герр штурмбаннфюрер.

– Вы станете моим доверенным лицом, фройлен Шрат. Положение во Львове сложное. Фронт приблизился к нам и в городе много военных частей. А людей у меня не так много. Вы знакомы с работой криминальной полиции?

– Только в общих чертах, герр штурмбаннфюрер. В Ровно я была секретарем генерального комиссара, а затем меня временно прикомандировали к Абверштелле-Ровно.

– Я знаю вашу биографию, фройлен Шрат. В моем подчинении как начальника КРИПО есть несколько отрядов немецкой полиции. Но в последнее время приходится все больше полагаться на местные вспомогательные силы, фройлен. Это отряд в тысячу человек из украинской вспомогательной полиции, и отряд в 250 человек польской вспомога-

тельной полиции. Как вы, наверное, знаете во Львове много и поляков проживает. И далеко не все из них настроены к нам лояльно.

– Я понимаю, герр штурмбаннфюрер. Но опыта работы в полиции у меня нет.

– Вас никто не заставит заниматься следствием. Ваша задача наблюдать и обо всем докладывать мне. Я направлю вас для координации действий к начальнику украинской полиции господину Владимиру Притуле.

– Хотела бы узнать круг моих прямых обязанностей, герр штурмбаннфюрер.

– Для начала изучить вот этот документ, фройлен Шрат. Ева взяли документ и начала читать.

«12-го февраля 1944 года.

Приказ фюрера о централизации всех ветвей секретной службы вермахта и СД путем сосредоточения их в главном имперском управлении безопасности.

Создать единую германскую секретную службу сбора и доставки донесений.

Руководство службы сбора и доставки донесений поручаю рейхсфюреру СС.

Все аппараты Абвера переходят в ведомство рейхсфюрера СС».

Ева вернула документ.

– Вы уже имеет понятие о работе Абвера, фройлен Шрат. И это поможет вам в дальнейшей работе.

– Но что я должна делать в ведомстве украинской вспомогательной полиции?

– Разбираться со списками агентов...

Львов.

**Управление вспомогательной украинской полиции.
Февраль, 1944 год.**

Начальник украинской полиции Львова Владимир Притула не был доволен приходом кригсхельферин Евы Шрат. Но что он мог сделать, если её прислал сам штурмбаннфюрер СС Дитер Шенк.

– Я не совсем понял, чем могу вам помочь, фройлен?

– Вам верят, господин Притула. И мой приход сюда, этот совсем не знак недоверия лично к вам как к руководителю.

– Рад это слышать, фройлен.

– Я смогу оказать вам содействие в ваших делах, если вы убедите меня в их важности, герр Притула.

– Я еженедельно оправляю сводку штурмбаннфюреру Шенку, начальнику криминальной полиции Львова. Что же еще?

– Но в сводку входят реализованные дела. А вы ведь над чем-то работаете?

– Начальник криминальной полиции Львова имеет всю информацию по моей работе, фройлен!

– Вы пока не хотите меня понять, герр Притула. Или только изображаете непонимание. Я, перед тем как оправиться к

вам, изучила материалы. Вы в последнее время часто имеете стычки с отделением польской вспомогательной полиции, герр Притула.

– Мы украинцы недолюбливаем поляков, фройлен.

– Но эти поляки служат рейху, как и вы, герр Притула.

– Мы служим в первую очередь Украине, фройлен. Мы так и называемся – вспомогательная украинская полиция. А вот поляки считают эти земли своими. Но Львов украинский город!

– Ныне это территория генерал-губернаторства²⁹, если мне не изменяет Память?

– Это так, но Мы не в составе Польши, мы в составе рейха. Не так ли?

– Именно так, господин Притула.

– А вот поляки тайно думают превратить это в Польшу, фройлен.

– Что вы хотите этим сказать, господин Притула? – спросила Ева Шрат.

– Вы работали раньше в Ровно, фройлен?

– Да.

– Тогда вам знаком капитан Шаинский?

– Тодор Шаинский? Капитан польской кавалерии в 1939 году? Он командовал одним из отрядов Армии Крайовой.

– Сейчас пан Шаинский во Львове.

²⁹ Львов во время немецкой оккупации входил в состав генерал-губернаторства Польша.

– Во Львове? – удивилась Ева.

– И он не особенно скрывается, фройлен. А это значит, что Шаинский не опасается ареста. А почему? Он имеет важного покровителя в СД. Нас в известность не поставили. Хотя Шаинский враг не только нам украинцам, но и враг вашего немецкого порядка, фройлен.

– Я не знала, что Шаинский прибыл во Львов, пан Притула.

– Но вас же прислали нас проверить, пани Ева. Кстати, вы хорошо говорите по-украински, пани. Легкий акцент имеется, но в целом прекрасно.

– Спасибо на добром слове, пан Притула...

Львов.

Улица Зеленая. Квартира Евы Шрат.

Февраль, 1944 год.

Ева вернулась со службы поздно вечером. Уже был комендантский час. Но она имела специальный пропуск.

В квартире Еву дожидался связной Дмитрий. Его фамилии она не знала, как не знала настоящего имени. Знала только, что этот парень, хоть и был совсем молодой, на вид не больше 20-ти лет, доверием пользовался абсолютным. В 1942 году он брался за такое, что пугало даже опытных разведчиков. Невозможного для этого парня не существовало.

– Рада, что ты меня дождался, Дмитрий, – сказала Ева.

– Не смог уйти. Комендантский час. Пропуска не имею.

Что у тебя?

– Несколько важных новостей, Дмитрий.

– Ты только начала работать и уже новости?

– Меня познакомили с секретным приказом. 12-го февраля Гитлер ликвидировал Абвер.

– Как?

– Все подчинено ведомству СД отныне. И армейская и агентурная разведка. Гитлер создал единую германскую секретную службу сбора и доставки донесений. Руководство поручено рейхсфюреру СС Гиммлеру.

– Это важно. Что еще?

– Я, по долгу моей новой службы, временно прикомандирована к украинской вспомогательной полиции.

– И что ты там делаешь?

– Наблюдаю и собираю информацию для штурмбаннфюрера Дитера Шенка. И местный начальник вспомогательной полиции сообщим мне важную новость.

– Это пан Притула?

– Он самый. Он сказал, что в городе объявился капитан Тодор Шаинский.

– Шаинский? Кто это?

– Командир из АК.

– Но чем он так интересен?

– Он близок к командованию АК. И появился он во Львове не просто так. Поляки могут что-то затевать здесь. И центру нужно про это знать.

– Но ведь Шаинский только капитан?

– И это не умаляет его важности, Дмитрий. Я думаю, что Аковцы задумали взять власть в городе.

– Это как? – не понял Дмитрий. – Восстание?

– Именно. Перед самым приходом наших. Они поднимут над ратушей флаг Польши и обратятся к Англии. Там сидит их эмигрантское правительство. Англичане признают факт освобождения Львова поляками. И это создаст дипломатические трудности. Великобритания наш союзник.

– В течение двух дней информация будет передана.

– Так долго?

– Раньше нельзя никак. Слишком много провалов. Машины пеленгаторы постоянно курсируют улицами Львова. Работать на колюче стало слишком опасно.

– Это наша работа, Дмитрий. Мы должны рисковать, и мы все рискуем.

– Но радистов у нас мало, Ева. И мы в последний месяц потеряли троих...

Глава 5

Тревожные вести.

Луцк.

Контрразведка.

«Дело Лаврова».

Февраль, 1944 год.

Старший майор государственной безопасности Нольман прибыл в Луцк. Появление там «списанного» агента лейтенанта Лаврова его беспокоило. И разобраться во всем он хотел лично на месте...

В первый раз Нольман столкнулся с Лавровым в Харькове осенью 1941 года. Тогда его задачей было прикрытие группы полковника Старинова, которая занималась минированием стратегических объектов Харькова на случай оставления их врагу. Так же Нольман вел охоту за немецким агентом под псевдонимом «Вдова». И в помощники прибывшему из Москвы Нольману дали молодого лейтенанта НКГБ харьковского управления Лаврова. И поначалу их сотрудничество складывалось удачно. Нольман смог выделить 14 женщин, что подходили под параметры «Вдовы». Лавров работал по Елене Костиной.

Нольман не сказал Лаврову, что Костина агент НКГБ.

Больше того его личный агент, и служила она в Харькове только приманкой для «Вдовы». И Вдова почти клюнула на «наживку» Нольмана, но случилось то, чего московский следователь не предполагал. Лавров проявил самостоятельность и решил сыграть в свою игру. Лейтенант задумал обставить матерого сыщика и показать свои таланты.

В итоге он провалил операцию Нольману и Вдова «сорвалась с крючка». Лаврова отстранили от работы и «оформили его переход» на сторону врага. Немцы как раз заняли Харьков.

Майор Абвера Альфред Лайдеюсер понял, что служба Лаврова в НКГБ может пригодиться при подготовке курсантов немецких разведшкол. Так Роман Лавров и стал инструктором в немецкой школе Брайтенфурт.

С марта 1942 года разведшколу в Брайтенфурт реорганизовали и подчинили штабу «Валли»³⁰. Начальником школы стал полковник Абвера Аренберг, а его заместителем майор Лайдеюсер. В Брайтенфурт обучалось четыре группы курсантов: «Технише-люфт» – техническая авиационная, «Люфт» – авиационная, Geheimdienst – разведки и Funkaufklärung – женская радиоразведки. Людей вербовали в Хаммельбургском и Лозинком лагерях военнопленных из прогермански настроенных бывших военнослужащих Крас-

³⁰ Штаб Валли создан перед нападением на СССР. Основная задача «Валли» организация разведывательной, диверсионной и контрразведывательной деятельности.

ной Армии. В прошлом это были офицеры-летчики и штурманы, зенитчики и техники аэродромной службы. Под руководством Лаврова курсанты изучали топографию и методы составления разведывательных донесений.

Осенью 1942 года Лаврову удалось сообщить Нольману важные сведения о численном составе и направлениях подготовки курсантов в Брайтенфурт.

В 1943 году Лавров был переброшен в город Ровно с заданием Абвера внедриться в одно из подразделений УПА-Север. Он сделал это и стал рядовым сотни «Перша варта». Через партизанской отряд «Молот», действовавший в сарненских лесах, Лавров снова связался с Москвой.

Но Нольман на этот раз использовал его не как агента по поставке информации. Он решил сделать Лаврова разменной монетой в операции «Крыса в норе».

Лавров должен был умереть. Нольман сделал все, чтобы это произошло, и ликвидировать его должны были люди из УПА. Но Лаврову удалось выжить благодаря нелепой случайности...

Хлопцы из леса.

«Холодный яр».

Февраль, 1944 год.

Агент НКГБ Микола Басюк с позывным «Черноморец» состоял в сотне УПА «Холодный яр». Он поступил туда рядовым солдатом, но в конце 1943 года в бою с АКовцами

погибли все офицеры сотни. Куренной сразу назначил Басюка поручиком, а после гибели еще одного сотника в январе 1944-го, командиром «Холодного яра».

Басюк иногда отлучался из расположения сотни в соседнее село, где имел коханку. В конце февраля, когда все пути замело, сотник оставил за себя поручика и сказал, что отправляется за продовольствием. Поручик усмехнулся, ибо хорошо знал о слабости сотника к вдовой молодке.

Женщина встретила Басюка как всегда: натопила баню и собрала на стол. Приход незнакомого человека был полной неожиданностью для парочки. Басюк потянулся к автомату, но мужчина в кожанке и шапке ушанке сказал:

– Привет пану сотнику от Старого Друга. Тот пан и мне друг, а стало быть, наш Общий Друг.

Басюк понял, что это связник.

– Ганя! – сказал он молодке. – Сходи скотину посмотри.

– Дак я уже...

– Ганя! Я сказал тебе, сходи и посмотри скотину.

Молодка недовольная ушла из хаты.

– Как пан нашёл меня?

– Язык до Киева доведет, пан сотник. Но речь не в том, как я вас нашел. Речь о том, что я принес.

– И чего пан мне принес?

– Новости от Общего Друга. Пана сотника ждут через два дня в Луцке вот по этому адресу.

Посланец показал бумагу и Басюк прочитал адрес.

– Запомнил?

– Да.

– Ну и слава Богу! – посланец кинул листок в печку. –

Через два дня пана будут ждать там. Это приказ.

– Приказ Общего Друга? – спросил Басюк.

– Да. И потому вам нужно прибыть в Луцк к назначенному часу.

– Будто это так просто сделать. Я здесь на военном положении. И отлучки запрещены. А я еще нужен в «Холодном яру».

– А здесь что пан делает, ежели отлучки запрещены? – усмехнулся посланец и скинул полушубок. Затем он сам себя пригласил к столу и налил себе стакан самогона.

– Продрог на морозе-то! Ну будь здоров, пан сотник!

Он выпил и взял со стола кусок хлеба. Понюхал и снова положил на тарелку.

– Ты, пан посланец, не шути. Одно дело соседняя деревня, а иное дело Луцк. Отсюда мне до сотни рукой подать. А до Луцка? Сам подумай!

– Тогда вам, пан сотник, нужно что-то придумать. Дело отлагательств не терпит. Вас в Луцке будет ждать важный человек.

– Кто?

– Это вы узнаете на месте. А ныне придумайте, что сказать вашей коханке, на счет того, кто я такой...

Черноморцу пришлось выдумать повод для отлучки. Он сказал своему референту пропаганды:

– У нас мало людей, – сказал Басюк.

– Вербовка вояк ведется, друже сотенный.

– Вяло она у тебя ведется. Сколько человек ты обещал в прошлом месяце? Не меньше двадцати. А где они?

– Работа ведется.

– Я сам должен заняться вербовкой.

– Вы, друже сотенный?

– А что мне остается? Надобно мне попасть в Луцк для вербовки новых вояк в состав «Холодного яра».

– В Луцк? – удивился референт.

– А чего тебе так удивительно? Именно в Луцк. Там у меня и дружки есть. Помогут в случае чего. Сотню оставлю на поручика. Он вояка бравый – справится...

Луцк.

Конспиративная квартира.

Контрразведка.

Февраль, 1944 год.

В картотеке Нольмана «Черноморец» значился как Микола Гнатович Басюк.

Встретились они на новой конспиративной квартире, адрес которой не был известен даже местным сотрудникам СМЕРШа. Впрочем, так думал только сам Нольман, и так должно было быть, но начальник СМЕРШ майор Кравцов

знал про эту квартиру.

Басюк ждал встречи с кем угодно, но только не с Нольманом.

– Я удивлен, товарищ Нольман. Вы здесь? Я не могу поверить.

– Обстоятельства, товарищ Басюк. Нами руководят именно они.

– И что заставило вас прибыть сюда? Вы знаете, что скрыть этот факт вам вряд ли удастся.

– Сейчас меня волнует иной факт, товарищ Басюк. Отчего числящийся в покойниках Ларов все еще на этом свете?

– Лавров?

– Вы знаете его как Ковалю из сотни «Перша варта».

– Коваленко-Коваль?

– Именно. И мне приходит сообщение, что бывший лейтенант НКГБ Лавров, он же Коваль, вдруг объявился в Луцке. А вы лично гарантировали, что вопрос с ним решен в декабре 1943 года.

– Так и было, товарищ Нольман. Я лично был уверен, что шеренгового Ковалю больше нет в этом мире.

– И это вы передали в центр такое сообщение.

Черноморец ответил:

– Он пропал в декабре 1943 года в лесу вместе с хлопцами из краевой СБ. Его и Музыку больше никто не видел. И любой сделал бы вывод, что они мертвы.

– Лавров перебил ваших парней из СБ, и вместе с Еленой

Музыкой сбежал. По новым документам добрался до Луцка и отсиделся там. И если бы не майор Кравцов, который знал Лаврова лично, мы и сейчас не знали бы, что он жив.

– И он снова сбежал?

– Нет. Он сидит во временной тюрьме СМЕРШа.

– Но если он у вас, то в чем проблема, товарищ Нольман?

– Именно в том, что он у СМЕРШа, а не у нас. И операция прикрытия, которую доверили вам, ничего не стоит.

– Но здесь нет моей вины. Я выполнил приказ в точности. Ковалея сдали немцам, а те передали его службе безопасности ОУН. А они не церемонятся с явными врагами.

– Товарищ Басюк. Мне нужен результат! Мы разработали операцию «Красная вдова» и от этой операции ждут результата. Но Ларов знает вдову в лицо. А если он переметнулся на другую сторону?

– Но вы можете с ним поговорить и все узнать. Ведь его взяли люди из СМЕРШ. У вас есть возможность навестить его там.

Нольман ответил:

– Не думаю, что это хороший ход, товарищ Басюк. Операция пошла по другому пути, и рисковать я не стану. Хотя у меня была мысль отдать приказ о ликвидации Лаврова. Но сейчас я думаю не так.

– И вы хотите, чтобы я, помог вам?

– Именно, товарищ Басюк. Мы снова используем Лаврова и только после этого ликвидируем его. Но сей час вам нужно

вытащить его из тюрьмы.

– Мне? Вытащить Лаврова из тюрьмы СМЕРШа? Это невозможно.

– Вы правы, но вам ведь окажут содействие, и это будет лишь имитация побега. Хотя сделать все стоит натурально.

– А что Елена Музыка? Она также присоединится к Лаврову?

– Да. Побег будет организован и для неё. Если сбежит только Лавров, это будет подозрительно.

Басюк был недоволен заданием. Ему нужно держаться подальше от СМЕРШ, ибо если его разоблачат люди из службы безопасности УПА, то устранят не только его самого, но всех членов его семьи. А семья Басюка жила в Луцке и в Ровно.

И вот Нольман дает ему такое задание – организовать побег Лаврова. Для этого нужно войти в контакт с людьми из СМЕРШа и демаскировать себя...

Но делать этого Басюку, к его радости, не пришлось. Побег Лаврова и Музыки организовали другие люди. Причем сам Нольман не давал им такого задания...

Луцк.

Люди из Варты.

Март, 1944 год.

Поручик Грицай заместитель командира сотни УПА «Перша варта» приехал в Луцк как переселенец. Докумен-

ты у него были надежные. У начальника штаба УПА-Север полковника Драгульца были возможности изготовить такую подделку, что она ничем от настоящих бумаг советской администрации не отличалась.

В Луцке у Грицай были свои глаза и уши. Родная его старшая сестра Марина жила в городе уже больше десяти лет. Про Марину никто не знал, даже сотник Ястреб был в неведении.

Грицай приходил редко и соблюдал все меры предосторожности. Вот и сейчас он явился вечером, когда видеть его не могли.

– Василь?

– Тише, – сказал Грицай. – Не стоит называть меня по имени.

– Проходи в дом.

Грицай вошел.

– Ты одна?

– Да. Муж вчера уехал. А дочери у бабки в селе. Тут ныне голодно. Сам знаешь.

– Это хорошо, что ты одна, Марина. К тебе никто не ходит?

– А кому ходить-то, брат? Садись за стол. Я вечерять соберу.

– Я тебе тут принес немного еды разной, Марина.

Грицай подал сестре свой вещмешок.

Она стала его разбирать и удивилась такому богатству.

– Откуда это? И сало! И сахар!

– Бери! Это все тебе. Это еще из германского пайка, который мы добыли в бою три месяца назад. Там и галеты есть. Но я прибыл ведь не просто так, сестра. Я оставил свой пост. А я человек военный.

– Понимаю.

– Что в городе?

– Я приглядываюсь, как и учил. Но тут особого ума не нужно. Солдат в городе много. Вчера только специальная команда прибыла.

– Что за команда?

– В синих фуражках такие. Вооружены хорошо. Вчера соседа моего забрали.

– Кого?

– Гнатышина.

– Куда забрали знаешь?

– Да не запомнила я как это называется, брат. Чудное название-то.

– СМЕРШ?

– Вот именно в него. А сам знаешь, кто Гнатышин был. Он в городской управе при немцах служил. Жена его ходила к ихнему начальству, но добиться не смогла ничего. Сказали только, что арестован как враг советской власти.

– Меня сильно Гнатышин не интересует, сестра. Бог с ним. Что часовщик?

– Нестеренко Михайло? Да давно со своего дома съехал.

И не видала его больше месяца. А может и дольше. Но в доме его парочка поселилась. Месяца два как жили.

Грицай знал, что это за парочка. Сотенный Ястреб поделился с ним информацией перед тем, как Грицай отправился в город....

Ястреб сказала Грицаю:

– Еще в декабре это было. В прошлом году.

– Это когда наш Коваль пропал?

– Не пропал, друже Грицай. Это я тогда упредил его о том, что ему грозит расстрел.

– Расстрел? Ковалю? Но за что?

– Дело тайное, поручик. СБ его к себе забрали.

– Про это я знаю, но впервые слышу, что Ковалья хотели расстрелять, друже сотенный.

– Был приказ держать информацию в секрете, – ответил Ястреб. – Мол нечего расшатывать боевой дух в лучшей сотне. Потому было приказано людям из СБ тайно сопроводить Ковалья и Елену Музыку к ним в штаб. А там поставить к стенке по-тихому.

– Но за что?

– Их обвинили в предательстве и работе на красных.

– А доказательства?

– Какие доказательства, поручик? Нам проверять работу СБ не положено.

– А если завтра они и меня к стенке поставят?

– Ты человек верный. Тебя в обиду не дам. Ты же знаешь, что я несколько раз спасал тебя от дознаний в СБ. Да и Ковалю я им не отдал. Рассказал, как ему нужно действовать. И он справился. Вот он и не доехал до краевого отделения СБ.

– Но жив ли?

– Жив, поручик.

– И ты знаешь, где он, дружка Ястреб?

– Знаю. В Луцке.

– Но где именно?

– Я дал ему контакты одного человека. Его зовут Михайло Нестеренко.

– Часовщик?

– Он самый. И мне этот Михайло кое-чем обязан. Потому в его доме Коваль и Музыка должны быть в полной безопасности. Но ты это проверишь сам.

– Проверю, дружка сотенный...

И вот сестра говорит ему о постояльцах в доме Михайла Нестеренко. Но она сказала не «живут», а «жили». Это насторожило Грицаю.

– Жили? – поинтересовался Грицай. – Ты сказала «жили», сестра?

– Дак арестовали их.

– Немцы?

– Какие немцы. Советы. Те самые из СМЕРШа. Неделю назад. Но сдались они мирно. Никакого сопротивления не

оказали. Стрельбы не было.

– А часовщик Нестеренко?

– Он в своем доме не появлялся.

– Я прикажу разобраться. Что по нашим людям, которые работают на советы?

– У нас нет таких людей, Василь.

– А те, которые жили здесь до войны? Мне нужно знать.

– Ярослава Бовкун, – вспомнила Марина. – Точно.

– Бовкун? И где она работает?

– Убирается в здании ихнего главного совета.

– Это какого?

– Как они называют это – временной гражданской администрацией. У Ярославы муж в Красной Армии. Потому её на работу и взяли. Паек получает. И деньгами тоже обещали. Она сама хваталась.

– Бовкун Ярослава. Это хорошо.

– Но чего ты хочешь от неё?

– У меня важное дело, сестра. Но тебе про то знать не нужно.

– Не веришь мне?

– Дело не в том, сестра. Твоя жизнь будет в опасности. А я этого не хочу.

– Но что тогда?

– Я сам с ней свяжусь через надежного человека.

– Останешься ночевать?

– Нет.

– В городе комендантский час. Ходить в такое время опасно, брат.

– Ничего. Я знаю, как пройти незаметно, сестра...

Луцк.

Конспиративная квартира ОУН.

Февраль, 1944 год.

Иван Артурович Нольман в поношенном пальто и шляпе выглядел вполне гражданским человеком. Он спокойно шел по улице, словно местный житель, дорогу он знал хорошо. И никто, даже из людей хорошо знавших Нольмана, никогда не подумал бы что это и есть тот самый старший майор НКГБ. Идет себе мужчина за пятьдесят интеллигентного вида, по всей видимости врач, или бухгалтер.

Нольман нашел адрес и подошел к двери с медной табличкой. Он нажал на кнопку звонка. Это была конспиративная квартира центрального провода ОУН. Старший майор знал это, ибо шифровку от Анны Гончаренко прочитал лично. Он еще по работе со Шпигельглассом знал, что лучше всего делать все самому, если имеется такая возможность.

Он снова позвонил и постучал три раза.

Двери открылись. На пороге была Анна. Увидев Нольмана, она сильно удивилась. Поначалу даже не поверила, что это он.

– Можно мне войти, панночка. Или мне лучше называть вас «гражданка», как при новой власти положено? Паннами

мы при поляках, да при немцах были, а ныне граждане.

– Входите!

Нольман вошел, и она заперла двери.

– Как вы здесь?

– Прибыл в Луцк.

– Но зачем вы пришли сюда, Иван Артурович?

– Без имен! Хоть, как я понял, дома ты одна.

– Одна. Но это секретная конспиративная квартира и вам не стоит её посещать.

– Меня никто не видел, Анна. Не беспокойся. Я работал в разведке, когда ты еще лежала в пеленках.

– Но зачем вы в Луцке?

– По необходимости.

– Какая необходимость могла заставить старшего майора госбезопасности лично отправиться в Луцк из Москвы?

Нольман ответил:

– Лавров жив.

– Что?

– Лейтенант Лавров жив. Ему удалось избежать смерти. И сейчас он в тюрьме СМЕРШа вместе с Еленой Музыкой.

– В Луцке?

– Именно. Потому я лично прилетел сюда. Но местное управление СМЕРШа не знает, что я здесь. Вернее, знать не должно. А там все может быть.

– А зачем такая таинственность, Иван Артурович?

– Без имен, – снова повторил Нольман.

– Простите. Но вы не ответили на мой вопрос.

– Твое внедрение могло пройти не столь чисто, Анна. Ты «отдала» им Лаврова и тебе поверили.

– Я пользуюсь абсолютным доверием.

– Так ли это на деле? Лаврова отдали в обмен на твое внедрение. И я считал, что он умер. Но он жив. А значит, и внедрение могло пройти не так «чисто», как нам казалось.

– Но я работаю уже два месяца. И мне доверяют.

Нольман спросил:

– С тобой уже связывались люди из СД?

– Нет. «Завербовавший» меня штурмбаннфюрер Вильке после эвакуации немцев из Ровно никого не присылал. Я ничего про него не знаю.

– Это плохо. Я был уверен, что он кого-то пришлет!

– Но я даже не знаю, где он.

– Вильке вызвали в Берлин. Там он, как я думаю, получил повышение. Но он должен вернуться к «Красной вдове». Он завербовал тебя и не бросит это дело.

– Но, если он передаст меня другому офицеру? Зачем ему возвращаться лично, если он в Берлине?

– Нет. Вильке чем-то похож на меня. Он сам будет вести это дело.

– У меня сведения по подполью ОУН. Я уже приготовила шифровку, но раз вы здесь, могу передать вам лично.

– Кто возглавляет местное подполье?

– Микола Осадчий теперь Проводник и возглавляет всю

сеть в Луцке.

– Осадчий, – проворил Нольман. – Если Проводник Осадчий, то Вильке скоро придет сюда своего человека.

– Могу я задать вам вопрос?

– Задавай.

– Вы используете меня как живца?

– С чего ты взяла?

– Но я так мало знаю, хотя здесь в Луцке из меня делают «большую фигуру». А я ведь простая «пешка» в вашей игре?

– С чего ты взяла что ты «пешка»? Ты хорошо законспирированный агент. И ты в скором времени можешь стать нашим главным козырем в большой игре. И пешка может стать ферзем в хорошей партии...

Луцк.

Управление СМЕРШ.

1944 год.

Майор Кравцов сразу узнал о прибытии в Луцк Нольмана. Ему сказали, что прибыл старший майор тайно, и никто не должен знать про это, но управление СМЕРШ было информировано о выезде человека из управления НКГБ СССР в зону ответственности Кравцова.

Майор посетил арестованного Романа Лаврова в его камере.

– За тобой явился из Москвы сам Нольман, – с порога сообщил он новость.

– Нольман здесь? – удивился Лавров.

– А ты не знал?

– Откуда? Я же сижу в камере, и информацией меня не снабжают.

– Я вынужден был доложить своему начальству о тебе и твоей подруге, лейтенант. Но я не ждал самого Нольман в Луцк. Что ему нужно?

– Ты меня спрашиваешь, майор?

– Но ведь прибыл он по твою душу. А значит за этим стоит нечто важное. И очень важное. Ведь Нольман не стал бы лететь сюда лично, если бы не крайняя нужда.

– В 41-ом он лично прилетел в Харьков, если ты не забыл.

– Такое забудешь. Мы с тобой тогда почти сорвали ему операцию. И считай, что легко отделались³¹.

– Легко? Я был арестован и при перевозке в конвойной машине меня захватили немцы. Не так это и легко. С тех пор вся жизнь под откос.

– Идет война, лейтенант. Но тебе нужно мне все рассказать, Лавров.

– Зачем Нольман здесь? Я этого не знаю.

– Но ты с ним работал.

– Нет. Я прибыл в Ровно из разведшколы в Брайтенфурт. И весь 1943 год связи у меня с центром не было. В Ровно я был под началом майора Абвера Лайдеюсера. Того самого,

³¹ События романа «Вдова» Метроном смерти» серии «Сотрудник Абвера: «Вдова».

что работал против нас в 41-ом.

– И твое задание было внедрение в ОУН?

– Через ОУН в ряды УПА. Так я оказался в сотне Варта в составе УПА-Север у сотника Ястреба. А оттуда мне удалось бежать, когда меня сдали. Вместе с Еленой Музыкой.

– Но с Нольманом ты связь ведь наладил в Ровно?

– После того как попал к партизанам Молота³². Молот работал под командой Нольмана. Но никаких сведений о цели подпольной группы в Ровно у меня не было. Меня ни во что не посвящали.

– Музыка из группы Нольмана?

– Нет. Она местная и завербована Молотом. И работала под его началом. Про Нольмана она не знала.

– Ты можешь назвать её имя? Настоящее имя Елены Музыки.

– Анастасия Берзенко. Завербована в 1942 году в группу Молота из-за своего сходства с журналисткой газеты «Вольнь» Еленой Музыкой.

– Кто вербовал её?

– Сам Молот.

– Значит полковник НКВД Стерненко. Они внедрили Анастасию вместо Елены Музыки, ибо она как раз вошла в состав Центрального провода ОУН в Луцке и Ровно.

– Я не знаю этих подробностей, майор. Но она Анастасия Берзенко. Хотя даже при личных контактах я всегда называл

³² События романа «Протокол допроса: Крыса в норе».

её Еленой.

– Хорошо. Я помогу тебе, Лавров.

– Поможешь?

– Не сообщить о тебе в Москву я не мог, но я помогу тебе сбежать из временной тюрьмы СМЕРШ. Тебе и Елене Мухоморовой. А потом выворачивайся, как знаешь. Больше я ничего для тебя сделать не могу, лейтенант.

– И не нужно. Когда?

– Сегодня ночью. Завтра может быть поздно. А сегодня Нольман за тобой не придет.

– И как мне уйти? Ты просто откроешь мне двери?

– Нет. Я покажу тебе план здешних помещений и расположение постов охраны. Тюрьма наша скороспелая и не оборудована как нужно. Это тебе не тюрьма Лубянки.

– И как мне уйти?

– Ты закончил специальную школу НКГБ, и был сотрудником в Абвершколе. Зачем задавать такие вопросы, Лавров?

Луцк.

Люди из Варты.

1944 год.

Поручик Грицай встретил своего связника.

– Есть новости?

– Еще какие! Ночью из тюрьмы СМЕРШ был побег. Сбежали двое. У красных переполох. Трясут охрану. Как могли

допустить? Но дело не в этом. Говорят, сбежали наши.

– Наши?

– Про журналистку Музыку слышал?

– Да, – ответил Грицай. – Я читал её статьи.

– А с ней был наш человек из Варты. Тот самый шеренговый Коваль, которого у нас давно похоронили.

– Где они сейчас?

– Их ищут по всему городу. Смершевцы такой шум устроили, что только держись.

– Я спросил, где они?

– Я не знаю. Пытался выяснить, но пока не удалось.

– Мне нужно знать, где Коваль.

– Я постараюсь узнать. Дам задание своим людям в городе.

Но Коваль и Музыка скрываться умеют. Они доказали это.

При немцах они прожили в Луцке около двух месяцев.

– Но советам попались сразу.

– Их сдали. И сделал это часовщик Нестеренко.

– Это точно? Часовщик друг Ястреба.

– Точно. Я все выяснил. Именно он подал донос в СМЕРШ после которого, и Коваль и Музыка были арестованы. Как они смогли сбежать выяснить не удалось. У нас нет никого в тюрьме СМЕРШа. Что прикажешь, друже Грицай?

– Убрать Нестеренко. Предательство мы наказываем. И это должны знать все. Все, кто предает Украину – наши враги. Люди или с нами, или с большевиками, которые поработили нашу страну.

– Все будет исполнено в ближайшую неделю, друже Грицай.

– Но главного не забывай. Мне нужен Коваль...

Луцк.

Конспиративная квартира ОУН.

Февраль, 1944 год.

Представитель центрального провода ОУН «Лесник» – Микола Осадчий привел на конспиративную квартиру Андрея Чепу, личного представителя Бандеры в Луцке.

Личное дело.

Чепу Николай Николаевич.

Прозвище «*Андрій*».

Соратник Степана Бандеры из молодого крыла ОУН.

С 1928 года участник Украинской войсковой организации. С 1929 года – Организации украинских националистов (ОУН). Краевой проводник ОУН в землях Западной Украины с 1932 года

В 1934 году вместе со Степаном Бандерой арестован польскими властями и приговорен к смертной казни. Казнь заменена на пожизненное заключение.

В 1934-1939 году отбывал наказание в лагере Берёза Картузская. В 1939 году после нападения Германии на Польшу освобожден. После освобождения вместе с Бандерой формировал Революционный провод (ОУН-Б).

В апреле 1941 года в Кракове был участником 2-го Большого Сбора ОУН. После принимал участие в террористических актах против представителей партийной советской администрации на территориях, занятых Красной Армией.

После нападения Германии на СССР и взятия немцами Львова принимал участие в возрождении Украинского государства. Был одним из членов Украинского Законодательного Собрания. После разгрома государства немцами, ареста избежал. Скрывался от гестапо.

Лесник сказал Чепе:

– Квартиру держит наш верный человек, друже Чепе.

– Кто такой?

– Такая. Гончаренко Анна. Ранее работала на большевиков.

– Что? – Чепе остановился. – Ты шутишь, друже Лесник?

– Нет. Эта женщина работала в Ровно на большевиков. Теперь работает на нас.

– И вы ей верите?

– А почему нет? Она была арестована гестапо и сдала подполье. Затем её завербовал штурмбаннфюрер Фридрих Вильке. Обратной дороги у Гончаренко нет. Красные даже подумать не могут, что Гончаренко из Ровно, и наша Анна в Луцке – одно лицо.

– Но при личной встрече её могут опознать.

– Нет тех людей, что знали Анну в Луцке. Группа, с кото-

рой она работала, или арестована и ликвидирована гестапо, или переместилась во Львов. Не работать же красным диверсантам в своем тылу. Квартира безопасна, друже Чепа.

– Мне нужно собрать наших людей как можно скорее. Этого требует наш вождь. С тем я и прибыл в Луцк.

– Особое задание для меня?

– Ты представитель центрального провода здесь, друже Лесник. И на тебя ложится вся ответственность.

– Я не бегал от трудных заданий, друже Чепа. Ты меня знаешь еще по 40-му году.

Они подошли к дому. Лесник постучал.

Двери сразу отворились.

– Здравствуй Анна.

– Здравствуйте, друже проводник. Проходите.

Они вошли, и Анна заперла двери.

– Это наша Анна, друже Чепа.

– Андрей, – представился Чепа.

– Анна. Проходите в комнаты. Располагайтесь. Скоро будут еще два наших товарища. Это те, про кого я вам говорила, друже проводник.

– Люди из Варты?

– Поручик Грицай, заместитель сотника Ястреба.

Чепа и Лесник расположились в большой гостиной в креслах.

– А квартира неплохая, друже проводник, – похвалил Чепа.

– Мы собираемся здесь довольно часто. Место удобное. Сегодня я пригласил людей из УПА-Север³³.

Чепа поморщился:

– Это люди Боровца³⁴. А Степан Андреевич не всегда находит с ними общий язык, друже Лесник.

– Так было, друже Чепа. Но сейчас время иное и все мы верные сыны Украины делаем одно дело. Мы сражаемся за свободу Украины. И генерал Боровец в первых рядах бойцов.

– Да разве я это отрицаю, друже Лесник? Но иногда найти с людьми Боровца общий язык трудно. Он сам видит себя лидером в нашей борьбе и других не признает. Хотя я не отрицаю его опыт в командовании армией в нынешних условиях.

– И люди Ястреба будут говорить не от имени Боровца. А от имени сознательных украинцев, которые теперь служат своей стране с оружием в руках.

– У меня важное задание политического значения, друже Лесник.

– Меня в последнее время пугает слово «политическое»,

³³ В группу УПА-Север входило 4 военных округа – «Туров», «Заграва», «Богун» и «Тютюнник». Они охватывали территорию Волынской, Ровненской, Житомирской и западную часть Киевской областей. УПА-Север также оказывала влияние на южные районы Брестской и Пинской областей Белоруссии, где проживала значительная часть украинского населения.

³⁴ Тарас (Бульба) Боровец – руководитель Полесской сечи – вооруженной организации украинских националистов, существовавшей на территории Полесья и Волыни с августа 1941 по 1944 год. У автора командующий УПА-Север.

друже Чепа. Слишком часто политика идет в разрез с тактикой и даже со здравым смыслом.

– Не в этот раз, друже Лесник. Нам нужны масштабные акции по всей Украине. Этого требует Степан Бандера. Мы должны громко заявить о себе как о серьезной политической силе. Именно политической. Ибо красные уже распространяют слухи, что мы только банда разбойников без целей и планов по созданию независимого украинского государства.

– И что предлагает пан Бандера?

– Аксию о которой будут говорить, и которая заставит большевиков с нами считаться.

– И что это? Ликвидация?

– Видного политического или лучше военного деятеля большевиков.

– Военного?

– Лучше всего.

– Но если дело политическое, как вы сказали, друже Чепа, то лучше убрать политика.

– Разве в Луцке или Ровно есть достойная политическая фигура? А убрать местного секретаря их обкома – честь малая. Потому нужен военный.

– Вы думаете о начальнике местного СМЕРШа?

– Нет, – покачал головой Чепа. – Что такое начальник СМЕРШ в Луцке? Полковник?

– Майор.

– Тем более.

– Но фигура он большая и этого майора награждал сам Сталин.

– Все равно. Это не годится. Нужна значительная фигура. Из высшего руководства.

– Генерал?

– Не просто генерал. Нам не нужен командир дивизии. Нам нужен командарм. Офицеры такого ранга ныне частые гости в регионе Луцк-Ровно-Здолбунов-Острог.

– Это так. Красные сосредотачивают у нас крупные войсковые соединения. И офицеры высокого ранга у нас не такая редкость. Это и командарм 13-й армии, и командарм 60-й армии.

– Вот это именно то, что нужно.

– Но это стоит согласовать, друже Чепа.

– Есть решение центрального провода ОУН, друже Лесник. Слишком больших согласований уже не требуется. Все решено на самом верху.

– Но есть командование армии.

– Командование УПА-Север, не обязательно даже ставить в известность. Мы не станем проводить акцию крупными силами, друже Лесник. И потому я говорил о сотнике Ястребе. Этот сотник в свое время со своим небольшим отрядом «Перша варта» ликвидировал обергруппенфюрера СС Виктора Лютце³⁵. Думаю, он сможет повторить этот подвиг, дру-

³⁵ В реальности это был отряд УПА «Мечь Полесья», который в мае 1943 года на шоссе Ковель-Брест устроил засаду для немецкой колонны. В ходе этой

же Лесник.

Лесник-Осадчий задумался...

Луцк.

Конспиративная квартира.

Контрразведка.

Февраль, 1944 год.

Анна Гончаренко слышала все, что говорил представитель Степана Бандеры Чепы. Важность данной информации переоценить было сложно, и она не могла доверить это никому. Потому сама через два дня после встречи Чепы и Лесника отправилась к Нольману. Условный знак она передала заблаговременно и знала, что старший майор придет.

Анна вышла из дома с корзинкой, так она делала всегда, когда выходила на рынок за продуктами. Не то чтобы она боялась, что за ней могут проследить, но сам Нольман приучил её к осторожности.

Она посетила рынок и после покупки продуктов направилась обходным путем к конспиративной квартире. Анна наблюдала и «хвоста» не обнаружила.

Нольман уже ждал её.

– Что-то случилось? – спросил он. – Вы сорвали меня с места, Анна.

– Такие новости я должна сообщать срочно.

– Что случилось?

– В Луцк прибыл представитель Степана Бандеры.

– Уже? Я ждал чего-то подобного, но не так скоро. Немцы ещё не отпустили Бандеру.

– Все идет к тому, что скоро отпустят. И вчера я видела Андрея Чепу. Это и есть личный представитель Бандеры. Его привел сам проводник. И я слышала их разговор.

– Что-то важное?

– Да. Чепу привез приказ Бандеры провести громкую акцию по устранению важного военного из состава высшего командования.

– Вот как?

– ОУН хотят громко заявить о себе.

– Они уже выбрали цель? – спросил Нольман.

– Пока нет. Чепу ищет значительное лицо ранга командарма.

– Какими силами? – спросил Нольман.

– Думаю, что они будут использовать Варту. Ведь именно люди Ястреба ликвидировали в мае 1943 года обергруппенфюрера Лютце. На немцев это впечатление произвело. Гиммлер тогда прислал сюда самого Бах-Залевски разбираться с УПА. Чепу уверен, что реакция Сталина будет подобной.

– Это хорошие новости, Анна. Ты даже не представляешь как все это сейчас нужно.

– Что вы сказали? – не поняла Анна.

– Ты принесла важные новости, – поправился Нольман.

Он не мог скрыть радости от её сообщения. Задача, поставленная перед ним комиссаром госбезопасности Максимовым, упрощалась. Бандера сам прислал сюда человека с целью организовать громкую акцию! Как все удачно сошлось! Им нужен видный военачальник Красной армии? Тогда генерал армии Вахрушев подойдет как нельзя лучше. И все будут довольны. Храбрый генерал умрет героем, они с Максимовым выполнят задание, да и люди Бандеры останутся довольны.

Анна задала вопрос:

– Вы сказали, что новости хорошие? Но они готовят серьезный террористический акт!

– Я не о том. Твоя информация по человеку Бандеры в Луцке имеет важное значение.

– Но ведь нужно предотвратить теракт, Иван Артурович.

– Само собой, Анна. Но этим я займусь сам.

– И что вы предпримете?

– Я сказал, что это мое дело, Анна. Ты добываешь информацию. В этом твоя задача.

– И что дальше?

– Пока тебе только наблюдать. Но сама больше со мной не связывайся лично. Это опасно.

– Я соблюдала все меры предосторожности.

– Все равно рисковать тебе не нужно. Все только через связного.

– Связного?

– Да. Этого человека ты знаешь. Но он не знает кто ты.

– Как так?

– Просто. Он будет передавать сведения не только тебе, но еще троим агентам. Он не должен знать о твоей миссии.

– Но затруднит передачу сведений.

– Я знаю. Но так будет лучше. Я не хочу рисковать.

– Думаете, что среди наших есть вражеский агент? – предположила она.

– Я не хочу этого исключать, Анна. И потому нужно сохранить все в тайне. Ибо они могут и поменять исполнителя, и тогда нам будет труднее. А кого они наметили в жертву?

– Из наших военачальников? Мне это не известно.

– А неплохо бы знать и это.

– Я постараюсь...

Луцк.

Конспиративная квартира.

Контрразведка.

Февраль, 1944 год.

Майор Кравцов был неузнаваем в старых галифе, солдатских сапогах, потрепанной шинели и шапке ушанке. Он переделся для дела, которое никому доверить не мог. Руководство СМЕРШ 1-го Украинского фронта, никогда не позволило бы ему заниматься этим. Он решил проследить за Нольманом. Майору было интересно, чем здесь занимается представитель руководства из 2-го управления НКГБ.

А основная задача 2-го управления – контрразведка. И вмешиваться в работу этого отдела было опасно. Но Кравцов хотел узнать, что такое здесь забыл сам старший майор Нольман.

Он вел наблюдение за конспиративной квартирой и в помощники себе он взял недавно сбежавшего лейтенанта Лаврова...

Лавров уже составлял план перехода на другую сторону, когда его нашел Кравцов.

– Ты, майор?

– Я. А ты умеешь заметать следы, Лавров.

– Ты же сам меня отпустил.

– Ты сбежал, Лавров.

– Так ты снова по мою душу, майор?

– Нет. Я пришел один и никто о моем визите не знает.

– Что-то случилось?

– Да. Человек из второго управления взялся расследовать твоё бегство, лейтенант. А за его спиной стоит Нольман. И я решил узнать, что ему нужно.

– А я здесь причем?

– Мне помощь требуется, Лавров. А я никому не могу довериться в этом деле кроме тебя. Связываться с Нольманом в открытую – себе дороже. Потому действовать стоит тайно.

– И как?

– Я знаю конспиративную квартиру НКГБ. У нас есть при-

каз, ни под каким видом на этот адрес не соваться.

– И что?

– Будем следить за адресом по очереди, Лавров.

– Но меня ищут!

– Я не дам тебя поймать, Лавров. Я в Луцке начальник СМЕРШ. Легко направлю своих орлов по ложному следу. А тебе я принес новые документы.

– Что за документы?

– Настоящие. Они принадлежат умершему неделю назад сержанту Красной армии, что прибыл в отпуск после тяжелого ранения. Сержант умер, но про это еще никто не знает. Из родни у него не осталось никого. Все погибли.

Майор передал Лаврову документы. Тот развернул военную книжку и посмотрел на фото. Сержант был его возраста. А на выцветшем фотоснимке было трудно разобрать он это или нет.

– А Елена? – спросил Лавров.

– Музыка может уехать из Луцка на один из хуторов, по её выбору. Связи у меня имеются. Там она станет тебя дожидаться, пока мы здесь сделаем дело.

– Ты сможешь ей переправиться?

– Да. С ней ничего не случится. Ручаюсь.

– Хорошо. Я готов тебе помогать, майор...

Лавров подошел к дому, сменить Кравцова.

– Готов принять пост.

– Тихо, – сказал майор. – Нольман там.

– В доме?

– Да.

– Давно?

– Около часа. И к нему пришла какая-то женщина.

– Он встречается с агентом, – догадался Лавров.

В этот момент двери отворились, и женщина вышла.

– Он в доме один! – Лавров посмотрел на Кравцова.

– И что?

– Мы сможем его прижать, майор.

– Ты в своем уме?

– А почему нет? Если сыграть ва-банк? Да и я сам могу это сделать. Тебе светиться незачем. А мне терять уже нечего.

– Нет. Так действовать против Нольмана не стоит. Он тебе все равно правды не скажет. Вывернется. А потом начнет копать и докопает и до меня. Можешь быть уверен.

– Тогда что предлагаешь ты, майор?

– Отследить все контакты Нольмана здесь. Тайные контакты. И так мы раскопаем его истинную цель. А затем посмотрим, что нам делать, лейтенант...

Нольман на следующий день срочно назначил встречу агенту Черноморцу. Условный знак означал экстренный вызов. Поэтому Черноморец – Микола Басюк явился на конспиративную квартиру.

– Что-то случилось? – спросил Черноморец.

– Да. И дело отлагательства не терпит, Басюк.

– И что это?

– В Луцке представитель Бандеры Андрей Чепа.

– Это не тайна для меня, товарищ Нольман.

– И прибыл Чепа с особым заданием, товарищ Басюк.

Ликвидация видного советского военачальника.

– Откуда сведения?

– Сведения проверенные, Басюк. Вы лично имеете выход на Чепу?

– А это нужно?

– Раз я вас спросил, то нужно!

– При случае могу связаться с ним. Но это если есть крайняя необходимость. Мне нужен повод!

– Вы предложите Чепе ликвидацию генерала армии Вахрушева.

– Вахрушева?

– Это командующий 1-м Украинским фронтом³⁶.

– Ликвидировать командующего фронтом? Но это авантюра!

– Вам нужно только внести предложение, Басюк.

– Но это верная смерть! А если Чепа согласится с моим предложением?

– И пусть соглашается. На это вся надежда.

– Но что постом?

³⁶ Командовал 1-м Украинским фронтом генерал армии Ватутин. У автора Вахрушев.

– Операция будет возложена не на вас, Басюк. Но вам нужно предложить ликвидировать именно генерала армии Вахрушева.

– Но мне непонятно...

– Товарищ Басюк! Это всего лишь наживка.

– Вы хотите поймать на эту наживку крупное подразделение УПА?

– Можно сказать и так, товарищ Басюк. И ваши услуги при этом забыты не будут. Вы получите погоны подполковника НКГБ и ответственную должность в нашей структуре. Возможно, и до Москвы доберетесь.

– Я готов. Но не покажется ли это Чепе слишком подозрительным? Я всего лишь командир сотни. И выйду с такими грандиозным предложением.

– Это мы продумаем, товарищ Басюк. Но времени мало. Это нужно сделать в течение двух дней.

– Так скоро?

– Именно, время не терпит.

– Как прикажете, товарищ Нольман...

Глава 6

Лайдеюсер в Луцке.

Луцк.

Лавка обувщика.

Февраль, 1944 год.

Альфред Лайдеюсер приехал в Луцк на крестьянкой телеге. Мало кто мог бы узнать его в новом облиции. Видавшие вида армейские галифе, добротные венгерские сапоги, старая лётная кожаная куртка и картуз. Так одевались многие зажиточные крестьяне.

Он отпустил бороду, носил рубаху с потертым воротом с неопрятно пришитыми разными нитками пуговицами. Теперь он не выглядел лощёным офицером Абвера в безупречном мундире с белым подворотничком.

Вильке осмотрел его и остался доволен.

– Скажу честно, я бы вас не узнал, герр Лайдеюсер.

– На это я и делал расчет, работая над новым образом.

– Берете пример с фрау Марты³⁷?

– Марта была в этом много талантливее меня. Она меняла не просто вещи. Она меняла лицо. У меня это не получится,

³⁷ Фрау Марта или «Вдова» – агент Абвера. Действовала в серии романов «Агент Абвера» Вдова». «Вдова»: Метроном смерти», «Вдова»: Архив царского профессора», «Вдова»: Полковник из Аненербе».

потому я отпустил бородку и усы.

Вильке дал Лайдеюсеру контакты давнего агента гестапо пана Трофима Шария.

– Он не немец? – спросил Лайдеюсер.

– Нет. А это имеет значение?

– Но кто такой этот Шарий?

– Человек в летах. Немолодой и весьма рассудительный.

– А его профессия?

– Торговец.

– Торговец? Это широкое понятие, герр Вильке. Торговать можно чем угодно. А чем торгует герр Шарий?

– Мукой, салом, маслом, овощами. И вы поедете как торговец, герр майор. Шарий верный человек. За плату сделает все что нужно.

– За плату?

– А вы хотите идейного агента? Я полагаюсь в последнее время на торговцев. И Шарий с нами повязан. Да и выгоды своей не упустит.

– Он доставит меня в Луцк?

– Трофим торгует продуктами питания. Загрузит телегу, и оправится в дорогу. Вы станете его помощником.

– Как скажете, герр Вильке. Но не поставит ли это под удар операцию?

– Шарий не будет знать кто вы такой...

В дороге Лайдеюсер расспросил Шария о его «дружбе»

с Вильке.

– А чего мне с ним не дружить? Человек подходящий.

– А вас не смутило его место службы, пан Шарий?

– Гестапо? А чего, и там люди есть. Люди, мил человек, они всюду есть. Вот я не одного провез через все линии и кордоны. Меня ни советы не трогают, ни украинские партизаны. Даже поляки и те пропускали. Но те, правда, грабили немного. Но убытки мне всегда возмещали. Я не в обиде.

– И как же вам это удается?

– А всюду есть люди. И все есть хотят. А мне чего? Я торгую. Оружия при мне нет. Это только дураки думают, что оружие им в наших лесах поможет. А коли не желаешь ехать через лес, то иди на железную дорогу. А там сцапают наверняка не те, так эти.

– Но, если советы узнают, что ты связан с гестапо, что с тобой будет?

– А ничего не будет. Я и советов возил через немецкие заставы. Это еще в 41-ом годе было. Человек десять тогда спас. На том меня господин Вильке и прихватил. Думал к стенке поставит али повесит. А он нет. Хороший человек.

– Перевербовал?

– Да чего меня вербовать-то? Он хорошую цену дал, и я дело сделал. А чего не сделать?

– Однажды тебя, за такую философию все-таки расстреляют, пан Шарий.

– Однажды всех нас расстреляют, пан путешественник.

Или сами помрем. Отмогильного зелья ведь не нашли еще...

Лайдеюсер помог торговцу Трофиму Шарию выгрузить товар и расположиться на рынке. Вильке оказался прав – прикрытие было хорошее. И именно здесь он нашёл своего связника.

Это был восточный немец Михаил Вернер из тех, кто жил на территории России. Проживал он в Харькове и был инженером на заводе имени Коминтерна. После прихода немецкой армии сразу зарегистрировался как фольксдойче и стал служить вермахту. Там его и заметил майор Лайдеюсер осенью 1942 года.

Ныне Вернер держал обувную лавку на рынке города Луцка. Его оставили здесь для связи, но почти месяц никто с той стороны не являлся. И вот, наконец, условный стук.

Вернер открыл окошко. Он сразу узнал Лайдеюсера.

– Вы? – прошептал он.

– Я.

– Наконец-то! Прошу вас войти.

Лайдеюсер вошел, и обувщик запер двери.

– Вы не спросили пароль.

– Я вас знаю лично, герр майор. Но я никак не ожидал, что явитесь именно вы.

– Многое изменилось, обер-лейтенант.

– Изменилось?

– Абвера больше нет, – сказал Лайдеюсер.

– Как так?

– А вот так. Наше ведомство военной разведки подчинено СД. Адмирал отстранен от работы. А мне еще повезло, что меня оставили на службе. Но я не жаловаться приехал.

– Понимаю. Я ведь почти месяц без связи. Жду агента. И вот вы прибыли.

– Что в городе?

– Красные наводят свой порядок. Но пока мы в прифронтовой зоне особенно не лютуют.

– А что наши среди УПА?

– Пока партизаны УПА большой активности не проявляют. Так мелкие стычки. Полноценным сопротивлением советам это назвать нельзя.

– Наша задача активизация борьбы УПА. Но не только. Еще есть главная задача.

– Я веду наблюдение и проверяю наших людей еженедельно. Все на своих постах. Никто из наших в сети СМЕРШа не угодил. Вы все отлично проработали, герр майор.

– Это пока мы «законсервированы», Вернер. Что «Лесник»?

– Мне приказано к Леснику не приближаться.

– Но он в городе?

– Да. Он теперь не Waldwärter (Лесник), а украинец Микола Осадчий. Стал представителем центрального провода ОУН. И у него своя особенная задача. Я же контролирую людей и собираю информацию.

– Что красная контрразведка?

Вернер ответил:

– Местное отделение СМЕРШа возглавил майор Кравцов. Ранее работал в Харькове. Руководитель умелый и дело поставил как нужно.

– Сейчас мне нужна «Красная вдова», Вернер. Тому, кто меня прислал, нужна именно она. И чем быстрее мы вычислим «вдову» тем лучше.

– Красная вдова – это ровенская операция? Но мы не в Ровно, герр майор.

– Когда я на короткое время возглавил Абверштелле-Ровно, то нащупал контакты Красной вдовы. Именно поэтому мое новое начальство и направило меня сюда. И выбора у меня нет, Вернер. Если не найду вдову – мне конец. Моей карьере разведчика.

– Не может быть, герр майор! Вы гений агентурной разведки.

– Объясни это людям из СД. Им теперь нужны фанатики, а не профессионалы.

– Но что смогут фанатики в деле разведки?

– Вы не понимаете, Вернер? Германия проигрывает войну. И сейчас вермахт защищает режим, который все равно падет. Мы можем только оттянуть это самое падение, Вернер.

– Но тогда...

– Вернер, я говорю это вам потому, что вы не фанатик.

Я достаточно изучил вас. И дело, которое мы с вами здесь делаем, не пропадет. Это понадобится и после войны.

– После поражения Германии?

– Именно после поражения Германии для нас будет много работы. И ради этого «потом» мы с вами и должны работать сейчас.

– А ваше начальство там знает про это?

– Нет. Полковник Штольнэ, который вполне разделял это мнение, отправлен в отставку.

– Но кому будет нужна наша работа здесь если...

– Если большевики победят? А вы думаете, Вернер, что союзники большевиков в этой войне долго будут их союзниками? Нет. И вот тогда мы с вами с нашими связями здесь станем очень нужны тем, кто придет.

– Я вас понял, герр майор. Итак, наши приоритеты?

– Сохранить нашу резидентуру здесь. Помогать УПА. Но для моей карьеры в рейхе, а он пока не пал, мне нужна Красная вдова.

– Теперь найти её будет не так просто.

– Это всегда было не так просто, Вернер. И нам с вами стоит вернуться к тому, что мы имели три месяца назад.

– Все документы по Красной вдове у меня.

– Как? – изумился Лайдеусер. – Вы сохранили бумаги?

– Нет. Я ведь не полный идиот. Все у меня вот здесь, – сказал Вернер, показав на свою голову. – Я выполнил ваш приказ, и все документы Абверштелле-Ровно по делу Крас-

ной вдовы сожжены.

– Это хорошо, Вернер. Итак, что мы имели. Осенью 1943 года в Ровно прибыли пять женщин, которые могут подойти на роль Красной вдовы.

– Мы выделили в приоритетные троих. Это Гелена, о которой, рассказал нам информатор гестапо в Ровно. Она была на прямой связи с партизанским отрядом красных «Молот». Мы не смогли взять её.

– Даже выйти на след не смогли, Вернер. Хотя я бы взял ее, если бы у нас было больше времени. У службы СД были информаторы в отряде Молот. И я даже начал с ними работать. Но меня опередили.

– И где сейчас эта самая Гелена никто не знает.

– Думаю, что она переехала из Ровно во Львов. И именно там стоит искать её след. Но Геленой можно заняться позже.

– Иными словами не она Красная вдова?

– Не могу сказать наверняка, Вернер. Я поставил бы не на неё.

– И чем же вы можете это объяснить?

– Ничем, Вернер. Это простая интуиция. Но давайте оставим Гелену и продолжим.

Вернер продолжил:

– Вторая Анна Гончаренко, прибыла в Ровно одновременно с Геленой. По легенде племянница коммерсанта пана Гнатюка. Того самого что оказался красным резидентом в Ровно.

– Анна была арестована гестапо и сдала всю группу Гнатюка- Антиквара.

– Но герр, майор, сам Антиквар захвачен не было. Да и из его группы никого крупного поймано не было.

– Времени не было, Вернер. Красное наступление испортило все планы штурмбаннфюрера Вильке. Но ведь Гончаренко сейчас здесь.

– Да она в Луцке. Сейчас она в подпольной группе ОУН.

– Именно, – сказал Лайдеюсер. – И она агент СД. Но есть еще Ева Шрат, которая также прибыла в Ровно одновременно с Геленой и Анной Гончаренко.

Вернер сказал на это:

– Но Ева Шрат немка, выпускница спецкурсов в Берлине. Получила место одного из секретарей при канцелярии генерального комиссара Эриха Шёне в Ровно. И её проверяли неоднократно.

– Но это совсем не значит, что она вне подозрений. Ныне фройлен Шрат во Львове.

– Тогда она полностью выпадает из нашего круга. Львов все еще наш.

– Связи, Вернер. Связи её можно нащупать здесь.

– Но какие связи, герр Лайдеюсер. Шрат ни с кем не общалась.

– Вот именно, Вернер. Это и вызывает подозрение.

– Я не вижу здесь ничего подозрительного, герр Лайдеюсер. Она прибыла из Берлина и поступила на службу. Рабо-

ты у кригсхельферин Шрат было очень много. После работы она шла отдыхать в свою квартиру.

– И на этом основании вы делаете вывод, что Шрат ни с кем не общалась?

– А почему нельзя сделать такой вывод? – спросил Вернер.

– Сделать можно, но это ничего не доказывает. Если фройлен Шрат разведчица, то у них могла быть разработана особенная система связи.

– Но не может быть фройлен Шрат Красной вдовой, – высказал свое мнение Вернер. – Вернее малая вероятность имеется. Но только малая. Она всегда на виду. А вот Гелена иное дело. А если предположить что Гелена сейчас здесь?

– Не думаю. Она была связана с партизанами слишком крепко. Красная вдова или Шрат, или Гончаренко. Но возможно, что она вообще не попала в поле нашего зрения, Вернер. И вот это вариант самый плохой. Тогда у нас нет шансов найти Красную вдову, за то время, что нам отпущено.

– Но вы исходите из того, герр Лайдеюсер, что Красная вдова заброшена в Ровно в октябре 1943 года.

– Это так, – согласился Лайдеюсер.

– А если предположить, что она появилась в Ровно гораздо раньше. А работать как Красная вдова начала в октябре.

Лайдеюсер задумался. А ведь Вернер дело говорит. А что, если Нольман прислал вдове раньше срока? А только потом в октябре наши перехватили шифровку о начале операции

Красная вдова!

– Это здравая мысль, Вернер. Но в этом случае сейчас у нас нет ни одной зацепки.

– Есть, герр Лайдеюсер.

– Вот как? И что это за зацепка?

– Украинская журналистка Елена Музыка.

– Музыка? Я даже читал её статьи. Эмоционально, но довольно глупо. Высказанные ею идеи только отталкивают от борьбы многих украинцев. Но с чего вы вспомнили именно Музыку?

– У меня еще в Ровно возникли подозрения против Музыки.

– Подозрения в чём? – не понял Лайдеюсер.

– Музыка могла быть агентом красной контрразведки.

– Нет. Только не Музыка. Она фанатичка. А из фанатика не получится хорошего агента. Да и завербовать Музыку не смог бы даже Нольман с его способностями к вербовке и перевербовке.

– Вы не дослушали меня, герр Лайдеюсер. Работая в Ровно в ноябре 1943 года, я столкнулся с неким господином Петром Кабышем. Он также пописывал статейки в газету «Вольный», где работала Музыка.

– Я ничего не знаю про Кабыша.

– Он фигура совсем не такая важная, герр Лайдеюсер. Дело не в нем. Я говорил с ним по поводу украинской журналистки, и он сказал мне странную вещь.

– Какую же?

– В ноябре 1943 года Кабыш обратился к Музыке по поводу статьи, которую она для него переводила. Дело в том, что Кабыш некоторое время тому назад дал Музыке статью. Она прочитала и обещала перевести её для Кабыша, который готовил материал для одной из украинских газет Львова. Но Львовская редакция хоть и заказала статью, но потом отказалась от публикации. И потому Кабыш дал отбой для Музыки.

– Я пока совсем не уловил вашей мысли. Вернер. Ну дал Кабыш статью для перевода Музыке. И что в этом такого?

– Я только подошел к сути, герр Лайдеюсер. Дело в том, что осенью 1943 года, после формирования дивизии СС «Галичина», во Львове снова захотели, чтобы Кабыш написал свой материал. С ним связались и он согласия. И естественно пошел к Музыке и напомнил ей о переводе. Но Елена Музыка совсем не могла вспомнить этого эпизода. И Кабыша тогда это сильно удивило. Ведь Музыка славится отличной памятью.

– И какой вывод вы сделали, Вернер?

– Я подумал, не заметили ли красные нам одну Музыку на другую.

– Не перевербовка, а замена?

– Именно.

– Слишком сложно. Не думаю, что вы правы. Слишком мало фактов для такого смелого предположения.

– Но есть еще одно.

– По Музыкае?

– Да. Мне удалось выяснить, что Елена Музыка совсем недавно была арестована СМЕРШем в Луцке.

– Музыкае арестовали?

– Да. Её и некоего парня из сотни УПА Варта. Но его имени я сейчас на вспомню.

– И она сейчас в камерах временной тюрьмы?

– В том то и дело что уже нет, герр Лайдеюсер. И мне побег Музыкае и рядового УПА кажется странным.

Лайдеюсер вынужден был согласиться с Вернером....

Глава 7

Особое задание.

Луцк.

Конспиративная квартира ОУН.

Февраль, 1944 год.

Представитель Степана Бандеры Андрей Чепач был удивлен просьбой личной встречи от сотника «Холодного яра» Микола Басюка. Дел у него было много, но отказать сотнику не мог. Нужно было поддерживать авторитет Центрального провода ОУН среди офицеров УПА-Север.

– Хорошо! – сказал Чепач. – Я готов встретиться с сотником.

– Меня и самого удивила эта просьба, друже Чепач, – сказал проводник Осадчий.

– А кто этот сотник?

– Сотня «Холодный яр» лучшая после «Варты», друже Чепач.

– Вот как? Тогда встреча просто необходима. Этот сотник уже в Луцке?

– Да, друже Чепач. Я могу хоть сейчас послать за ним.

– Прошу вас не медлить, друже Лесник.

Басюк себя ждать не заставил. Он явился на конспиративную квартиру через час.

Чепа пригласил его в гостиную.

– Прошу вас, друже сотенный. Садитесь в кресло.

Басюк сел. Представитель Центрального провода ОУН расположился в кресле напротив.

– Вы хотели говорить конфиденциально, друже сотенный.

Мы одни.

– Точно так, друже проводник.

Чепа поправил сотника:

– Проводник здесь не я, друже сотенный. Прошу называть меня просто Чепа. Мне этого достаточно. Итак. Я вас слушаю.

– Я прибыл не как представитель штаба армии, друже Чепа. Я хочу чтобы вы это понимали.

– Я это понял, друже сотенный.

– Я представляю сотню УПА «Холодный яр». И как командир сотни хочу говорить с вами об активизации наших действий.

Чепа сказал сотнику, желая показать свою осведомленность:

– Я слышал, как сражается за Украину ваша сотня, друже сотенный. Именно вы провели в последний месяц-два несколько акций. У вас много погибших офицеров. Честь и слава павшим героям.

– То было, друже Чепа. Но разве то война? Смех один. Я пришел к вам говорить не про это. Разве стал бы я отрывать такого занятого человека как вы по пустякам?

– Слушаю вас. Что вы предлагаете, друже сотенный?

– Громкую акцию против советов.

– Подробнее.

– Ликвидация командующего советским фронтом генерала армии Вахрушева.

Чепа даже вначале не поверил в то, что услышал.

– Что вы сказали, друже сотенный?

Басюк повторил:

– Ликвидация командующего советским фронтом генерала армии Вахрушева³⁸. Эту акцию я готов провести силами моей сотни!

– Похвально, друже сотенный. Но вы говорили про это вашему командованию?

– Нет.

– Почему?

– Слишком много будет разговоров, а нужны немедленные действия. И пока они будут всё согласовывать, время мы упустим.

Чепа задумался. Он также приехал сюда ради громкой акции. А здесь простой сотник предлагал ему идеальную кандидатуру для ликвидации. Они хотели громкого дела? Вот оно! Командующий 1-м Украинским фронтом и генерал армии. Выше и искать не нужно!

– И у вас есть план операции, друже сотенный? – спросил

³⁸ Командующим 1-м Украинским фронтом был генерал армии Николай Федорович Ватулин. У автора Николай Фёдорович Вахрушев.

Чепа.

– У меня есть информация по перемещениям генерала Вахрушева. Один из маршрутов Ровно-Здолбунов-Острог-Славута.

– А откуда у вас информация по перемещениям Вахрушева?

– Источник надежный, друже Чепа.

– Но мне нужно знать, что это за источник, друже сотенный.

– Сведения попали ко мне от офицера по особым поручениям при штабе генерала армии Вахрушева полковника Семенова.

– Даже так? А откуда у вас выходы на полковника?

– Через надежного агента, друже Чепа.

– Это может быть простая ловушка. СМЕРШ мастерски готовит такие, друже сотник.

– Это не работа СМЕРШ. Полковник Семёнов сам не догадывается, что стал нашим информатором, друже Чепа. Информация попадает к нам через женщину.

– Что за женщина?

– Местная. Стала коханкой полковника. Она в прошлом была замужем за советским майором. Он погиб в 1942 году. Потому у красных она не вызывает подозрений.

– И когда следующий вояж генерала?

– Через два дня, друже Чепа. Вахрушев проводит совещания с командармами, и лично проверяет готовность армий.

Он посетит Ровно, штаб 13-й армии генерала Пухова. А из Ровно отправится в расположение штаба 60-й армии в Славути для проведения оперативного совещания.

– И что?

– Если Вахрушев едет по тракту через Новоград-Волынский, то шансов у нас нет. Но этот маршрут слишком длинный. Около ста пятидесяти километров по объездной. А есть иной маршрут, через Гощу-Милятин. Здесь всего 25 километров. И Вахрушев наверняка выберет его. Потому времени на раздумья у нас нет. Нужно готовить акцию.

– Сопровождение Вахрушева? Кто его охраняет? Вахрушев не простой генерал. Он командует фронтом и в его подчинении две танковые, семь общевойсковых и воздушная армии.

– Обычный кортеж генерала две бронемшины, взвод автоматчиков, около 10-ти штабных офицеров. Но часто он ездит и с меньшим сопровождением.

– Генерал армии пренебрегает безопасностью?

– Да.

– И у вас готов план засады, друже сотенный?

– Готов, друже Чепи. Стал бы я просто так вас беспокоить.

– И где вы хотите устроить засаду? – Чепи развернул карту района. – Карта у меня советская. Захвачена две недели назад.

Басюк подошел к карте.

– Смотрите. Это Штаб 60-й армии в Славути. Если ехать

из Ровно по большому тракту, то он проходит через Новоград-Волынский, как я вам говорил. Но дорога через Новоград-Волынский слишком длинная. 150 км или около того. А вот путь по косой! Через Гощу-Милятин. Здесь километров 25 не больше. И если устроить засаду у одного из сел, то все может получиться.

– И сил сотни для этого хватит?

– Я уверен, что мой «Холодный яр» с этим справится, дружке Чепе. Красные таких действий от нас не ждут.

– А где гарантия, что генерал Вахрушев поедет по косой?

– Он часто так делает, дружке Чепе. Да и совещание у него намечено важное.

– Вы должны рассказать мне о плане нападения еще раз, дружке сотенный.

Басюк еще раз все рассказал и показал на карте. Затем даже нарисовал план атаки.

Чепе замысел понравился. Этак он быстро выполнит задание и вернется обратно победителем. Еще бы! Самого Вахрушева! Командующего 1-м Украинским фронтом!

– Благодарю вас, дружке сотенный.

– Слава Украине! Готов приступить к выполнению...

– Погодите, дружке Басюк. Не стоит торопиться.

– Как не стоит? Но я же сказал вам, дружке Чепе, что времени почти нет. Осталось два дня. А когда еще выпадет такой шанс?

– Это я понимаю, дружке сотенный. Но действовать станет

не ваша сотня.

– Как? – притворно удивился Басюк, а сам поразился прозорливости Нольмана. – Но это мой план!

– Я благодарю вас за него, сотенный. Но я хочу доверить выполнение акции другой сотне!

– Другой?

– Варте.

– Ястребу? Но почему? Вы не верите мне или моим бойцам, друже Чепа?

– Вам не стоит воспринимать все так, друже сотенный.

– Но мы совсем не хуже Варты. Они в свое время отличились, когда ликвидировали Лютце. А теперь пришло наше время. Время Холодного яра. Я пришел к вам, друже Чепа, ибо мне нужна поддержка для такой акции. Поддержка высшего руководства ОУН. А что я нашел у вас?

– Я полностью одобряю ваш план, друже сотенный. Но обстоятельства вынуждают меня наладить на это дело именно Варту. Друже сотенный. Поймите меня.

– И чем же Холодный яр хуже Варты? – спросил Басюк.

– Ничем не хуже. Кто сказал такое? Только не я. И ваша сотня еще не раз вступит в бой ради Украины, друже Басюк. Но это дело нужно доверить именно Варте. Поймите и вы меня.

Басюк опустил голову и изобразил скорбь. И получилось у него это отлично. Чепа и подумать не мог, что сам Басюк не желает идти на акцию.

– Вы храбрый солдат, друже сотенный. Украина нуждается в таких как вы! Благодарю вас от имени Центрального провода ОУН и от имени нашего вождя Степана Бандеры!

– Слава Украине! – ответил Басюк.

– Героям слава!

На этом разговор был окончен...

После ухода Басюка Чепка переговорил с Лесником.

– А этого сотника нам словно бог послал, друже Лесник. Он принес то, чего нам как раз и не хватало.

– И что же?

– План.

– План? Какой план? – не понял Лесник.

– План той операции, ради которой я и прибыл в Луцк.

– Ликвидация?

– Именно. Он привез мне имя и план!

– И кого же сотник предлагает ликвидировать?

– Важную фигуру, друже Лесник. И признаюсь вам, сам бы я не решился такого выбрать.

– И кто он?

– Генерал армии Вахрушев! Командующий 1-м Украинским фронтом! Лучшего кандидата и найти сложно. Разве самого Сталина убрать.

– Вы не шутите, друже Чепка?

– Нет.

– И это вам принес простой сотник?

– Да. Можете себе представить?

– Сотник Холодного яра приносит вам план ликвидации генерала армии Вахрушева? Но это более чем странно, дружке Чепа.

– Ничего странного в этом нет. Все хотят действий, дружке Лесник. И действия эти должны быть решительными.

– Но почему сотенный пришел именно к вам?

– А к кому? Я представитель Степана Бандеры. И ему нужно одобрение акции. Командование УПА-Север будет долго колебаться, и время будет упущено. А сотнику нужно одобрение высшего начальства. Так что ничего странного здесь нет.

– И вы решили доверить это «Холодному яру», а не «Варте»?

– Нет. Все останется как прежде. Выполнит акцию сотня Ястреба «Перша варта».

– А Холодный яр?

– Я убедил сотника Басюка, что так будет лучше. Хотя он все равно ушел обиженный.

– А я, когда его провожал, еще подумал чего это у него такой вид?

– Вы тоже заметили? Мне пришлось ему все пояснить. Хотя какие тут пояснения и утешения помогут? Я забрал у него шанс прославить свое имя. А будет ли у него второй?

– Как был он не начал принимать самостоятельные решения, дружке Чепа. Этот сотник Басюк мне не показался слиш-

ком покладистым.

– Я уверен, что он меня понял, и мешать не станет. Но времени мало, друже Лесник. Мне нужна встреча с поручиком Грицаем.

– Я все устрою, друже Чепа, – ответил Лесник...

Грицай разослал своих людей по городу. Они выполняли задание Ястреба. Нужна была информация. Местом встречи Грицай назначил дом своей сестры. Это было опасно, но выбора не было. Два дня назад люди из СМЕРШ накрыли явочную квартиру осведомителя УПА.

Посланный от Лесника пришел вечером.

– Друже Грицай. Слава Украине.

– Героям слава. У вас что-то важное?

– Лесник назначил вам встречу.

– Когда?

– Утром. Завтра.

– Что-то случилось?

– Все что нужно вам скажет, Лесник. Но скажу вам правду, что завидую вам, поручик.

– Мне? С чего это?

– Может так статься, что вы окажетесь среди людей что делают историю...

Чепа встретился с поручиком Грицаем.

– Я хочу сказать вам, поручик, что именно сейчас начнет-

ся настоящая борьба за Украину. Вы сами видите какая обстановка вокруг нашей страны. Крупные державы вокруг нас уже много сотен лет грызутся за власть. А Украина в зоне их интересов. Вот и сейчас так. В схватке сошлись два колосса Германия и СССР.

– Я все понимаю, пан Чепя.

– Друже Чепя, – поправил его представитель Бандеры. – Или друже Андрий. Какой я пан. Я ваш товарищ по борьбе. Я знаю ваши сомнения. Вы воюете под началом генерала Боровца. А у Степана Бандеры с Боровцом понимание задач разное. И я обращаюсь к вам, поручик.

– Я выполняю приказы своего начальства.

– Это правильно. Но я слышал что вы и ваш командир сотник Ястреб, многократно нарушали приказы своего начальства и выступали против врагов Украины. И за это не могу вас упрекать, друже поручик.

– Если вы о том, как я с моими хлопцами напал на отряд АКовцев и перебил его, то тогда я был арестован именно за нарушение приказа старшего командира. Именно генерал Боровец тогда спас и меня и моего командира Ястреба. Но нас предупредили и невозможности повторить это в будущем.

– Тогда ситуация была иной, поручик. Что вы сделали тогда?

– Спас свое село и семьи моих людей, – ответил Грицай.

– Я не о том вас спросил, поручик. Я спросил что вы сде-

дали для Украины тогда? Вы убивали её врагов поляков. Это дело благое. Но кто были те враги? Партизаны Армии Кайовой. Таких тысячи. И хоть дело было для вас лично важным, но в масштабах боев за свободу оно не такое большое. Вы со мной согласны?

– Да, – ответил поручик.

Чепа продолжил:

– А сейчас все будет по-другому. Мы воюем с большевиками. Они стали нашим главным врагом. Немцы ушли. Но сюда вернулись большевики. И нам нужно громко заявить о себе.

– И это задача для нас? Для сотни Перша Варта?

– Именно, друже Грицай. Ранее я не сказал вам всего, но сейчас говорю. И мне нужно знать, готовы ли вы выполнить опасное задание.

– Мы с Ястребом уже выполнили их немало и доказали, что мы не трусы.

– Я не о том, поручик. Разве я сомневаюсь в вашей храбрости? Но это задание много опаснее всего, что вы делали ранее.

– И в чём оно состоит?

– В устранении командующего 1-го Украинского фронта генерала армии Вахрушева.

Грицай был поражен грандиозностью задачи.

– Но это задание для всей группировки УПА-Север, друже Чепа.

– Нет. Это здание для сотни отчаянных молодцов, готовых на подвиг ради своей страны.

– Мы в свое время ликвидировали обергруппенфюрера Лютце. Но генерал Вахрушев фигура более значительная.

– У нас есть свои глаза в одном из штабов. Но обо всем этом я смогу рассказать вам, при условии, что ваш сотник Ястреб согласится выполнить задание.

– Он согласится, – сразу не думая, ответил Грицай.

– Вот как? Вы уверены, поручик?

– Я знаю своего командира. Это дело как раз для Варты, друже Чепя...

Сарненские леса.

Стоянка сотни «Перша варта».

Февраль, 1944 год.

Сотник Ястреб хорошо подготовил новую базу для своей сотни. В глухом лесу были надежно построены бункеры-схроны. При немецкой оккупации в них не было большой необходимости. Но при большевиках важность такого рода укрытий было трудно переоценить.

Все делалось тайно надежными людьми и сейчас в жилых схронах могли расположиться до 150 вояк. Здесь были жилые помещения для отдыха бойцов, ямы-погребя для хранения продуктов, ямы для мусора и туалеты. Дымоходы были выведены по стволам деревьев и оборудованы рассекателями дыма.

Но сотник все равно был недоволен. Помещения слишком сырые и если находится здесь долго, то это начнет сказываться на здоровье бойцов.

– Не слишком хорошее место для жизни, друже Сом, – сказал Ястреб хорунжему Сому. – Как людей сюда переводить?

– Зато надежное, друже сотенный. Это при немцах в лесах нам было вольготнее. А ныне большевики пришли. У них люди, которые знают эти леса. Не то, что у немцев. Скоро нам всем придется в сχροнах отсиживаться, после дела.

– Как надолго, друже Сом?

– Референт пропаганды, что бы у нас неделю тому, сказал, что нам помогут США и Англия.

– Слышал я этого референта. Но ты на карту посмотри. Где мы, а где Англия.

– Референт сказал, что США и Англия начтут войну с СССР, после победы над Гитлером.

– СССР теперь крепкий орешек, друже Сом. Здаётся мне, что твой референт знает не больше нашего. Но давай о насущном. Грицай вернется и доложит обстановку в Луцке. Нужно за дело браться. А то, как крысы будем под землей сидеть.

В помещение «штаба» сотни вошел поручик Грицай.

– Слава Украине!

– Героям слава! Грицай!

– Брат! А ты чего так рано? Мы и не ждали тебя. Случи-

лось чего? – спросил Ястреб.

– Случилось, друзи. Дело важное и заставило оно меня бросить все в Луцке и сюда.

– Садись.

Поручик сел за стол и Сом сам приготовил ему какао, из немецких трофейных запасов.

– Что случилось? – снова задал вопрос Ястреб.

– В Луцк прибыл специальный представитель Степана Бандеры Андрей Чепа.

– Я не знаю такого, – сказал Ястреб.

– Я тоже, – поддержал его Сом. – Кто такой?

– Референт пропаганды Центрального провода ОУН.

– Снова референт, – спросил Сом. – С чего они так зачистили к нам?

– Нами командует генерал-хорунжий Боровец, – сказал Ястреб. – Не Бандера.

Грицай ответил:

– Дело не в том, кто нами командует, друже Ястреб. Мы все боремся за Украину. И Чепа приехал сюда по важному делу.

– Что за дело?

– УПА-Север пока мало проявляет активности в борьбе с главным врагом Украины. Ведь что лично мы сделали с вами, братья? Скажи, Ястреб.

– Но все еще только начинается.

– Вот именно. Чепа и привез нам настоящее дело для на-

чала!

– Что за дело?

– УПА-Север должна громко заявить о себе. Мы должны показать большевикам кто мы такие. С этим вы согласны?

– Да, – ответили офицеры УПА.

Но затем Ястреб спросил:

– Но почему Чепа говорил с тобой, поручик? Мы здесь только небольшой отряд армии. Я не командую УПА-Север. Я только сотник.

– Но Чепа именно нам решил поручить грандиозную задачу.

– Ты так и не сказал что это задача, брат.

– Ликвидация командующего 1-м Украинским фронтом.

– Что? – в один голос спросили Ястреб и Сом, думая, что они ослышались.

– Ликвидация генерала армии Вахрушева. Того самого что ныне командует 1-м Украинским фронтом! После такой акции о нас станут говорить и нас примут всерьез.

– И Чепа говорил это тебе?

– Да. С Боровцом он про этот план говорить не станет. Не пойдет командование УПА-Север на риск. Станут примеряться и думать. А дела не будет. И в этом я с ним согласен.

– И Чепа предлагает это дело нам?

– Именно, друже Ястреб. И делать все нужно быстро.

– Иными словами генерала Боровца в известность ставить

не будем?

– Нет. У нас всего два дня, – сказал Грицай.

– На подготовку операции?

– Всего два дня. Акция назначена на 29 февраля.

– Но осталось менее двух дней! – вскричал Сом. – Такая грандиозная акция и так мало времени. Да что там мало. Его нет совсем!

– Вот потому нужно не скулить, друзья, а обсуждать дело! Времени у нас действительно нет. И если вы готовы действовать, то давайте к делу. Я спешил сюда не просто так.

– И какими силами? – спросил Сом.

– Для операции нам нужна только Перша варта, – сказал Грицай.

– У нас сейчас 80 бойцов. Остальные пока распущены по домам, ибо у меня нет продовольствия в схроне в необходимом количестве, – напомнил Ястреб. – На сборы личного состава уйдет время. Около трех дней.

– У нас нет времени, друже Ястреб. Будем использовать тех людей, что есть в наличии сейчас. Чепя спросил меня, готовы ли мы пойти на подвиг во имя Украины? Я за вас поручился, дружи.

Ястреб ответил:

– Я готов.

– И я, – поддержал командира хорунжий Сом.

Так дело было решено...

Глава 8

Акция.

Луцк.

Домик на окраине.

28 февраля, 1944 год.

Альфред Лайдеюсер устроился в Луцке по новым документам на имя Мирона Моисеенко, крестьянина с Буковины, который по инвалидности в армии служить не мог.

В Луцке у настоящего Моисеенко проживала двоюродная сестра. В свое время, еще осенью 1942 года, все местные контакты Моисеенко были зачищены Абвером. И вот небольшой домик на самой окраине города пригодился Лайдеюсеру.

Он решил осесть в городе и стал знакомиться с соседями и подробно рассказывал о себе. Соседи рассказали ему, что сестра его померла год назад от чахотки, а домишко с тех пор пустует.

К нему даже местный милиционер забежал, и проверил его документы.

– Вы, стало быть, гражданин Моисеенко? – спросил пожилой старшина. – Меня на участок с неделю как назначили. Мало еще кого знаю. А тут соседи сообщили, что новый жилец объявился.

– Я Моисеенко и есть. Мирон Моисеенко.

– Откуда к нам, товарищ Моисеенко?

– Дак с Буковины мы. Там дом наш в деревне разрушили.

Я у вдовы одной обретался. Да и она померла. И куда пойти? Я-то сам одинокий. Нет ни жены, ни детей.

– Ну да какие ваши годы.

– Оно так. Но пока жить-то надо, и решил я от немцев сюда податься. Тут ведь ныне советская власть. Я мастеровой человек. По столярной части.

– По столярной?

– Точно так, товарищ. Ежели чего надобно, то я завсегда помочь готов.

– По столярной части много чего ныне надобно. Не пропадешь, мил человек. Но документы у тебя не наши.

– Дак сами понимаете, под немцем жили. Вот и документки из ихней управы.

– Заменить надобно, товарищ Моисеенко. На учет стать и прописку чтобы. Такой порядок. Я вот сейчас все ваши данные запишу.

– На учет я готов, товарищ старшина. Чего мне. Коли надо, так надо.

И вот на следующий день, чего Лайдеюсер никак ожидать не мог, в домик явился давний его знакомый Ганс Корнер, в прошлом инструктор по радиоделу в немецкой разведшколе Брайтенфурт. Ныне Корнер живет в Луцке под именем Миколы Осадчего и является представителем Центрального

провода ОУН.

– Вот так неожиданность, герр Корнер, – сказал Лайдеюсер по-немецки, когда они вошли в дом, и он запер двери.

– Обстоятельства, герр Лайдеюсер.

– Не думал, что многие знают о месте моего пребывания в Луцке.

– Многие и не знают. Но я знаю, герр Лайдеюсер. И я вас беспокоить не стал бы просто так. Но дело есть дело.

– И что случилось, герр Корнер?

– В городе личный эмиссар Бандеры Андрей Чепяк. Прибыл для активизации действий УПА в регионе.

– А разве Бандера уже освобожден?

– Пока нет. Но руководство СД скоро сделает это и признает его вождем ОУН. Бандера популярен среди украинских националистов. Хоть он и не военный.

– И что наметил представитель Бандеры в Луцке?

– Ликвидацию.

– Ликвидацию? Местного начальника СМЕРШ? – усмехнулся Лайдеюсер. – Не много это им даст.

– Если бы так, герр Лайдеюсер. Но дело гораздо серьезнее. Ликвидировать они намерены генерала армии Вахрушева. Командующего 1-го Украинского фронта.

– Смело! Но только сделать это гораздо сложнее, чем планировать.

– Акция назначена на 29 февраля.

– Но 29 февраля завтра, герр Корнер.

– Именно, герр Лайдеюсер. Потому, узнав, что вы в городе я сразу к вам.

– А как узнали, герр Корнер?

– У меня свои источники, которые я не хочу раскрывать даже вам, герр Лайдеюсер. Особенно после того как фюрер ликвидировал Абвер. А все мы отныне подчинены Гиммлеру, который терпеть не может бывших сотрудников адмирала Канариса.

– Все не так страшно, герр Корнер. Гиммлеру все равно нужно с кем-то работать.

– Но они отстранили адмирала и вашего шефа полковника Штольнэ. Кстати, майор, а как вам удалось усидеть? – спросил Лесник-Корнер.

– Покровительство штурмбаннфюрера Вильке. Того самого кто работал с нами в Ровно. А он ныне взлетел высоко.

– Как высоко? – спросил Корнер.

– Его шеф Танцман, вы ведь помните Танцмана?

– Оберфюрер СС?

– Он уже бригаденфюрер СС и сотрудник центрального аппарата РСХА в Берлине. И Танцман добился повышения и для Вильке.

– Это за какие же заслуги, позвольте спросить?

Лайдеюсер только покачал головой в ответ.

– Этак они скоро всех настоящих профессионалов выведут, герр Лайдеюсер. А мне мое нынешнее начальство и не считает нужным сообщать такие сведения. Хотя они меня

вообще вниманием не балуют.

– В управлении у Гиммлера мало думают о подполье ОУН и об УПА. Хотя Танцману удалось убедить Гиммлера в перспективности этого дела. Но все теперь зависит от успеха миссии Вильке.

– Иными словами все будет зависеть от вас, герр Лайдеюсер?

– Именно так, герр Корнер. Но ваше заявление может все усложнить.

– Вы о ликвидации?

– Да. И хорошо если у них все получится. А если нет? Тогда мы нарвемся на репрессии со стороны СМЕРШ, и наша задача только усложнится.

– Отменить операцию уже нельзя. Акция состоится. Процесс запущен. И я пришел, чтобы просить у вас помощи.

– У меня? – не понял Корнера Лайдеюсер.

– Нам с вами нужно чтобы акция не провалилась, герр Лайдеюсер.

– И что я могу для этого сделать?

– У вас есть люди в Луцке.

– А разве у вас их нет, герр Корнер?

– Есть, но мои не подойдут. Нельзя чтобы меня с этим связывали.

Лайдеюсер ответил:

– Я вас понял, герр Корнер. Кто вам нужен?

– Снайпер. И хороший снайпер. Условия для работы будут

не самые подходящие.

– Такой человек у меня есть.

– Немец?

– Да. Но украинским и русским владеет хорошо. И ранее он был как раз снайпером. Хотя человек это совсем не молодой.

– Не молодой?

– Ему 61 год.

– Это много, герр Лайдеюсер.

– Но вы же не танцевать его приглашаете, герр Корнер. А выстрел он сделает.

– Мне нужен этот человек для подстраховки. Нападение плохо продумано и как следует организовать засаду для Вахрушева времени нет. И может так случиться, что у Варты ничего не выйдет.

– Варта хорошее подразделение. Выбор исполнителей верный.

– Но подстраховка нужна.

– Хорошо. Я позабочусь о том, чтобы мой человек был у вас в течение двух часов. Где вы ходите с ним встретиться?

Корнер назвал адрес.

– Я всё предам. Он будет у вас. Но у меня есть дело и к вам, герр Корнер. Вы помните операцию «Красная вдова»?

– Можно ли такое забыть? – спросил Корнер.

– Это основная цель Вильке.

– Он тоже в Луцке?

– Нет. Штурмбаннфюрер Вильке во Львове. Здесь я его глаза и уши. И меня интересует Анна Гончаренко.

– Вы же знаете, что она ныне работает на меня?

– Она знает, кто вы? – удивился Лайдеюсер.

– Нет. Она не знает что я Корнер. Она знает меня как Миколу Осадчего. Для Анны я Лесник и представитель центрального провода ОУН в Луцке. Но что у вас к ней, герр Лайдеюсер?

– Вы не можете предположить, герр Корнер, что Анна агент врага?

– Она была агентом НКГБ. Но это совсем не тайна. Вильке смог перевербовать Гончаренко и с тех пор она с нами.

– Вот эта перевербовка мне сильно не нравится, герр Корнер. И мне кажется, что девку нам подставили.

– Кто?

– Товарищ Нольман из второго управления НКГБ. Такая операция вполне в его стиле. Я работал против него несколько раз. И в 1941 году осенью он обставил и меня и Вильке.

– Но Анна работает на ОУН.

– Именно. Потому она у меня на подозрении.

– У вас есть факты?

– Нет. Никаких фактов нет. Только подозрения. И Анна ничего не должна знать, герр Корнер. Вы не должны выдать себя. Если она агент Нольмана, то сразу догадается, если ваше отношение к ней изменится.

– Я в разведке не первый год, герр Лайдеюсер.

- Я не хотел вас обидеть. Но дело серьезное.
- Вы хотите проверить Анну? – догадался Корнер.
- Да. Вы поможете?
- Помогу. Но что вы задумали?
- Я вам все расскажу...

Село Милятин.

Сотня УПА «Перша варта».

29 февраля, 1944 год.

Время – 17.40.

Сотник Ястреб выслушал доклад разведки. Ястреб во все стороны отправил небольшие отряды. Кортёж командующего фронтом мог изменить направление движения.

– Они выехали из Ровно из штаба 13-й армии, – доложил хорунжий Сом.

– Едут именно сюда?

– Едут на Милятин. Все точно, друже сотенный. Я сам все проверил. Красные выслали вперед разведку.

– Наши должны сохранять предельную осторожность. Ни один куст не должен пошевелиться! – сказал Ястреб.

В дом вошел часовой:

– Друже Ястреб. Вторая разведка вернулась.

– Грицай? Сюда его зови!

– Он уже здесь, друже сотенный.

В хату вошел поручик Грицай.

– Я с плохими новостями, Ястреб.

– Что такое?

– У села Гоща был бой.

– Какой еще бой? – не понял сотник.

– Наши сцепились там с отрядом НКВД.

– Наши?

– Сотня Терна.

– Черт! Нашли время! – выругался Ястреб.

Сом возразил:

– Но что нам Гоща? Это довольно далеко!

– А если они вообще отменят поездку генерала через Милятин? Если останутся и станут ждать? Что тогда? – спросил Грицай. – Прощай акция?

– Пока с Вахрушевым четыре машины. Две легковушки «Дождж» и «Виллис» и два броневика с автоматиками, – сказал Сом.

– Так мало? – удивился Ястреб. – Тогда стоит отодвинуть засаду.

– Как отодвинуть? – спросил Грицай. – Мои уже на позициях.

– Нужно отвести их к деревне. Засада на подступах может не сработать. А вот в селе иное дело. Поставим пулеметы за хатами и возьмем генерала в клещи. При таком раскладе он не уйдет от нас.

– А если он не пойдет в село, друже сотенный? – спросил Грицай.

– Пойдет. Здесь дорога удобная. И если их ничего не на-

сторожит, то все будет как нужно!

– А если что-то настожит? – спросил поручик Грицай. – Бой в Гоше сделает их осторожными.

– Но кортеж генерала прошел через Гошу спокойно?

– Да, после боя прошло время, и кортеж миновал село Гоша без происшествий. Отряд НКВД еще утром вытеснил в лес людей Терна.

– Охрана генерала не пополнилась солдатами НКВД?

– Нет. Они ушли из села и продолжили преследование Терна, – ответил Грицай.

– Значит наши шансы не уменьшились! Все по местам! – отдал приказ Ястреб...

Ровно.

**Штаб командующего 13-й армией генерала Пухова.
29 февраля, 1944 год.**

Время – 15.30.

Офицер по особым поручениям командующего фронтом полковник Семенов отправил офицера оперативного отдела штаба майора Белошицкого проверить пути следования командующего.

Белошицкий связался с командиром специальной команды НКВД.

– Это майор Белошицкий! Кто у аппарата?

– лейтенант Сысоев!

– Что у вас случилось, лейтенант? Был бой?

– Небольшая стычка, товарищ майор. Нас обстреляли у села Гуща. Отряд националистов.

– Сколько их было.

– Не больше 30 человек, товарищ майор. Но боя они не приняли и сразу ушли в лес.

– Их преследовали?

– Так точно, товарищ майор. Но преследование ничего не дало.

– У вас большие потери, лейтенант?

– Два человека ранено и один убит.

– А потери националистов?

– Я не знаю, товарищ майор. Они унесли раненых с собой.

И убитых тоже, если таковые имелись.

– А что дорога на Милятин?

– Утром была свободна.

– Утром? А сейчас?

– Точно сказать не могу. Но я бы советовал ехать через Новоград-Волынский. Та дорога безопаснее, хоть и длиннее.

Белошицкий явился к полковнику с докладом.

Майора пропустили, и он увидел в комнате не только полковника Семенова, но и командарма 13-й армии генерал-майора Пухова.

– Товарищ генерал-майор, разрешите обратиться к полковнику Семенову!

– Разрешаю!

– Товарищ полковник, ваше приказание выполнено!

Семенов повернулся к Пухову и сказал:

– Я отправлял майора проверить дорогу. Командующий намерен скоро выехать в распоряжение 60-й армии генерала Черняховского в Слауту.

– А что там проверять? На Слауту легче всего ехать через Новоград-Волынский, – сказал Пухов.

– Но это полторы сотни километров, товарищ генерал. А есть более короткая дорога через Милятин. Так мы доберемся до Слауты до штаба Черняховского уже сегодня.

– У села Гуца был бой, товарищ генерал-майор, – доложил Белошицкий. – Отряд УПА атаковал спецкоманду НКВД лейтенанта Сысоева.

– Большой отряд? – спросил майора генерал Пухов.

Белошицкий ответил:

– Около 30-ти бойцов, товарищ генерал.

– Тогда стоит ехать через Новоград-Волынский. Рисковать не нужно.

В этот момент в помещение вошел сам генерал армии Вахрушев в сопровождении члена военного совета фронта генерала Крайнюкова.

– Не могу дольше гостить у тебя, генерал, – обратился Вахрушев к Пухову. – Мне нужно побывать у Черняховского. На обратном пути, если получится, заеду снова.

– Когда прикажете отправляться, товарищ командующий?

– Сейчас. Ждать не будем.

– Товарищ генерал армии, я думаю, что ехать вам нужно через Новоград-Волынский.

Вахрушев посмотрел на полковника Семенова.

– Что такое, Семенов?

– Дорога через Милятин намного короче, товарищ командующий! – сказал полковник. – Если поедем через Новоград, то это полторы сотни километров. А если сократим путь через Милятин, то здесь каких-то двадцать пять километров.

– Константин Васильевич. – Вахрушев повернулся к Крайнюкову. – А зачем нам делать такой крюк? Если через Милятин до Славуты всего двадцать пять километров. Черняховский нас уже заждался.

– Верно, Николай Федорович, – сразу согласился Крайнюков, – не будем время терять.

– Но товарищ генерал армии, – снова смешался Пухов. – Николай Федорович!

– Что еще генерал?

– Дорога через Милятин может быть опасна. У села Гоща был бой.

– Небольшая стычка с партизанами УПА. Разве это бой? На войне, генерал, все дороги могут быть опасны! – сказал Вахрушев. – Со мной охрана. Прорвемся. Или ты стал боязливым, генерал?

– Я опасаюсь не за свою жизнь.

– Да ты не обижайся, генерал.

Пухов спорить с Вахрушевым не стал. Знал нрав коман-

дующего фронтом....

Село Милятин.

Засада.

29 февраля, 1944 год.

Время – 18.50.

Ястреб выслушал хорунжего Сомы:

– Едут друже сотенный.

– Где Грицай? – спросил Ястреб.

– Его люди разбросаны по трем пунктам.

– Я же отдал приказ стянуть всех сюда. Они идут прямо на нас! А у меня тридцать человек. Передай по цепи, без команды огня не открывать!

Сом передал.

– Никому не стрелять без команды! Ждать выстрела командира!

Ястреб поднес к глазам бинокль.

– Впереди броневедомобиль.

Сом тоже смотрел в бинокль.

– Такую машину можно одной гранатой из строя вывести.

Топорец!

Молодой солдат откликнулся:

– Здесь Топорец, друже сотенный.

– Впереди кортежа движется бронемашина с пулеметом.

Её нужно вывести из строя сразу. Сможешь сделать?

– Сделаю, друже сотенный.

Топорец приготовил связку гранат и осторожно стал продвигаться к самой дороге.

Ястреб обернулся и посмотрел на своих солдат. С ним бойцов было не много, но это были лучшие силы легендарной сотни Варта. Он сделал знак пулеметчикам.

Хорунжий Сом рассмотрел броневедомобиль и движущиеся за ним две легковушки...

Полковник Семенов, офицер для особых поручений при штабе фронта, ехал в первой машине. Он был на переднем сидении рядом с водителем сержантом Моноселидзе. На заднем сидении было еще два офицера штаба командующего.

Офицер оперативного отдела штаба майор Белошицкий сказал:

– Неудачный маршрут.

– Почему? – повернулся к нему Семенов. – Втрое короче.

– Не нравятся мне дома впереди, товарищ полковник.

– Дома, как дома, – спокойно произнес другой офицер.

В этот момент броневедомобиль взорвался. Гранаты Топорца были брошены крепкой рукой. Броневики запылали и съехали в кювет. Правда из солдат что были внутри никто не пострадал. Они быстро покинули машину. Сразу же ударил ручной пулемет Ястреба. И за ним застрекотали выстрелы из автоматического оружия. «Перша варта» начала бой.

Полковник Семенов закричал:

– Стоп машина! Засада!

Он открыл дверцу и выпрыгнул из авто. За ним также поступили все пассажиры первой легковушки. Лейтенант Хабибулин, сидел у левой дверцы на заднем сидении и в руках он держал пулемет Дягтерева.

Лейтенант быстро выскочил из авто и сполз в овраг. Место хорошее для точки. Хабибулин привел «Дягтерева» в боевую готовность...

Генерал армии Вахрушев приказал остановить машину.

– Засада! Долой из машины!

Все покинули вторую легковушку.

Член военного совета Крайнюков держал в руках портфель с оперативными документами.

– Николай Федорович! Вам нужно уходить. Возьмите портфель с документами и сопровождение. Мы прикроем вас.

– Что? Мне бежать от банды националистов?

– Но ваша жизнь принадлежит...

– Я офицер, и бежать подобно зайцу не стану. Вот и дело для нас с тобой, генерал-полковник, – обратился он к Крайнюкову. – Всем к бою!

– Николай Федорович! – сказал Крайнюков. – Все же вам не стоит оставаться. Вы командующий фронтом!

– И поэтому я должен бежать? Занять позиции!

– Но документы, Николай Федорович!

– А вот документы стоит убрать отсюда. Полковник Се-

менов!

– Здесь, товарищ командующий!

– Возьмите портфель у генерал-полковника!

Семенов исполнил приказ.

– Возьмите одного человека и тайно уходите. Вдвоем сможете прорваться.

– Но, товарищ командующий... – попробовал возразить Семёнов.

Вахрушев прервал его:

– Выполняйте приказ, полковник!

Семёнов позвал одного из автоматчиков. Они двинулись к лесочку.

Вахрушев приказал занять позиции. Солдаты и офицеры расположились в глубоком придорожном кювете.

Снова загрохотали выстрелы. Крайнюков понял, что они попали в клещи.

– Товарищ командующий.

– Чего тебе еще, генерал-полковник? Снова станешь угаривать?

– Я только хочу сказать, что засаду они устроили грамотно.

– Но и мы с тобой не зеленые новобранцы. И позиция у нас хорошая. Но почему молчит пулемет бронемашин?

– Неисправен, – доложил майор Белошицкий. – Что-то заело у него.

– Головы вам отрывать за такое, – сказал Крайнюков.

– Некому отрывать, товарищ генерал-полковник, – смело ответил майор. – Капитан Нестеренко убит выстрелом в голову. Можно считать, что ваше наказание уже осуществилось.

– Хватит головы отрывать, товарищи, – прервал перепалку Вахрушев. – Судя по огням выстрелов их не так много.

– Нас тоже, товарищ командующий.

– А ты хороший стрелок, генерал? – спросил Вахрушев у Крайнюкова.

– Да.

– Возьми-ка винтовку у рядового. Солдат, уступи оружие генералу. Пусть покажет себя.

Крайнюков принял «мосинку» и прицелился на огонь выстрелов ручного пулемета. Выстрел! И пулемет врага затих.

– Молодец. Тебе бы снайпером быть, Крайнюков. А ну еще!

Но второй выстрел бы не так удачен. Враги стали менять позиции.

– Они сейчас пойдут в атаку, товарищ командующий. В атаку под прикрытием пулеметного огня, – высказался майор Белошицкий.

И он не ошибся. На отряд Вахрушева наступали с двух сторон. Но позиция генерала в кювете была хорошая. Они заставили противника залечь в снег автоматным огнем....

Сотенный Ястреб приказал своим людям залечь. Враги

умело использовали кювет и сразу видно были не новичками в военном деле. Силы сотника утроились за счет людей, которых, подтянул поручик Грицай.

– Чего так долго, поручик? – спросил Ястреб Грицаю, который подполз по снегу к нему.

– Так получилось, друже сотенный. Пришлось распылить людей на большом расстоянии.

– Заслоны оставил?

– Так точно. Но с немцами, когда мы с тобой Лютце брали, было много проще. Он сразу оказался на линии огня. Да и светло было.

– Ничего мы и Вахрушева возьмем.

– Я отправил двух парней ко второй бронемашине. Первая уничтожена, но вторая почему-то молчит. У них крупнокалиберный пулемет.

– Я и сам думаю, отчего они не стреляют, – сказал Ястреб.

В этот момент вторая бронемашина взорвалась. Люди поручика исполнили приказ.

– Молодцы, хлопцы! – похвалил их Грицай. – Все из моего села. С такими к черту в зубы идти не страшно.

– К черту в зубы не нужно, поручик. Наша задача ликвидировать Вахрушева. Понапрасну людей ложить я не стану...

Враг приближался. Солдаты Варты сжимали кольцо. Автоматчики Вахрушева вели огонь. Заработал пулемет. Но пуля из винтовки успокоила пулеметчика – лейтенанта Хабибу-

лина. Его место быстро занял капитан из штаба Вахрушева, но и он был убит минуту спустя.

Рядом разорвалась граната. У генерал-полковника Крайнюкова заложило уши. Бой разгорелся с новой силой. Люди Ястреба подобрались совсем близко. Стрекотали автоматы, на снегу уже было много мертвых.

Крайнюков увидел, что генерал Вахрушев вдруг уткнулся головой в снег.

– Товарищ командующий!

Вахрушев поднял голову.

– Похоже, что меня зацепило, – сказал он.

– Вы ранены?

Крайнюков подполз к командующему. Пола простеленной бекеши генерала намокла от крови. Вахрушев морщился от боли.

– Николай Федорович! Держитесь!

– Да не ори ты так, генерал-полковник. Я не убит.

Вдали застрекотали автоматные очереди.

– Это наши, – сказал Крайнюков.

– Какие наши? – не понял его Вахрушев.

– Я приказал команде майора Вершинина следовать за нами. И вот они завязали бой.

– Вершинин здесь? Не могу тебя не похвалить, генерал...

Ястреб услышал автоматные трели из леса.

– К ним подоспела помощь, – сказал он.

– Наши их задержат, друже Ястреб. Пока мы не раздела-
емся с генералом.

– погоди, – Ястреб поднес к глазам бинокль.

Было темно и только вспышки выстрелов освещали про-
странство.

– Друже Грицай! Похоже, мы сделали дело.

– Ты про что, сотник?

– А сам посмотри.

Он передал поручику бинокль.

– Что? – спросил тот. – Ничего не видно.

– Да ты не туда смотришь. Ближе к машине поверни.

– Они несут кого-то.

– Не кого-то, а генерала! Ты на лампы смотри. Вот как
раз вспышка!

Грицай отметил, что сотенный прав. Они смогли свалить
генерала.

– Всем отходить! – отдал приказ Ястреб. – Выходим из
боя! Передать по цепи. Отходить!

– Отходим!

Грицай сказал Ястребу:

– Странно все это, друже сотенный.

– Чего странного? Наша задача выполнена.

– Похоже, что Вахрушева сразила случайная пуля.

– А ныне день для коммунистов неудачный, поручик. Ны-
не Касьянов день. А этот самый Касьян хоть и святой, но
не любит людям помогать, особенно грешникам. Предание

помнишь?

–Нет.

–В Касьянов день предки наши из дому носа не казали.
Боялись, как бы Касьян у них здоровья не отнял.

–Но и мы, друже Ястреб, из дома вышли и дело затеяли.

–Мы другое дело, поручик...

Глава 9

После акции.

Сообщения.

1 марта, 1944 год.

Иван Артурович Нольман по телефону доложил своему начальнику комиссару госбезопасности Максимову о случившемся. Говорить прямо он не мог, но знал, что Максимов и так все поймет.

– У нас здесь произошло ЧП, Владимир Иванович. 29 февраля вечером опасно ранен командующий фронтом генерал армии Вахрушев.

– Ранен? – спросил Максимов.

– Так точно, товарищ комиссар.

– Где сейчас Вахрушев?

– Насколько мне известно, в госпитале танковой части.

– Как состояние командующего?

– Насколько мне известно, средней тяжести.

– Что значит «насколько мне известно», Иван Артурович?

– Точной информации нет. И о ранении Вахрушева еще никто не знает, Владимир Иванович. Пока я первый делаю вам доклад. И это показывает оперативность моей команды. Тем более что мы здесь по другому делу, насколько вы знаете.

– Прости, Иван Артурович. Обидеть не хотел.

– Я, как только что-то узнаю, сообщу товарищ комиссар второго ранга. И есть еще одно.

– Что?

– Мне мешают работать.

– Как это понимать? – не понял Нольмана Максимов.

– За мной установили наблюдение.

– Какое еще наблюдение, Иван? Я не понимаю тебя.

– Местное отделение СМЕРШ приставило ко мне людей.

Они меня водят.

– Как водят?

– А вот так. Кто конкретно, мои люди выяснить не смогли пока. Но водят меня люди из СМЕРШ. Установили постоянное наблюдение за нашей конспиративной квартирой в Луцке. А я просил тебя, Владимир Иванович, пусть эту квартиру не трогают.

– Её и не должны были трогать, Иван Артурович. СМЕРШ не должен вмешиваться работу второго управления.

– Но они вмешиваются. И этим мешают моей работе.

– Я разберусь. Иван Артурович. И перезвоню тебе уже сегодня. Жди моего звонка. Будь на связи. Ты меня понял?

– Так точно, товарищ комиссар госбезопасности...

Старший майор Нольман первым узнал, что генерал армии Вахрушев был ранен в бедро. Его смогли вывести из под огня и доставили в военный госпиталь 13-й армии, где ко-

мандующему оказали медицинскую помощь.

Нольман сразу доложил Максимову и тот узнал новость первым. Ибо член военного совета 1-го Украинского фронта генерал-полковник Крайнюков доложил об инциденте Сталину по ВЧ только два часа спустя.

Сталин немного помолчал, а затем сказал Крайнюкову:

–В вашем распоряжении такая огромная масса войск. А вы беспечно выезжаете к фронту, не взяв даже надежной охраны. Так не годится, товарищ Крайнюков. Составьте письменное донесение о случившемся.

–Так точно, товарищ Сталин!

Верховный положил трубку. Крайнюков вытер пот со лба и ещё немного постоял. Затем он сам опустил трубку на рычаг. За письменное донесение он принялся сразу, не откладывая.

«29 февраля 1944 года, проездом из штаба 13-й армии вместе с товарищем Вахрушевым в составе четырех машин и с личной охраной в количестве 18 человек, в 18.50 при въезде на северную окраину деревни Милянин, что 18 км южнее Гоща, подверглись нападению бандитов численностью...»

Крайнюков не знал еще точной численности нападавших. Расследование еще предстояло провести и потому написал так:

«...подверглись нападению бандитов численностью 300-350 человек. При перестрелке товарищ Вахрушев был ранен. Все меры по вывозу раненного товарища Вахруше-

ва из района нападения были приняты. Характер ранения: сквозное пулевое правого бедра с переломом кости. По предварительному заключению хирурга 13-й армии, ранение относится к категории тяжелых, требует лечения как минимум два месяца. К оказанию медицинской помощи привлечены лучшие силы. На 3.00 1.03.1944 года состояние товарища Вахрушева удовлетворительное. Товарищ Вахрушев находится в 506-м армейском госпитале в городе Ровно. Врачи настаивают в течение суток не трогать, а 2.03. 1944 обязательно эвакуировать самолетом «Дуглас» в Москву.

Член Военного совета 1-го Украинского фронта генерал-полковник Крайнюков».

Нольман понимал то, чего не досказал ему Максимов. Задание по ликвидации выполнено не было. Вахрушев мог выжить. А нужно было, чтобы он умер. Но что мог Нольман сделать сейчас?

Телефонный звонок вывел его из раздумий.

– Нольман!

– Максимов на проводе!

– Слушаю вас, товарищ комиссар государственной безопасности.

– САМ уже знает об инциденте. В ярости. И расследование на месте проводить тебе, Иван Артурович.

– У меня нет полномочий.

– Уже есть.

– Но это дело СМЕРШа.

– Они будут делать свое дело, а ты свое. САМ уже дал приказ Абакумову³⁹ перетрясти здесь все. А Меркулов⁴⁰ приказал мне провести наше расследование. И я доверю его тебе. Ты меня понял?

– Так точно, товарищ комиссар госбезопасности 2-го ранга!

– И тебе присвоено звание, Иван Артурович. Теперь ты комиссар государственной безопасности 3-го ранга. На местное Луцкое начальство это произведет впечатление. Теперь сам разбирайся с теми, кто учинил за тобой слежку.

– Я вас понял, товарищ комиссар.

– И времени у тебя две недели!

– Так точно!

– Торопись, Иван Артурович. Основные вопросы: почему командующий попал в засаду? Кто выбирал маршрут движе-

³⁹ Абакумов В.С. – заместитель народного комиссара обороны и начальник Главного управления контрразведки СМЕРШ (1943-1946 гг). В 1951 году арестован по обвинению в государственной измене и сионистском заговоре в МГБ. После смерти Сталина обвинения Абакумову были изменены. 19 декабря 1954 года расстрелян.

⁴⁰ Меркулов В.Н. – советский государственный и политический деятель, генерал армии. Руководитель ГУГБ НКВД СССР, нарком государственной безопасности СССР, министр государственного контроля СССР, писатель и драматург. Входил в ближайшее окружение Л. П. Берии, работал вместе с ним с начала 1920-х годов, пользовался его личным доверием. Арестован по делу Берии в 1953 году Приговорен Военной коллегией Верховного Суда СССР по ст. 58 УК РСФСР к высшей мере наказания – смертной казни и в тот же день расстрелян.

ния? Не было ли это спланированной акцией немецкой разведки?

– Я все понял, Владимир Иванович. Сразу приступаю к делу!

– Желаю удачи, Иван Артурович.

Нольман понял, что хотел сказать ему Максимов. Его задача замести все следы акции, чтобы никто и подумать не мог о специальной операции по ликвидации. И это новое звание, на которое расщедрился Максимов, было не простым подарком. Иначе начальник второго управления никогда не поднял бы Нольмана выше старшего майора...

Луцк.

Управление контрразведки СМЕРШ.

2 марта, 1944 год.

Иван Артурович Нольман лично явился утром 2 марта в управление контрразведки СМЕРШ города Луцк.

Кравцов встретил его:

– Товарищ старший майор!

– Комиссар государственной безопасности 3-го ранга, – правил его Нольман.

– Извините, товарищ комиссар. Поздравляю.

– Пока не с чем, майор. Нельзя пока ни меня, ни вас поздравлять. Вы ведь знаете, зачем я здесь?

– Очевидно..., – начал Кравцов, но Нольман его перебил.

– Я здесь по поводу инцидента у деревни Милятин! Ра-

нение генерала армии Вахрушева. Это пощечина. Да какая пощечина. Это удар кулаком в зубы! Банда УПА нападает на кортеж командующего фронтом! Не на вас. И не на меня!

– Но деревня Милятин не в зоне моей ответственности, товарищ комиссар.

– Не стоит рассуждать об ответственности. У меня есть подозрения, что акция спланирована здесь! В городе Луцк. А это зона именно вашей ответственности, майор.

– Могу я спросить, откуда такая информация, товарищ комиссар государственной безопасности?

– Я прибыл сюда не просто так, майор. Моя задача разоблачение вражеской диверсионной сети! И если я прилетел из Москвы, то дело это срочное. И со своей задачей я не справился, майор.

– У вас есть информация...

– У меня есть агент среди подполья ОУН в Луцке, майор Кравцов. А что сделано вами?

– Но разве у меня была информация по цели вашего приезда в Луцк, товарищ комиссар?

– Вы начальник СМЕРШ в этом городе, майор! На вас возложена огромная ответственность!

– Я понимаю, товарищ комиссар!

– Майор! Вы выставили слежку за спецквартирой второго управления НКГБ. Ваше начальство, мне это доподлинно известно, запретило вам это делать. Но слежку вы организовали. Скажите зачем?

– Слежку? – Кравцов изобразил недоумение.

– Слежку. И не стоит играть в неведение. Я вижу что это ваша работа и могу это доказать и доложить начальству. Но это не послужит к вашей пользе. Однажды в 1941 году вы и лейтенант Лавров почти сорвали мою операцию в Харькове. Но теперь дело намного серьезнее, майор Кравцов.

Кравцов не первый день служил в органах безопасности и знал, что Нольману что-то нужно от него. Не просто так он проводит эту операцию «запугивания».

– У вас есть предложения, товарищ комиссар? – напрямую спросил он.

– У меня есть желание узнать, зачем вы следили за конспиративной квартирой НКГБ?

– Я действительно организовал такую слежку, отпираться бесполезно, но цель самая простая – информация о присутствии здесь старшего майора из второго управления НКГБ. Иными словами вас, товарищ Нольман.

– А с чего вдруг такой интерес к моей персоне, товарищ Кравцов? У вашего управления СМЕРШ нет иной задачи? Или я у вас на подозрении как немецкий шпион? Кравцов! Вы что, забыли кто я такой?

– Никак нет, товарищ комиссар.

– Недавно из помещения вашей тюрьмы сбежал арестованный вашими же людьми бывший лейтенант Лавров. И вы неоднократно посещали Лаврова и вызывали его на допросы. И вот Лавров сбежал.

– Тюрьмой это можно назвать только с большой натяжкой, товарищ комиссар. А Лавров хорошо подготовленный агент. И я не знаю, кто организовал ему этот побег. Возможно, что это в интересах вашего ведомства. Мне ведь ничего не известно о цели вашего пребывания здесь.

– А мне представляется, что побег был организован именно вами, майор. Лавров в 1941 году работал в вашем управлении в Харькове, и вы были его начальником. Отношения у вас были самые дружеские. Вот и решили помочь старому другу. И сделали вы это сразу после того, как я прибыл в Луцк. Неужели вы думаете, что я поверю в простое совпадение. Вы предупредили Лаврова.

– Я не понимаю, о чем вы говорите, товарищ комиссар государственной безопасности 3-го ранга. Ведь Лавров не враг. Он сотрудник НКГБ.

– Был сотрудником, пока не перешел на сторону врага и не стал двойным агентом. Было принято решение о ликвидации Лаврова еще в декабре 1943 года.

– И почему же он не был ликвидирован?

– Случайность. Такое часто происходит на войне. Но если он бежал при вашей поддержке и если он имеет отношение к покушению на Вахрушева, то вы знаете, что вам грозит.

– Я не понимаю, какая связь между Лавровым и покушением на командующего, товарищ комиссар 3-го ранга.

– А я вам все объясню, товарищ Кравцов. На командующего 1-м Украинским фронтом напали бандиты из УПА. А

Лавров был в составе отряда УПА «Перша варта». И если завтра выяснится, что в нападении на Вахрушева принимала участие сотня Варта, то вы знаете, что будет. А расследование здесь поручено мне.

Кравцов побледнел. Похоже у Нольмана уже есть весь расклад по покушению на генерала армии. И никакой Абакумов его не вытащит из петли. Если Нольман только пожелает её затянуть...

Москва. Управление НКГБ СССР.

Площадь Дзержинского (Лубянская площадь до 1926 года).

2 марта 1944 год.

Комиссар государственной безопасности 2-го ранга Максимов получил всю информацию о состоянии здоровья командующего 1-м Украинским фронтом Вахрушева. 1 марта генералу сделали операцию в госпитале 13-й армии. В Ровно находились начальник санитарного управления фронта генерал-майор медицинской службы Семека и главный хирург Киевского военного округа генерал-майор медицинской службы Ищенко. Они в один голос заявили, что жизни командующего ничего не угрожает.

Максимов понимал, что если Вахрушев выживет, а было похоже на то, что так и будет, Нольман провалил задание по ликвидации. Высшие чины руководства, что были в курсе, молчали и никто Максиму не звонил. Дело вызвало слиш-

ком большой резонанс.

Из Москвы к Вахрушеву были направлены заместитель главного хирурга Красной армии генерал-лейтенант медицинской службы Шамов и ведущий хирург московского госпиталя септических инфекций майор Кокин.

«Теперь предпринять уже ничего нельзя, – подумал Максимов. – Любое вмешательство невозможно на таком уровне. Это сразу обнаружат. Вахрушева вытащили из под огня, и врачи поработали на славу. Да еще из Москвы усиление будет. Одно хорошо – все теперь станут молчать. Не полезут они в это дело и меня пока оставят в покое. Главное чтобы Нольман все подчистил. Если в такой ситуации и сможет кто-то разобраться, то это Нольман. Он доделает работу».

Зазвонил телефон.

Максимов поднял трубку:

– Комиссар госбезопасности Максимов!

В трубке послышался голос:

– Здравствуйте, товарищ Максимов.

Максимов встал со стула и сказал:

– Здравствуйте, товарищ Сталин!

– Что там у вас с расследованием нападения на командующего 1-м Украинским фронтом?

– На место отбыл лучший следователь управления, товарищ Сталин.

– И кому вы доверили такое важное дело?

– Следствие поручено комиссару госбезопасности 3-го

ранга Нольману, товарищ Сталин.

– Хорошо. Я помню товарища Нольмана. Мне нужен подробный доклад о том, что там произошло.

– Он будет у вас, товарищ Сталин, через несколько дней!

– Я хотел бы знать, товарищ Максимов, что это – простая халатность или работа немецкой разведки? Как вы думаете?

– Товарищ Сталин, я пока не готов докладывать. Следствие ведется и я постоянно в контакте с Нольманом.

– Хорошо, товарищ Максимов, я подожду.

Сталин повесил трубку. Максимов вызвал к себе недавно прибывшего в Москву полковника Одинцова.

– Срочно Одинцова ко мне!

Одинцов не был в понимании Максимова хорошим следователем. Но зато по части составления отчетов не знал себе равных. Да и твердостью обладал завидной, с таким не забалуешь. И Максимов решил использовать способности Одинцова.

Одинцов прибыл к Максиму через двадцать минут.

– Вызывали, Владимир Иванович?

– Проходи, полковник.

Одинцов сел на стул и ждал объяснений Максимова.

– Мне недавно звонили из Кремля, полковник. САМ звонил.

– САМ? – удивился Одинцов.

– Иосифа Виссарионовича интересует следствие по делу покушения на генерала армии Вахрушева. Если это простая

случайность, это одно, но если спланированная акция немецкой разведки, то совсем иное.

– Но я знаю, что в Луцк отправился Нольман.

– Это так. Но что он накопает? Ты отвечал за агентурную разведку в Луцке?

– В 1943 году.

– Сейчас только март 1944 года, полковник.

– Но тогда я служил в другом ведомстве, товарищ комиссар госбезопасности.

– Кого это будет интересовать, если дело на контроле на таком уровне, полковник? Ты сам подумай.

– Но я не верю, что покушение на жизнь генерала Вахрушева это работа немецкой разведки. Это случайная акция одного из отрядов УПА.

– И я так думаю, но что накопает Нольман? И потому полковник в твоих собственных интересах отправиться в Луцк. Поможешь Нольману с расследованием.

– Нольман не потерпит меня в качестве помощника, товарищ комиссар. Вы же знаете Нольмана.

– На этот раз он все стерпит. Я лично распоряжусь, полковник. Тебя примут как нужно.

На следующий день 3 марта 1944 года полковник Одинцов вылетел в Луцк...

Глава 10

Игра Нольмана: майор Кравцов.

Сообщения.

3-6 марта, 1944 год.

Заместитель главного врача Красной армии генерал-лейтенант медицинской службы Шамов и хирург майор Кокин прибыли в госпиталь и лично осмотрели генерала Вахрушева. Они поставили Вахрушеву следующий диагноз: «Сквозное пулевое ранение верхней трети правого бедра с переломом бедренной кости. Перелом кости косой, с незначительными смещениями обломков. Кровоизлияния нет. Раны входного и выходного отверстия чистые, из которых выделяется незначительное количество крови. Правая сторона тёплая. Пульс на артерии стопы хороший. Пальцы стопы хорошо подвижны. Общее состояние удовлетворительное. На 8 часов утра температура 37.4. Потеря крови незначительная».

Сталин поинтересовался не стоит ли перевезти генерала в Москву. Но первый секретарь ЦК Компартии Украины Хрущёв доложил, что переезд в Москву не нужен. Он убедил Сталина, что нет необходимости транспортировки раненого в столицу. Все надлежащие условия для лечения будут созданы Вахрушеву в Киеве, куда его уже везут.

– Вы точно в этом уверены? – спросил Сталин.

– Да, товарищ Сталин. Да и сам Николай Федорович настаивает на Киеве. Он желает в скором времени вернуться на свой пост. А здесь все-таки ближе.

– Хорошо, товарищ Хрущев. Пусть будет, по-вашему. Но обязательно доложите, когда генерала привезут в Киев.

– Да, товарищ Сталин.

Через день Хрущёв отправил Сталину такую телеграмму:
«Товарищу Сталину И.В.

Сегодня товарищ Вахрушев прибыл поездом в Киев. Я был у него в вагоне. Температура 38. Самочувствие генерала по его словам плохое. Ухудшилось самочувствие при переезде генерала из Ровно в Киев. В связи с этим я предложил генералу переехать в Москву, но сам Вахрушев отказался категорически. Да и генерал-лейтенант медицинской службы Шамов, начальник санитарного управления 1-го Украинского фронта Семека не советуют транспортировать генерала сейчас пока не улучшится его самочувствие. Все военврачи уверили меня, что жизни генерала ничего не грозит. Потому считаю целесообразным оставить тов. Вахрушева в Киеве. Мы ему здесь создадим все условия для лечения. Прошу вашего согласия на оставление тов. Вахрушева в городе Киев.

6.03.1944.

Хрущев Н.С.»

Луцк.

Квартира Нольмана.

1 марта, 1944 год.

Агент НКГБ «Черноморец» из сотни УПА «Холодный яр» (Микола Гнатович Басюк) снова вынужден был принять предложение Нольмана. Сейчас комиссар государственной безопасности 3-го ранга нуждался в его помощи.

– Вы снова выдернули меня в самое неподходящее время, товарищ Нольман.

– Обстоятельства сложились не в нашу пользу, товарищ Басюк.

– Вы сами скрыли от меня истинную цель операции, товарищ Нольман.

– Что вы сказали, Басюк?

– Но я ведь не дурак, товарищ Нольман. И могу сложить два и два.

– И что же у вас получилось?

Басюк ответил:

– Вы не просто так дали наводку на генерала Вахрушева. Ведь представители ОУН здесь не планировали ликвидировать именно его. Сами они остановились бы на командующем одной из армий. На командующего 1-го Украинского фронта они бы не замахнулись.

– И что за вывод вы сделали, Басюк?

– Вахрушев мешал не ОУН, и не немцам. Хотя немцы, наверняка, не против такого поворота, но вот к покушению они отношения не имеют. Если бы вы были со мной откровенны до конца – дело уже было бы сделано. Я лично использовал

бы снайпера, и мы уложили бы объект точным выстрелом.

– Я ничего не стану от вас скрывать, Басюк. Мы с вами повязаны в этом деле.

– Вы согласны, что совершили ошибку, товарищ Нольман?

– Нет. Я действовал правильно. Но я пригласил вас, не для обсуждения правильности моих решений.

– Я выполняю приказы, товарищ Нольман.

– Вот и отлично, товарищ Черноморец. По всему видно, что нападение сотни Варта на кортеж генерала было случайностью. Именно случайностью, а не спланированной акцией.

– Так все и выглядит. Именно к такому решению придет следствие.

– Это так, но есть люди, знающие, как обстояло дело. Сотник Ястреб и его офицеры. Они же получили задание о ликвидации именно Вахрушева! А если представители СМЕРШ их возьмут, Басюк? Что будет?

– Они могут развязать языки на следствии.

– Именно так. Они могут начать говорить. И потянется цепочка. Ястреб получил приказ от представителя Центрального провода ОУН Чепы. А Чепе этот совет дал сотник Басюк. И сколько времени будет нужно, чтобы узнать, что Басюк, командир «Холодного яра», и агент Черноморец – одно лицо?

– Вы хотите сказать, что офицеры «Варты» должны умолкнуть?

– Если бы все обстояло так просто, я бы к вам не обратился, Басюк. Убрать их нужно так, чтобы ни у кого не возникло подозрений, что это акция специального подразделения.

– Но ведь есть еще и представитель Бандеры Андрей Чепа и проводник Осадчий. Они также знают, что акция не была случайной.

– Эти двое считают, что акция против генерала Вахрушева это их личная инициатива.

– Значит, вы не намерены их трогать?

– Нет. Чепа спокойно покинет Луцк и отправится с победными реляциями к Бандере.

– О проводник Осадчий?

– Этот работает под контролем и не догадывается об этом. Рядом с ним мой агент. Он не опасен. Мне нужно позаботиться именно об офицерах сотни «Варта».

– Если просто их убрать, то это сложности не составит. Но обставить все так, как хотите вы – дело совсем не такое простое, товарищ Нольман.

– Потому я и обратится к вам, товарищ Черноморец. Сейчас идет спецоперация НКВД против УПА, и бойцы УПА гибнут в стычках каждый день.

– Это так. Но из «Варты» пока не погиб никто в этой чистке.

– Вот этот момент вам и следует исправить, товарищ Черноморец.

– Я вас понял, товарищ Нольман.

– Кого вы намерены задействовать в операции?

– Люди Хуторянина справятся с делом. Они не из этих мест и лишние вопросы задавать не станут.

– Хуторянин? Как далеко он отсюда?

– В Станиславе. Но я пошлю срочную шифровку.

– Пусть прибудет сюда, как можно скорее. И после акции сразу перебрасывайте, Хуторянина обратно. Он пострадать не должен.

– Но дело опасное – ликвидация Ястреба.

– Всем приходится рисковать на войне, товарищ Басюк...

Луцк.

Управление СМЕРШ.

3 марта, 1944 год.

Майор Кравцов поднял трубку телефона.

– Майор Кравцов.

– Генерал-майор Осетров!

Кравцову лично звонил начальник Управления НКО СМЕРШ 1-го Украинского фронта.

– Слушаю, товарищ генерал-майор!

– Мне доложили, что ваш участок в Луцке имеет прямое отношение к нападению на кортеж генерала Вахрушева.

– Эти сведения проверяются, товарищ генерал-майор. Но базы украинских повстанцев разбросаны на большой территории Сарненских лесов. И какое подразделение совершило нападение точно неизвестно.

–В штаб фронта прибыл с особыми полномочиями полковник Одинцов из второго управления НКГБ. И его интересует, какие именно вооруженные формирования сейчас действуют в прифронтовой полосе.

–Из наиболее активных это подразделения УПА-Север – «Перша Варта» и «Холодный яр».

–Какова численность этих подразделений на сегодняшний день? – спросил Осетров.

–В настоящее время в каждом около ста человек. В последнее время по нашим сведениям численность повстанческих отрядов сократилась в зимнее время.

–Значит, к лету их число возрастет?

–Значительно возрастет, товарищ генерал-майор.

–Одинцов сказал, что в Луцке действует националистическое подполье ОУН. Что вами сделано для выявления оно, майор?

–В городе только недавно восстановлена советская власть, товарищ генерал-майор. Мы работаем над выявлением связей.

–Мне нужны результаты, майор. Результаты от всех начальников управлений в районе Ровно-Луцка-Славуты.

–Я вас понял, товарищ генерал-майор.

–Полковник Одинцов едет в Луцк.

–Но здесь уже представитель второго управления НКГБ комиссар госбезопасности 3-го ранга Нольман.

–Одинцов и его группа усилят Нольмана. Это приказ

Москвы, майор! Жду от вас результативной работы!

Кравцов повесил трубку телефона и посмотрел на сидевшего рядом Нольмана.

–Вы оказались правы.

–Одинцов в штабе фронта? – спросил Нольман.

–Он едет к нам.

–Я хорошо знаю свое начальство, майор. Одинцов был представителем в этом регионе и собирал здесь в Луцке агентурную сеть при немцах.

–И его считают хорошим специалистом?

–Смотря в чем. Как руководитель агентурной сети он посредственность. Но когда нужно составить отчет и прикрыть свой тыл – Одинцов просто незаменим.

–Но как вам с ним работать?

–Просто, – ответил Нольман. – Одинцов отвечал за этот район и спрос с него. Потому он станет стараться на совесть. Но твоя задача, майор – не рассекретить моего агента.

–Но Анна Гончаренко может попасть под удар, товарищ Нольман.

–А нужно сделать так, чтобы ни Анна, ни местный проводник ОУН не попали под удар. Она отлично вписалась и мне она еще нужна.

–Но тогда получается что...

–Я знаю, кто организовал нападение на Вахрушева. И благодаря мне это знаешь и ты, майор. Анна Гончаренко предупредила меня о готовящейся акции. Но слезка, которую

организовал ты, отвлекла моих людей от цели. А люди Ястреба сработали быстро. А это значит, что нам нужна версия, которая устроит всех.

–Нападение на кортеж Вахрушева было случайным?

–Именно так. Случайное нападение. Никто ничего не готовил. Да и кто виноват, что командующий фронтом, взял с собой столь незначительное сопровождение? Кто виноват, что пулемет бронемашины заклинило? Разве мы с вами за это отвечаем, майор? Нет. Но за диверсантов в тылу отвечаете вы, Кравцов! И отвечаю я, ибо я был здесь во время подготовки акции! И если узнают, что спланировано все было здесь в городе, то сами понимаете, что будет.

–Но генерал-майор Осетров потребует наказания виновных!

–Повод для репрессий против частей УПА во вверенном вам секторе. Это совсем не повредит, майор.

–А лейтенант Лавров, товарищ Нольман? – задал вопрос Кравцов.

–Чего вы взялись за этого Лаврова? Он вам кто брат?

–Нет. Но он хороший разведчик. И он может пригодиться. К тому же в детали покушения он не посвящен.

Нольман задумался. Если бы Кравцов знал, откуда исходил приказ о ликвидации Вахрушева, он не говорил бы так. Лейтенант Лавров мог быть опасен, ибо был разменной монетой в операции «Крыса в норе». Но посвящать майора в детали Нольман не собирался.

– Хорошо. Я подумаю, как использовать Лаврова в будущем. Но обещать ничего не могу, майор. А сейчас давайте делом займемся.

– Мне нужно срочно сделать доклад Осетрову. И чем быстрее я его сделаю, тем меньше в этом деле станут копаться другие.

– Понимаю, – ответил Нольман. – И я отдам вам все, что у меня есть по этому делу, майор. А, как вы знаете, у меня есть не так мало. Нападение дело рук подразделения УПА «Перша варта».

– Я могу это сообщить?

– Да. Наверняка о задании знали только офицеры Варты. Рядовых они просто вывели на акцию. Им никто и ничего не объяснил. Что вам известно о них?

– Командиром сотни Варта является капитан (сотенный как они называют) по кличке Ястреб.

– Но это только его псевдо. А настоящая фамилия и имя?

– Неизвестно.

– Кто еще?

– Насколько мне известно, сейчас в сотне три офицера. Но только Ястреб имеет в прошлом военное образование.

– Капитан Ястреб и кто еще? – торопил Нольман.

– Поручик Грицай и хорунжий Сом.

– Тоже только псевдо?

– Зацепки по Грицаю у нас есть, товарищ Нольман.

– Какие?

–Донесения агентов. В свое время в 1943 году поручик Грицай совершил нападение на отряд АКовцев в одном населенном пункте. И совершил он его без приказа своего командования. Ибо это его родное село.

–Хорошая зацепка. Нужно отправить туда агента.

–Уже сделано.

–Отлично, майор. Я думаю, что вы отправили агента, а не отряд автоматчиков?

–Агента. Все выведает тайно.

–Хорошо. Нам сейчас шумиха не нужна. Узнаем Грицаю, узнаем и остальных. В течение недели все три офицера Варты должны погибнуть в бою, майор. С этим я помогу. Прибыли специалисты именно по устранению людей. Но им нужно показать, кого устранять!

–Я все понял, товарищ Нольман...

– Товарищ, генерал-майор? Майор Кравцов у аппарата!

– Майор у вас есть что сообщить?

– Так точно!

– Говорите, майор!

– 29 февраля у села Милятин нападение на кортеж генерала армии Вахрушева совершило подразделение УПА «Перша варта». Численность нападавших около 60 человек. Точно пока не установлено, товарищ генерал-майор.

– У вас есть арестованные по этому делу?

– Пока нет. Но меры по аресту виновных принимаются.

–Это целенаправленная акция или случайность?

–Случайное нападение, товарищ генерал-майор. Отряд из Варты несколько дней дежурил в районе Милятино-Гуща с целью реквизиции продовольствия. Ими было задержано около двадцати подвод и реквизирована часть груза.

–Значит, они не знали на кого напали?

–Нет. Думали что это обычный штабной конвой с секретной почтой. Кто мог знать, что командующий фронтом поедет при такой малой охране.

–Как получили эти сведения?

–Агентурная разведка, товарищ генерал-майор. Мне оказал помощь комиссар госбезопасности 3-го ранга Нольман. У них здесь осталась сеть осведомителей еще с 1943 года.

–Нольман из второго управления НКГБ? Он уже комиссар госбезопасности? Не знал о его повышении. Но сведениям Нольмана доверять можно. Продолжайте работу, майор!

Начальник Управления контрразведки СМЕРШ 1-го Украинского фронта Осетров составил докладную записку секретарю ЦК КП(б)У Хрущёву об обстоятельствах нападения украинских националистов на командующего войсками 1-го Украинского фронта Вахрушева.

«Расследование обстоятельств при которых было совершено нападение на командующего фронтом генерала армии товарища Вахрушева, установлено: 29 февраля 1944 года примерно в 19.00 в населенном пункте Милятын (так в документе) Острогского района бандгруппа численностью

в 100-200 человек обстреляла машину командующего 1-м Украинским фронтом генерала армии товарища Вахрушева и машины его сопровождавшие, вследствие чего тяжело ранен в ногу генерал армии товарищ Вахрушев.

29 февраля 1944 года, закончив работу в штабе 13-й армии, товарищ Вахрушев выехал в район расположения штаба 60-й армии в город Славута. Перед отъездом генерала армии товарища Вахрушева, командующий 13-й армией генерал Пухов предложил ехать к Славуте через Новоград-Волынский. Но генерал армии Вахрушев принял решение ехать по маршруту Ровно-Милятын.

Начальник Управления контрразведки СМЕРШ 1-го Украинского фронта генерал-майор Н.А.Осетров»...

Глава 11

Игра Нольмана: «Курьер смерти».

Луцк.

Конспиративная квартира.

6 марта, 1944 год.

Иван Артурович Нольман понимал, что времени у него оставалось мало. Он помнил своего бывшего шефа Шпигельгласса, который никогда не прощал осечек. Задание по ликвидации, если ставилось – должно было закончиться устранением объекта. А сейчас он впервые работы не выполнил. Он положился на отряд националистов. И сейчас в этой обстановке использовать подполье УПА смысла уже не было. Поэтому Нольман решил сыграть ва-банк.

Он приказал тайно доставить на конспиративную квартиру лейтенанта Лаврова. Его только вчера захватили его люди и прятали в подвале дома под усиленной охраной.

И вот они встретились Нольман и Лавров.

– Здравствуйте, лейтенант. Хотя вы уже не лейтенант НКГБ. Вы ведь списаны по смерти. Вы знаете про это?

– Наслышан, – сказал Лавров. – Но вы взяли меня, товарищ Нольман, не просто так.

– Ваши дела совсем плохи, Лавров. Побег из тюрьмы СМЕРШ сейчас. Дезертирство в декабре 1943 года. Хватит

для расстрела.

– Дезертирство?

– Но разве вы не покинули свой пост и не сбежали вместе с Еленой Музыкой из Ровно в декабре 1943 года?

– Я сбежал не из Ровно, товарищ Нольман. Но вам, я думаю, это хорошо известно. Не могу отрицать свой побег из тюрьмы СМЕРШ, но к тому меня вынудили обстоятельства.

– Обстоятельства? Как может советский разведчик бежать из СМЕРШ, если он не предатель? Значит, ему есть чего бояться? А чего может испугаться агент НКГБ? Того, что он стал работать на другую сторону. Иными словами вас могли перевербовать.

– Товарищ Нольман, я вам для чего-то нужен.

– Верно. Потому вас не передали в СМЕРШ, но уже не майору Кравцову, а в управление СМЕРШ 1-го Украинского фронта. А там с вами бы церемониться не стали. Можете мне поверить на слово, Лавров, что у генерала Осетрова вы подпишете все. Не сразу конечно, но подпишете.

– Но вам невыгодно передавать меня Осетрову.

– Снова верно. Хотя если вы думаете, что я этого боюсь, то ошибаетесь, Лавров.

– Вам ведь, что-то нужно, товарищ Нольман? Так не тяните кота за хвост. Говорите.

– Поймите, Лавров, для контрразведки вы потеряны окончательно. Вас списали один раз, спишут снова.

– И что вы предлагаете?

– В обмен на выполнение одного задания – жизнь,

– Жизнь?

– Вам и Елене Музыке.

– Но вы сказали, что путь в НКГБ для меня заказан.

– Это так, – подтвердил Нольман. – Обратной дороги в органы для вас нет. По меньшей мере пока. В ближайшие пять лет.

– Но что же тогда вы предлагаете?

– Я дам вам и Музыке сбежать. Вы получите новые документы и отправитесь на ту сторону. Можете, если повезет, добраться до Швейцарии. А это жизнь и для вас и для Музыки. Здесь вас ждет только смерть. Укрыться вы не сможете. Мои люди вас взяли. Несмотря на то, что майор Кравцов пытался вам помогать.

– А что взамен?

– В обмен на жизнь, а стоит она дорого, вы должны выполнить одно задание, Лавров.

– Какое задание?

– Информацию о задании вы получите не от меня, Лавров.

Я в это дело вмешиваться не стану.

– И дело, как я понял, опасное?

– В нашей работе все дела опасные. Вам разве привыкать, Лавров?

– Хорошо. Гарантии!

– Мое слово!

– Слово? – усмехнулся Лавров. – И вы полагаете, что это-

го достаточно, товарищ Нольман? Вы один раз уже сдали меня! Вы знаете, что я не дезертир. Я выполнял ваше задание в Брайтенфурт. Я передал вам информацию по разведшколе и её курсантам. Информацию по преподавательскому составу. Затем я связался с вами осенью 1943 года через партизанский отряд Молот. Но вы сдали меня.

– Это было в интересах дела, Лавров.

– Что вам помешает сделать это снова, товарищ Нольман? Когда я выполню вашу работу?

– Мое слово дорого стоит, Лавров. И если я сейчас обещаю вам жизнь, то вы получите жизнь. А я даю вам слово. Если вы выполните задние.

– Выбора у меня нет?

– Если ответите отказом, я передам вас в управление СМЕРШ фронта. Если попробуете сбежать по пути, вас ликвидируют через один день. И вас и Музыкаку. Но если справитесь с заданием, то вас пропустят через линию фронта.

– Хорошо. Что мне делать?

– Получите вещи, документы и деньги. И уже завтра отправитесь в Киев. Поездом.

– А Елена Музыка?

– Едет с вами.

– Она здесь? – удивился Лавров.

– В соседнем помещении ждет вашего решения. Я тоже приказал её арестовать. И она подписала бумагу о том, что дезертировала со своего поста в 1943 году в декабре! Боль-

ше того она созналась в том, что пыталась ввести в заблуждение следователя СМЕРШ, пытаясь выдать себя за другого человека...

Луцк.

Контрразведка СМЕРШ.

9 марта, 1944 год.

Майор Кравцов, начальник отделения СМЕРШ в Луцке выделил кабинет для прибывшего из штаба полковника Одинцова. Тот работал с документами и требовал от Кравцова полного доступа к информации.

– Мне нужны все дела, которые заведены вами в течение месяца, майор.

– Но я уже составил докладную записку о последних делах отделения за две недели.

– Составили?

– Для комиссара государственной безопасности 3-го ранга Нольмана.

– Вот как? А мне об этом ничего неизвестно. Впрочем, мне нужны папки с делами, а не выжимка из них.

– Боюсь, что их слишком много, товарищ полковник. Вам понадобится слишком большое количество времени, дабы с ним разобраться.

– Я умею работать с документами, майор.

– Но возможно, что вам лучше посоветоваться с комиссаром Нольманом, товарищ полковник?

– Я уже сказал вам, майор, что для меня лучше! – строго сказал Одинцов. – Вам приказано оказывать мне содействие, а не ставить палки в колеса!

– Я все понял, товарищ полковник. Дела будут у вас через 15 минут!

Кравцов вышел из кабинета Одинцова.

– Лейтенант! – позвал он своего помощника.

– Товарищ майор!

– Все дела за последние две недели в кабинет полковника Одинцова!

– Но...

– Все папки у него на столе через 15 минут! Время пошло!

Пусть разбирается.

– Но на это понадобится...

– Я отдал приказ, лейтенант.

– Есть, товарищ майор!

К вечеру полковник сам пришел в кабинет Кравцова.

– Мне нужна ваша консультация, товарищ майор.

– Вам передали не все дела?

– Все по описи, товарищ майор. Но меня интересует вот это дело.

Он подал Кравцову папку.

«Влад Коваленко, псевдо – Коваль. Шеренговый сотни «Перша варта» УПА-Север».

– И что вас здесь заинтересовало, товарищ полковник?

– Вы взяли его по доносу некоего товарища Михайла Нестеренко, часовщика по профессии.

– Именно так Коваль и попал к нам.

– А потом этот Коваль таинственным образом исчез?

– Сбежал.

– Из подвала тюрьмы СМЕРШ?

– Вы же читали дело, товарищ полковник.

– Читал и у этого Коваля весьма богатая биография.

– Но на деле шеренговый Коваль совсем не Влад Коваленко.

– Это агент Абвера, – сказал Одинцов. – Прибыл в Ровно осенью 1943 года.

– И агент НКГБ, – сказал Кравцов, помня указания Нольмана. – Агент вашего второго управления, товарищ полковник.

– Но в деле этого нет! – вскричал Одинцов.

– Это секретная информация и комиссар госбезопасности 3-го ранга Нольман запретил вписывать эти сведения в дело! Вам стоит обратиться к товарищу Нольману, товарищ полковник. Я уже говорил вам это.

Одинцов забрал папку и покинул кабинет начальника СМЕРШ в городе Луцк...

Луцк.

Квартира Нольмана.

9 марта, 1944 год.

Иван Артурович Нольман не ждал Одинцова так скоро. Он знал, что тот придет к нему. Дело Лаврова поставит его в тупик. Но пройти должно было, по меньшей мере, три дня, а он здесь уже сейчас.

«Неужели он научился работать?» – подумал про себя Нольман, но вслух сказал:

– У вас утомленный вид, полковник, – сказал Нольман. – Вам необходимо отдохнуть.

– Потом, товарищ комиссар. Сейчас главное дело!

– Вам не оказывают содействия в СМЕРШ?

– Нет. Там все в порядке. Но меня заинтересовало одно дело.

– Какое?

– Дело Владислава Коваленко. Он же шеренговый Коваль.

– Ах, вот оно что. Дело это было прекращено майором Кравцовым по моей личной просьбе. Ибо агент Коваль это лейтенант НКГБ Лавров Роман Романович.

– И он работает под вашим началом?

– В ведомстве комиссара госбезопасности 2-го ранга Максимова.

– Но в его деле есть...

– Я все знаю о Лаврове, полковник. Он работал в абвершколе в Брайтенфурт и был весьма полезен нам во время харьковской операции 1942 года. Детали этой операции под грифом «совершенно секретно» и я рассказать вам о них не могу.

– Я все понимаю, Иван Артурович. Но майор Кравцов знает...

– Кравцов знает ровно столько, сколько ему положено знать! Вам я могу сказать одно – Лавров уже «списанный» агент. И потому не стоит о нем вспоминать. Тем более что к вашему делу в Луцке он не имеет никакого отношения.

– Но он из Варты! А именно Варта совершила дерзкое покушение на командующего. И многое может знать!

– Лавров не состоит в Варте с декабря 1943 года, полковник. Так что к покушению никакого отношения не имеет. Не усложняйте дела, полковник. Прошу вас. Ни вам, ни мне этого не нужно.

– Я вас понял, товарищ комиссар.

– Кстати, полковник, а вы ведь помните Ликвидатора?

– Агента из отряда «Молот»? Еще бы мне его не помнить, Иван Артурович. Virtuoz своего дела. Командир «Молота» Стерненко так его хвалил. И комиссар молота Лурье высокого мнения о Ликвидаторе. Он до сих пор просит отправить его к ним.

– Это после, полковник. Сейчас Ликвидатор нужен мне. Ведь Ликвидатор ныне в Луцке.

– Так точно, товарищ комиссар 3-го ранга. Но разве для него есть работа? Ликвидатор специалист и даже виртуоз, но узкого профиля.

– Это как раз задание по его профилю. Нужно подготовить приказ о командировании Ликвидатора в Киев.

– В Киев? – удивился Одинцов. – Вы сказали Киев, Иван Артурович?

– Да. Там ему предстоит ликвидировать нашего списанного агента.

– Лаврова?

– Да.

– А Лавров разве в Киеве?

– Пока нет, но скоро там будет.

– Но я не понимаю, товарищ Нольман.

– Я скажу вам просто, полковник. Лавров материал отработанный. Он давно списан и его ликвидация дело решенное.

– Но почему в Киеве? Это легко можно устроить здесь.

– Лавров умрет, но его репутация пострадать не должна. А так он уйдет в нашем тылу в Киеве от рук бандитов, которые напали на него и ограбили. Мало ли сейчас нападают на офицеров? Обстановка в тылу сложная. Особенно в областях, которые недавно освободились от оккупации.

– Я все понял, Иван Артурович.

– Вот и отлично, полковник. Занимайтесь составлением своего отчета о покушении на жизнь командующего фронтом. А про дело Лаврова забудьте. Но раз вы отыскали его, позаботьтесь озадачить Ликвидатора.

– Я понял вас, Иван Артурович.

Одинцов попрощался и вышел из кабинета...

В пути.

Поезд.

9 марта, 1944 год.

Елена Музыка не могла поверить, что так просто выскользнула из лап СМЕРШ. Её захватили на дальнем хуторе, где она пряталась и считала себя в безопасности. Но люди из контрразведки быстро доставили её в Луцк, и она снова попала в камеру, где с неё сняли показания. Елена вынуждена была все подписать.

Затем её посетил Нольман и сам передал ей новые вещи и документы.

– Здравствуйте, товарищ Музыка, или товарищ Берзенко. Как вам больше нравится. Я комиссар госбезопасности 3-го ранга Нольман Иван Артурович. Ваш друг Роман Романович Лавров ведь рассказывал вам про меня, не так ли?

Елена Кивнула в ответ.

Нольман положил перед ней большой пакет.

– Это ваша новая жизнь, – сказал он.

– Что это?

– Там платье, пальто, ботинки, сумочка и все что нужно молодой женщине.

– И это мне?

– Вам. Через час вас ждут на вокзале, торопитесь.

– Кто ждет?

– Роман Лавров. Вы с ним едете в Киев.

– В Киев?

– Не задавайте вопросы сейчас. Лавров ответит вам на них. Собирайтесь...

Машина Нольмана доставила Елену на вокзал. Музыка пошла по перрону и увидела у вагона Лаврова. Он тоже её увидел и помахал рукой.

Она бросилась к нему.

– Нас отпустили? – спросила она.

– Можно сказать и так, – ответил он. – Зайдем в вагон. Я покажу тебе наши места.

Она кивнула в ответ и пошла за ним.

Они сели в вагон. Места были хорошие для представителей штаба и старших офицеров. Лавров был в штатском и все принимали его за важного человека из ЦК КП(б)У.

– Мы поедем здесь? – спросила она.

– Тебе не нравится? – спросил Лавров.

– Наоборот. С чего такая роскошь? Отдельное купе для нас.

– Купе и новые документы. По ним мы с тобой важные люди.

Лавров раздвинул занавески на окне и стал смотреть на перрон. Там было много людей. Офицеры высшего ранга и работники штабов путешествовали с комфортом. Люди у первых вагонов были сплошь уважаемые. Именно поэтому взор Лаврова и выделил из толпы человека в выдавшей виды солдатской шинели

Лицо солдата показалось Лаврову знакомым. Он пригляделся и узнал майора Кравцова. Тот делал ему знаки.

– Я пока выйду из вагона, Лена. Но ты сиди здесь.

– А куда ты?

– Я просто постою на перроне.

– Зачем?

– Мне нужно осмотреться. Понимаешь?

– Нет.

– Сама никуда не высовывайся. Нужно чтобы поезд отъехал от станции! Тогда мы поговорим. Лена.

– Но может...

– Поезд тронется только через десять минут. Я вернусь.

– Поняла. Буду ждать.

Лавров выскочил из вагона. К нему подошел человек в солдатской шинели с вещь мешком.

– Майор, как ты здесь? – тихо спросил он.

– Пришел к тебе, Лавров.

– Что случилось?

– Ты едешь по заданию Нольмана? – спросил майор.

– Да. Хотя самого задания не знаю. Не ты ли пришел мне его сообщить?

– Нет. Я здесь по собственной инициативе. И времени у нас нет.

– Что-то важное?

– Да. В Киев отправлен Ликвидатор. Я прочитал это в сводке совершенно случайно сегодня утром.

– Ликвидатор?

– Тот самый, что работал чистильщиком в Ровно в 1943 году. И хорошо работал. А ныне он едет в Киев.

– И что?

– А то, что и ты едешь в Киев, Лавров. А это значит, что он станет подчищать за тобой.

– Что это значит?

– Ты сделаешь дело для Нольмана и Ликвидатор займется тобой. Потому я здесь, и предупреждаю тебя. Будь осторожен. Я, к сожалению, не знаю, кто такой этот Ликвидатор. Как он выглядит, я тоже не знаю. Но возможно его знаешь ты.

– Я? – удивился Лавров.

– Но ты же работал в Ровно в 1943 году осенью! Я сам был далеко отсюда. Поэтому ты можешь лично знать ликвидатора. Ты мог его видеть.

– Где?

– Да где угодно. Хоть в партизанском отряде у Молота. Ты же был там.

– Один раз.

– Вот и присмотришься к тем, кто будет возникать рядом с тобой. Бойся знакомых лиц. Ликвидатор тебя хорошо знает.

– Знает?

– Так сказано в сводке.

– В сводке есть сведения обо мне?

– Не о тебе как о лейтенанте Лаврове. А о тебе как о то-

варище Гришине из аппарата ЦК КП(б)У.

– И там указано...

– Задача Ликвидатора указана просто как «сопровождение», но ты знаешь, что это значит.

Проводник высунулся из вагона и сказал Лаврову:

– Товарищ, поезд отправляется. Прошу вас войти в вагон.

Лавров подал руку майору и сказал:

– Прощай!

– Прощай, Лавров. Даст бог, ещё свидимся.

– Спасибо тебе! Не забуду!

– Удачи!

Поезд тронулся. Лавров вернулся в свое купе. Елена волновалась о нем и бросилась ему на шею.

– Чего ты?

– Я думала, что ты не вернешься. Все никак не могу поверить, что нас отпустили. Мы едем в хорошем вагоне и едем в тыл. Это ли не счастье, после стольких тревог и лишений.

– Боюсь, для нас с тобой все только начинается, Лена.

– Что ты хочешь сказать, Роман? Я снова начинаю беспокоиться.

– Нас не просто отпустили.

– Как?

– Нам с тобой только обещали свободу, Лена. Но для начала нужно кое-что сделать для Нольмана и после этого он вернет нам свободу. И мы получим новые документы.

– Новые? Нам уже дали новые документы. Нас вернут на

службу?

– Нет, нам дадут свободу.

– Это как?

– Мы пресечем линию фронта и попадем в Европу, и если, судьба будет благосклонная, то доберемся до нейтральной Швейцарии.

– Вот как? И что требуется взамен?

– Я пока этого не знаю. Нольман не сказал мне.

– Странно.

– Странного ничего нет. Задание весьма ответственное раз он сам побоялся его озвучить. Ведь Нольман ранее был в группе ликвидаторов у Шпигельгласса. И они всегда использовали для важных заданий эстафету.

– И кто должен передать тебе задание?

– Не знаю, Лена. Очевидно, «курьер смерти» сам меня найдет.

– Курьер смерти? Ты о чем, Роман?

– Это юмор товарища Нольмана. Не обращай внимания.

Но и это еще не самое главное.

– А что?

– Ликвидатор отправился в Киев.

– Ликвидатор? – удивилась Музыка.

– Ты ведь помнишь, что в Ровно работал агент под прозвищем Ликвидатор. И никто не знал кто он такой.

– Ты не прав, – ответила Музыка. – Командир отряда «Молот» Стерненко и его заместитель Лурье знали кто такой

Ликвидатор. Но в отряде «Молот» этой информацией владели только они.

– Значит, Ликвидатор был в отряде?

– Наверное, часто его посещал. Ибо работал он в Ровно и Луцке.

– Но ты часто сама бывала в отряде в 1943 году.

– Бывала и что? В отряде было много людей. И многие отлучались по заданиям Стерненко-Молота.

– Но если человек из отряда появится рядом с нами, то ты его опознаешь?

– Да.

– А если он сменит внешность?

– У меня отличная память на лица, Роман. Но зачем это?

– Если Ликвидатор едет в Киев, то с одной целью. Зачистить нас с тобой.

– Как?

– Это вполне в духе Нольмана. Устранить объект, а потом устранить исполнителя.

– Но ведь он обещал тебе свободу.

Лавров только усмехнулся в ответ.

– А кто сказал тебе про Ликвидатора? – спросила Музыка.

– Я узнал случайно.

– Для этого ты и выходил из вагона?

– Можно сказать и так.

– И что нам делать? Бежать?

– Бежать? Отсюда? Нет. Нас сразу возьмут. Я уверен, что

бежать из поезда мы не сможем.

– А из Киева?

– Только после того как выполню приказ Нольмана. Но пока я не знаю сути этого приказа. Я только знаю, что приказ должен поступить.

– Нужно подумать, как нам выбраться, Роман. Ведь можно переиграть и Нольмана.

– Нольман дьявол, а не человек. Он выбирался из таких переплетов, что нам с тобой и не снилось. В 1930 году они со Шпигельглассом ликвидировали генерала Кутепова в Париже, а охраняли его как короля! В 1936 году перебежчик из СССР Навашин думал, что он в безопасности, но именно Нольман достал его и убрал без шума и пыли. А убийство в Китае полковника Тирбаха в 1935 году?! Это тоже Нольман! Знаешь сколько на его счету людей? А как виртуозно он играл против Вдовы осенью 1941 года!

– Но если ты его так хорошо знаешь, то и сможешь переиграть. На кону стоят наши жизни, Роман.

– Подождем пока мне сообщат цель моего задания в Киеве.

– А ты не догадываешься, что это за цель? – спросила она.

– Нет. Я много думал, про это, но не знаю, что меня ждет.

– Но ты сам упомянул в разговоре «ликвидацию объекта». Значит, это убийство?

– Устранение. Возможно, что это так. Я думаю, что мое задание будет именно в устранении человека...

Ночью Лавров проснулся. Мерно стучали колеса поезда. Он поднялся и накинул на плечи пальто. Вышел в тамбур и достал из кармана портсигар.

Не успел он подкурить, как к нему присоединился другой пассажир. Это был военный в форме летчика с погонами капитана. Он достал свой портсигар. Вытащил папиросу.

– Вы тоже сами папиросы набиваете? – прозвучали слова пароя.

Это был посланец Нольмана.

– Нет у меня настоящие.

– Тогда вы тот, кого я ищу. У меня к вам послание, – спокойно сказал капитан.

– Я слушаю.

– Ваша задача подготовиться к встрече человека на вокзале Киева. Слушайте внимательно. Все что вам нужно я скажу устно. Никаких письменных распоряжений не будет.

– Говорите. Я все запомню.

– 15 марта в Киев придут из Москвы профессор Вовси в сопровождении группы врачей. В составе группы будет Евдокимов Иван Константинович. Вы найдете возможность подойти к нему и назначите встречу. Место для которой выберете сами. Время для этого у вас будет.

– Встречу?

– Именно вы передадите ему вот это.

Капитан передал Лаврову небольшую металлическую ко-

робочку.

– Можете открыть.

Лавров открыл и увидел внутри две небольшие ампулы без маркировки.

– Что это?

– Это то, что вы должны передать доктору Евдокимову.

– Но что это?

Капитан игнорировал его вопрос и продолжил:

– Вы передадите это Евдокимову и скажете на словах, что это лекарство для пациента профессора Вовси.

– Лекарство?

– Именно. Конечно, для начала вам нужно будет убедить Евдокимова это сделать. Он врач и просто так на такое не согласится. Вы напомните ему историю, которая произошла летом 1941 года. Если он выполнит поручение, то люди, знающие историю, о ней забудут навсегда. И никто больше не станет вспоминать о существовании доктора Евдокимова. А если Евдокимов при применении этого лекарства будет осторожен, то никаких следов не будет. Никто и ничего не узнает. В коробочке две ампулы. Одна запасная. После применения вторая ампула, если не понадобится для дела, должна быть уничтожена! Вы все поняли?

– Да.

– Вашего имени я не знаю, и не знаю кто вы такой. Вы не знаете, кто я. Это наша с вами первая и, надеюсь, последняя встреча...

Лавров вернулся в купе. Елена Музыка уже не спала. Она ждала его.

– Ты где был? Я проснулась, а тебя нет.

– Выходил курить.

– Что-то случилось? На тебе лица нет.

– Случилось, – произнес Лавров.

– Что? Да не молчи ты!

– Я видел посланца Нольмана.

– Где?

– В тамбуре со мной вышел на связь человек в форме капитана-летчика.

– Откуда он взялся? – спросила Елена.

– Я не знаю. Вышел сразу за мной. Но пришел из соседнего вагона.

– Он сказал тебе, что нужно делать? Что это? Убийство?

– Мне лично никого убивать не нужно.

– Так это же хорошо, Роман!

– Тише, Лена. Так громко говорить не стоит.

– Прости, это я от радости, что дело тебе предстоит не грязное.

– А с чего ты взяла, что оно чистое? Мне нужно кое-что кое-кому передать. И, боюсь, это кое-что не такое безопасное.

– И что это такое?

Лавров показал ей коробочку и сказал быть очень осто-

рожной при открытии. Елена открыла и увидела ампулы.

– Это яд? – она подняла на него глаза.

– Думаю да.

– И для кого?

– Не знаю. Мне нужно передать его одному доктору и тот знает того, для кого уготовано это «лекарство».

– И это всё? – удивилась Музыка.

– Да.

– Но этот совсем просто. Роман.

– Просто? Но для кого этот яд? Вот про что стоит подумать, Лена...

Глава 12

Старый долг доктора Евдокимова.

Москва.

Управление НКГБ СССР.

15 марта, 1944 год.

Иван Артурович Нольман неожиданно для всех вернулся в Москву. Комиссар государственной безопасности Максимов сразу вызвал его к себе.

– Я удивлен, Иван Артурович. Ты вернулся? Без приказа?

– Я выполнил свою работу. Дальнейшее мое пребывание в Луцке нецелесообразно.

– Но вы не выполнили работу, товарищ комиссар госбезопасности 3-го ранга! Вы понимаете, о чем я говорю, Иван Артурович. А скоро нас с вами за это спросят! Можете мне поверить!

– Я все выполнил, товарищ комиссар госбезопасности 2-го ранга.

– Да брось ты, Иван! Ничего не сделано! А мое место стало напоминать раскаленную сковороду.

– Владимир Иванович! Я отправил человека в Киев.

– Какого еще человека?

– Нашего «мертвеца», – ответил Нольман.

– Лаврова? – догадался Максимов. – Но я не понимаю.

Зачем? Что он сделает в Киеве?

– Передаст кое-что одному доктору. И этот доктор сделает все, что нам нужно и проблема будет устранена.

– Я тебя все еще не могу понять, Иван Артурович.

Нольман объяснил. Для этого он придвинул к себе поднос, на котором стояли графин с водой и стаканы.

– Вот это наш объект, – сказал он и взял в руку графин. – Он должен был разбиться в этой точке. Но уцелел и его доставили в эту точку.

Нольман поставил графин на другой конец стола. Затем взял один из стаканов.

– А вот это Лавров. И его я отправил в точку, где находится объект. Но заметь, Владимир Иванович, пока стакан, обозначающий Лаврова, пуст.

– Иными словами он ничего не знает?– догадался Максимов.

– Именно так.

Нольман взял другой стакан и наполнил водой до половины.

– В дороге этот стакан пересекается с Лавровым и...

Нольман перелил воду из стакана в стакан.

– И в точке, где находится объект, пересекается с другим агентом.

Он взял еще один стакан и перелил воду в него, а затем перелил воду в графин.

– Вот и все. Владимир Иванович.

– Лавров по пути получает задание и передает его кому-то еще?

– Именно так.

– Но кому? И как этот кто-то подберется к графину... к объекту?

– Просто. Два дня назад из Москвы в Киев отправилась группа профессора Вовси. Так?

– Вовси вылетел самолетом. Но его группа действительно отправилась поездом за два дня до него самого.

– Вовси будет иметь доступ к графину! И один из его окружения тоже получит этот доступ. А там дело техники.

– Слишком многие люди в курсе, Иван.

– Ничего подобного, Владимир Иванович, – возразил Нольман. – Лаврову я ничего не сказал. Лично от меня он никакого приказа относительно его, – Нольман показал на графин, – не получал. Средний объект, который передал Лаврову средства и приказ, ничего про меня не знает. Это простой курьер.

– Но третий! Тот самый, что сделает дело! – напомнил Максимов.

– Вы помните доктора Евдокимова, Владимир Иванович?

– Евдокимова?

– Того самого что в 1941 году угодил в плен к немцам? Он ведь имеет должок предо мной. Тогда я позаботился о том, чтобы Евдокимов не оказался в лагере.

– Его тогда вытащила из плена наша разведгруппа! –

вспомнил Максимов.

– Именно так, Владимир Иванович. Ему грозили серьезные неприятности. Но я спас его и добавил в мою коллекцию. Я даже помог ему тогда немного возвыситься. Он попал в окружение профессора Вовси. И вот Евдокимов пригодился.

– Но выполнит ли он приказ? Это опасно для его жизни.

– Если он все сделает быстро и аккуратно, то ничего ему не грозит!

– Слишком много «если», Иван Артурович.

– А разве, когда я работал со Шпигельгласом в Европе, было по-другому? Любая операция, даже тщательно продуманная, всегда может пойти не так. Всегда есть это самое «если», Владимир Иванович.

– Хорошо, – согласился Максимов. – Но даже если все получится, как быть потом с Лавровым? Он совсем не дурак и все поймет. Да и Евдокимов станет опасен после того как выполнит поручение. Пусть даже он все сделает чисто. Пусть никто ничего не заподозрит. Но кто даст гарантию, что его рот останется на замке?

– Такую гарантию даст Ликвидатор.

– Ты задействовал Ликвидатора?

– Да.

– В Киеве это опасно, Иван Артурович. А если у Ликвидатора ничего не выйдет? Лавров человек опасный.

– В этом случае нет, Владимир Иванович. Ликвидатор сможет сделать свою работу быстро, и никакой опасности

для него нет. Я могу вам гарантировать, что всё пройдет так, как нам нужно. И это будет лучшая операция в моем списке. Жаль похвастать ей будет нельзя...

Киев.

Встреча.

15 марта, 1944 год.

Время – 11.20.

Военврачу Евдокимову было 35 лет.

В 1941 году ему не повезло. Попал в плен к немцам и вынужден был оказывать помощь офицерам немецкой армии, и сделал это блестяще, ибо хирургом был от бога.

Затем его снова «отбили» советские разведчики, и Евдокимов вынужден был давать отчет по своим действиям во вражеском плену. Медицинская сестра, которая была с ним, дала показания особисту, что военврач 3-го ранга Евдокимов Иван Константинович «добровольно» согласился сотрудничать с врагом и оказал помощь немецкому полковнику и ряду старших офицеров, чем спас их жизни.

Евдокимова ждал трибунал, но хороших хирургов катастрофически не хватало. Потому отправили в Москву, где он работал до отправки на фронт. И там его спасло только заступничество Нольмана. Он представил дело так, что у Евдокимова выбора не было и обвинение в измене с него сняли.

И вот пришел час «платить по счетам».

Лавров смотрел на молодого врача. Тот обдумал услышан-

ное, и спросил:

– Вы понимаете, что это за поручение?

– Я думаю, что это понимаете вы, доктор.

– Я прибыл вместе с профессором Вовси. Я один из его ассистентов. А вы знаете, зачем сюда, в Киев, вызвали профессора Вовси? Пациент Вовси это командующий 1-м Украинским фронтом. Только не нужно говорить, что вы об этом не знаете.

– Но что я могу знать?

– Так я ставлю вас в известность, товарищ. Мое задание – ликвидировать генерала Вахрушева. И вы лично передали мне яд.

– Я только «конверт», доктор. Не я поймал вас на крючок.

– А что потом? – спросил Евдокимов.

– Потом?

– После того как мы с вами сделаем нашу «работу»? Что будет потом.

– Для начала нужно сделать работу.

– Но вы ведь понимаете, что за работу нам поручили?

– Да. Догадаться не так трудно.

– И вы согласны это делать? – спросил Евдокимов.

– Я уже сделал все, что требовалось от меня, Иван Константинович. Теперь ваша работа.

– Работа! Можно ли назвать это работой!

– Нам с вами думать нужно было раньше, Иван Константинович. Мы с вами на крючке. Вы понимаете, что это зна-

чит? Отвертеться не получится. Нольман все равно сделает эту работу с вами или без вас. Не вы так кто-то другой.

– Но как же так? Ведь можно сообщить куда следует...

– Сообщить?

– Поставить в известность органы безопасности.

– А что вы им сообщите?

– Я могу показать вот эту коробочку с ампулами! Это доказательство!

– Доказательство чего? – спросил Лавров. – Доказательство нашей с вами измены.

– Нашей?

– Все будет представлено так, словно, мы агенты врага, Евдокимов. Вот такой вывод будет сделан, если вы пойдете куда следует. Нольман комиссар государственной безопасности. И что у вас есть на него?

– Он помог мне в 1941 году избежать наказания.

– И что? Что у вас на него сейчас? Он отдавал вам приказы по этим ампулам? Нет. Это сделал я. А кто я такой? В прошлом агент Абвера. Пусть я работал в Абвере по заданию самого Нольмана но меня ведь могли и перевербовать. На коробочке и ампулах нет отпечатков Нольмана.

– Но кто вам их передал?

– Капитан авиации. И ранее его я никогда не видел. Нольман ни словом не обмолвился мне о задании, которое я получил от этого капитана. Он просто направил меня в Киев. Итак, доктор, что у меня есть на Нольмана? Я сам отвечу –

ничего!

– Значит, исполнить приказ?

Лавров ответил:

– Я хочу оправдать себя тем, что я всего лишь «конверт» для этого, – он указал на коробочку в руках у Евдокимова.

– А мне предстоит стать убийцей. Но я врач.

– Но мы же с вами не знаем что в этих ампулах.

– Смерть, – ответил Евдокимов. – Я уверен, что это смерть. И они приказали мне убрать не кого-нибудь. Это командующий фронтом. И командующий хороший.

– Больше того, очень хороший, доктор. У фельдмаршала Манштейна его называют «Гроссмейстером», за те операции, что он разработал и осуществил.

– Но тогда Нольман шпион! – вскричал Евдокимов.

– Нет.

– Но как же так? Зачем тогда все это?

– Вы поражаете меня своей наивностью, доктор. У командующего достаточно врагов и на этой стороне. Я бы даже сказал что здесь у него их больше чем там. Война идет к концу. И свою основную работу он уже сделал.

– И что?

– А то, что командующий стал весьма популярен в войсках. И теперь многие думают, что будет после войны. И дело здесь не в Нольмане. Он простой исполнитель. Он получил тайный приказ, как я подозреваю, доктор. Так что не стоит вам трудить свою голову.

– Но что делать?

– Думайте, что вы всего лишь орудие убийства, а не сам убийца. Впрочем. Так оно и есть на самом деле. Я ведь виноват не меньше вашего.

– Но вы так и не ответили на мой первый вопрос.

– Какой? – спросил Лавров.

– Что будет потом?

– Это ясно.

– Ясно? Вам ясно? А вот мне нет.

– Я сотрудник НКГБ, доктор. И после «работы» нас с вами ликвидируют.

– Ликвидируют? Что значит...

– После того как мы сделаем дело, нас уберут. Кстати я по спискам НКГБ уже мертвец. Меня списали еще в декабре 1943 года. И во второй раз чуда не произойдет. Нольман позаботился об этом. Я уверен.

– Но вы сами передали мне его приказ и обещание забыть все мои «грехи».

– Мне сам Нольман обещал тоже самое. Даже больше. Мне обещали свободу. А смерть это разве не свобода?

– Тогда зачем нам выполнять его приказ? Если мы с вами знаем, чем все кончится?

– А кто вам сказал, доктор, что я хочу его выполнять? Я просто смотрю на вашу реакцию. И если мы с вами мыслим одинаково, то, возможно, придумаем план, как переиграть Нольмана.

– Но времени на исполнение приказа у меня не так много. И решение нужно принимать уже сейчас.

– Вы прибыли в город в составе делегации профессора Вовси?

– Именно так. Профессора вызвали для усиления команды врачей, которая спасает Вахрушева. Дело в том, что у раненого 7 марта сняли гипс. Он причинял генералу много неудобств. Генерал довольно тучной комплекции. Но вздутие живота осложняет сердечную деятельность.

– И что? Я не медик, Иван Константинович.

– На 19 суток состояние больного удовлетворительное. Так нам сказали. Ведь сам я генерала еще не видел.

– Значит все хорошо?

– Не совсем, – ответил Евдокимов. – Пульс у генерала 140 ударов в минуту и температура 38. Профессор Вовси предполагает, что от ранения идет общее отравление организма. Хотя по заключению профессора Шамова, который давно при генерале, состояние его улучшается. Но вы так и не сказали, что мы будем делать?

– Все наши доказательства – вот эти ампулы. Мы не можем связать их с Нольманом но уже одно их присутствие кое о чем говорит. Вы можете исследовать это? Нам нужно знать что внутри!

– Открыто?

– Нет. У Нольмана есть запасной вариант, если мы с вами выйдем из-под его контроля.

– Откуда вы знаете?

– Я успел узнать товарища Нольмана хорошо. Потому мы пока не можем в это никого посвящать. Анализ одной из ампул нужно провести тайно.

– Я попробую, но сделать это будет не так просто. Будь я у себя в Москве – не было бы проблем. Но в Киеве меня могут и не допустить в лабораторию.

– Нам нужно знать, что это такое в течение двух-трех дней. Это наш первый шаг. Пока нам с вами ничего не грозит. Они думают, что мы выполняем их задание.

– Мы с вами одни?

– В этом деле да. Никто нам не поможет. Иное дело если у нас появятся доказательства.

– Но, как я понял, вы офицер контрразведки. Вам известны пути и вы знаете, кому можно про это сказать.

– Нольман тоже офицер контрразведки, доктор. И не он сам придумал эту операцию. Чем генерал мешает лично Нольману? Ничем. А что это значит?

– Что?

– Нольман получил приказ. И действовать здесь нужно осторожно. Надо узнать, кто стоит за устранением генерала.

– А если доложить самому Верховному главнокомандующему?

– Сталину? И как это сделать? – усмехнулся Лавров. – У вас есть выходы лично на Верховного?

– Конечно, нет.

– И у меня нет. Потому мне нужен анализ содержимого вот этих ампул.

– Я вас понял. Встретаться будем здесь?

– Нет. За нами наверняка следили. Я встретился с вами на вокзале. Как и было приказано. А там нас с вами наверняка «вели». Но пока это не страшно. Они уверены, что мы выполняем приказ. Но другие встречи нужно проводить так, чтобы никто про это не знал. Вы знаете Киев?

– Нет.

– Тогда возьмите вот это.

Он передал Евдокимову лист бумаги.

– Это план как добраться до разрушенных домов на улице Ленина. И там отмечен дом, где мы встретимся с вами. Через два дня.

– Хорошо.

– План изучите и листок сожгите.

– Понял.

– Обязательно уничтожьте его. Ваше помещение могут и обыскать тайно от вас. Помните это.

– Я все понял...

Киев.

Квартира Лаврова.

15 марта, 1944 год.

Время – 12.50.

Роман Лавров вернулся в дом, где они поселились с Еле-

ной. Он был доволен тем, что Евдокимов оказался человеком порядочным и имеющим принципы. Его волновал только один вопрос – почему Нольман, который хорошо разбирается в людях, выбрал именно его?

Он вошел в дом.

– Как все прошло? – спросила Лена.

Лавров ответил коротко:

– Я видел Евдокимова.

– И что? Он согласен выполнить приказ?

– Он взял ампулы.

– Но неужели он сделает это? Вот так просто? Советский врач?

– Евдокимов на крючке у Нольмана, но убивать он не желает. Он врач, а не убийца.

– Но он взял ампулы!

– И что? Разве выбор у него есть?

– Не выполнять приказ! – сказала она.

– Нам нужно думать, что делать, Лена. Времени не так много. Пока мы можем спать спокойно. Нольман думает, что его приказ исполняется. А нам нужно понять, кто за этим стоит.

– Ты же сам сказал, что это Нольман стоит за всем.

– Я о том, кто дал самому Нольману этот приказ! Или ты думаешь, что я и Евдокимов единственные, кто получил задание?

– А разве нет?

– Я знаю Нольмана. Он всегда имеет запасной план, а то и два.

– Но как ты думаешь противостоять Нольману в таких условиях? Как нам понять, кто стоит за покушением на генерала? Если это случайное нападение, то...

– Оно могло быть случайным в одном случае, Лена. Если бы генерала не хотели устранить уже на нашей стороне в Киевском госпитале.

– Тогда нужно узнать список врачей, что находятся около него.

– Ты знаешь, сколько там светил медицины, Лена? Евдокимов назвал мне такие фамилии: доктор медицинских наук профессор Покровский, академик Богомолец, профессор Юдин, главный хирург Красной армии, академик Бурденко. Вот прилетел профессор Вовси. И этот список не полный. Для его проработки нужны ресурсы, которых у нас с тобой нет. И нужно время – а его еще меньше.

– Но тогда стоит подумать о бегстве.

– Ты не знаешь что говоришь. Бежать нельзя.

– Нельзя раствориться в Киеве? Это большой город.

– Нас найдут сразу, если вообще дадут сбежать. Я в этом сильно сомневаюсь. Бегство – самый простой план и с Нольманом так не играют. Это он предусмотрел в первую очередь. Да и Ликвидатор здесь. Не забыла?

– Разве такое можно забыть? Мы поселились в таком доме, где за нами легче всего наблюдать.

– Выбора не было. Я по документам сотрудник аппарата ЦК КП(б)У. Но все же меня мучает один вопрос.

– Какой?

– Почему Нольман решил поручить все именно Евдокимову.

– Но ты же сам сказал, что Евдокимов у него на крючке, Роман! Ты сам ответил на свой вопрос.

– Нет, – покачал головой Лавров. – Нольман в 1941 году лично беседовал с Евдокимовым. А Нольман хорошо разбирается в людях, Лена. Он не мог не предвидеть, что Евдокимов станет колебаться.

– Я не могу понять, что волнует тебя?

– Мне кажется, что я уже снова в сетях Нольмана...

Луцк.

Управление контрразведки СМЕРШ.

Последний «подарок» от полковника НКГБ Одинцова.

15 марта, 1944 год.

Время – 12.00.

Начальник управления СМЕРШ майор Кравцов зашел в кабинет к полковнику Одинцову.

– Вызывали, товарищ полковник?

– Просил зайти, майор. Вы здесь хозяин. А я только гость. Я временно занимаю этот стол. Прошу вас.

Кравцов сел.

– Я ведь работал в Луцке по линии агентурной разведки во время оккупации в 1942 году. И много могу вам рассказать. И от такой помощи отказываться не стоит, майор.

– Разве я отказываюсь, товарищ полковник. Я весьма ценю ваш опыт и буду рад помощи.

– Но вы в 1942 году работали с Нольманом. А он невысокого мнения обо мне и моей работе.

– Я служил под началом старшего майора Нольмана. А начальство не мы выбираем, товарищ полковник. Кстати и о моей работе он был не самого высокого мнения.

Одинцов продолжил:

– В свое время на линии Ровно-Луцк работали два крупных партизанских отряда: «Победители» полковника Медведева, и «Молот» полковника Стерненко. Партизанский отряд «Молот» был под моим управлением в 1942 году. Но затем часть моей группы в Луцке провалилась. И виновницей была известная вам лейтенант Костина. Это протеже товарища Нольмана. Из-за ошибки Костиной в 1942 году сорвалась операция по налаживанию контактов с антинемецкими силами в регионе. Я подал рапорт на Костину, и она была отстранена от работы. Но Нольман вытащил её. И она даже не была понижена в звании за вопиющую некомпетентность. Больше того Нольман снова использует Костину здесь. Он в 1943 году подмял созданный мною «Молот» под себя! И полковник Стерненко и майор Лурье стали напрямую подчиняться ему!

– Вы хотите сказать, товарищ полковник, что Нольман присвоил себе ваши заслуги.

– Да. Он это сделал. И ныне он комиссар госбезопасности 3-го ранга. А мои погоны с большим трудом держатся на моих плечах. Мои успехи – его успехи, но мои неудачи – по-прежнему только мои. Берегитесь Нольмана, майор.

– Сейчас я не служу под его началом. Я офицер СМЕРШ. Одинцов усмехнулся:

– Вы думаете? Скоро он будет нам с вами отдавать приказы, майор. Вот увидите. Нольман не просто умен. Вы знаете, что в свое время он враждовал с комиссаром госбезопасности Максимовым. Своим нынешним шефом?

– Слышал про это. Но то дела давно минувших дней. Черная кошка между ними пробежала еще в 30-е годы.

– А ныне Максимов и шагу без Нольмана ступить не может. Умеет Иван Артурович втереться в доверие. Его прежнего шефа Шпигельгласса и в живых давно нет. А Нольман все еще на высоте. Скоро он и Максимова с вершины спихнет⁴¹. Можете быть уверены, майор.

– И к чему вы этого мне сейчас говорите, товарищ полковник.

– Предупреждаю. Вы были у него под началом. Но сейчас вы много знаете, майор.

⁴¹ Комиссар госбезопасности Максимов В.И. был арестован в 1953 году. Приговорен Военной коллегией Верховного Суда СССР по ст. 58 УК РСФСР к высшей мере наказания – смертной казни.

– Что значит много?

– Покушение на Вахрушева многим будет стоить карьеры.

Запомните это, майор. И боюсь, что мне уже не выкрутиться.

– Но ваше расследование идет хорошо. И комиссар Нольман не вмешивается в ваши дела.

– Это и подозрительно, майор. Если бы он вмешивался, мне было бы спокойнее. А так я чувствую беду.

Одинцов показал ему папку с личным делом.

– Вы знаете что это?

Кравцов открыл папку. Это было дело не из местного архива. Он поднял глаза на полковника:

– Откуда это?

– Копия личного дела. Это люди Молота, которых забрал у меня Нольман. У меня всегда были копии личных дел для моего пользования. И в этой папке дело «Ликвидатора».

Кравцов прочитал имя и фамилию, затем посмотрел на фото.

– Но это же...

– Да. Именно, майор. Сам Нольман ведь не познакомил вас с этим?

– Нет. Но я никак не мог даже подумать, что вот это и есть Ликвидатор.

– И не простой Ликвидатор, майор. Это поэт своего дела. Я даже не знаю, чем станет такой агент заниматься после войны. Убийство для него цель жизни. По-другому он уже не сможет.

– Но если это и есть Ликвидатор, то я тогда ничего не понимаю, товарищ полковник. К чему была вся игра с Лавровым? Получается, что никто его убирать в декабре 1943 года не собирался! Это все подстроено?

– Это многоходовая тактика товарища Нольмана. Лавров только часть плана. И он должен был остаться в живых тогда. Но теперь его смерть неизбежна.

– А вам не страшно делиться со мной такими секретами, товарищ полковник?

– Уже нет, товарищ майор. Эту папку сохраните и как следует спрячьте. Никто не знает что она у вас, кроме меня. И если про это станет известно – это ваш смертный приговор.

На этом разговор майора и полковника завершился...

Луцк.

Управление контрразведки СМЕРШ.

ЧП.

16 марта, 1944 год.

Время – 9.00.

Следующим утром Кравцов прибыл на службу и его встретил капитан Носков, сотрудник НКГБ из людей Одинцова.

– У нас ЧП, товарищ майор.

– ЧП?

– Ночью убит полковник Одинцов!

– Как убит?

– На месте преступления работает следственная группа. Но по предварительным данным это работа ОУН. Мне только что доложили, что на столе Одинцова обнаружен «приговор». Нечто вроде «чёрной метки».

– Мне нужно срочно выехать на место преступления.

– Там уже работает группа комиссара госбезопасности 3-го ранга Нольмана.

– И сам Нольман там?

– Нет. Нольман улетел в Москву. На месте распоряжается капитан НКГБ Осипов. И он сказал, что никакое усиление ему не нужно. Он сам во всем разберется...

Москва.

Управление НКГБ СССР.

16 марта, 1944 год.

Время – 13.45.

Иван Артурович Нольман явился на доклад к Максимову.

– Владимир Иванович, докладная записка от погибшего полковника Одинцова.

Максимов взял документ и спросил:

– Что по убийству Одинцова?

– Боевики ОУН, товарищ комиссар.

– Может быть, ты рано уехал из Луцка, Иван Артурович?

– Там остался капитан Осипов. Хороший следователь и во всем разберется. Но и так все ясно. Одинцов много крови попортил националистам в 1942 году. Вот и свели с ним

счеты. Разбираться нужно с тем, кто отвечал за охрану полковника.

– Вы намекаете на майора Кравцова?

– Он начальник СМЕРШ. Это зона его ответственности. Важного сотрудника НКГБ убирают у него под самым носом. Что происходит в Луцке? Они приказывает установить слежку за мной, а Одинцову не может обеспечить простой безопасности?

– Что ты предлагаешь?

– Доложите его непосредственному начальнику, генералу Абакумову. Убит ваш подчиненный, Владимир Иванович.

– С чего это, Иван, ты решил испортить карьеру Кравцова? Он работал в твоей группе в Харькове.

– Он стал слишком любопытен, Владимир Иванович. Он вместе с Лавровым пытался вести собственное расследование. Вот для чего они следили за мной. Вы меня понимаете?

– Ты хочешь сказать...

– Я хочу сказать, что его нужно быстро лишить его нынешних полномочий. А то он может узнать что-то лишнее. И исходить удар должен от вас, а не от меня, Владимир Иванович.

– И ты хочешь, чтобы я просил Абакумова назначить на место Кравцова, капитана Осипова?

– Вы все поняли, Владимир Иванович. Но для начала ознакомьтесь с отчетом полковника Одинцова. Он хоть и умер, но свое дело сделал.

Максимов прочитал доклад:

«Справка полковника Одинцова о нападении на кортеж генерала армии Вахрушева.

5 марта 1944 года опергруппой отдела контрразведки СМЕРШ 13-й армии под командованием майора Кравцова был задержан активный участник формирования «Варта» Ундир Григорий Васильевич. Будучи допрошенным, Ундир показал, что участником формирования «Варта» он является с января месяца 1943 года.

29 февраля 1944 года формирование «Варта» в составе 80-90 человек совершило нападение на группу автомашин, которыми ехал командующий 1-го Украинского фронта генерал армии товарищ Вахрушев. Нападение было совершено при следующих обстоятельствах:

Утром 29 февраля 1944 года бандгруппа в составе 80-90 человек вышла из села Дубенцы в засаду в районе Милятино-Сиянцы, где должен был пройти обоз из 12 подвод.

И по случайности бандгруппа у села Милятин встретила кортеж командующего 1-го Украинского фронта генерала армии товарищ Вахрушева. По машинам был открыт пулеметный и автоматный огонь...»

Максимов посмотрел на Нольмана.

– Отчет хороший. Благо для нас, что Одинцов успел его закончить.

– А что известно о состоянии генерала Вахрушева, Владимир Иванович. Сводка уже прошла?

– Да. Мне недавно доставили. У товарища Вахрушева имеет место тяжелое поражение организма с септическим процессом раневого происхождения, приведшее к значительному угнетению и без того ослабленных функций организма.

– И что это значит?

– К лечению Вахрушева подключили новую группу специалистов. Это академик Богомолец и профессор Юдин. Там у его кровати консилиум собрали из лучших медицинских умов СССР.

– И какие прогнозы, Владимир Иванович?

– Бурденко настаивает на ампутации правой ноги Вахрушева. И риски велики, Иван Артурович.

– И что Вахрушев?

– Согласился. А что ему остается? Жизнь или ампутация.

– Но это по словам Бурденко.

– Вахрушев сказал, что генерал и без ноги возможен. Это не строевой солдат.

Нольман задумался...

Киев.

Ул. Ленина. Развалины.

25 марта, 1944 год.

Время – 10. 20.

Евдокимов Иван Константинович явился на место встречи и не нашел там Лаврова. Он посмотрел на часы и понял,

что пришел слишком рано. До назначенного часа было еще 10 минут.

Сообщение у него было важное. На 23 марта у генерала Вахрушева произошла вспышка тяжёлого отравления организма от инфекционного процесса в костно-мозговом канале верхнего отрезка бедренной кости. У постели больного собрался консилиум врачей.

Бурденко настаивал на немедленной операции.

Профессор Гуревич заявил, что ампутация конечности совершенно бесперспективна.

Профессор Юдин сказал, что по его мнению, ситуация безнадежная.

Академик Богомолец с этим мнением был согласен.

Генерал-майор медицинской службы Шамов видел шанс на спасение в ампутации.

Но даже не это было главным в новостях Евдокимова. Он сумел тайно провести лабораторные исследования содержимого ампулы. И оказалось, что в них не было никакого яда. Это совершенно безвредный витаминный раствор!

«Зачем мне передали эти ампулы? Никакого вреда здоровью генерала они не нанесут, – думал Евдокимов. – А если это проверка? Но кто стал бы меня проверять? Нольман? Какой толк ему в ней? Нет, Нет. Здесь что-то другое. Нужно все рассказать. Может быть, он что-то прояснит»...

Лавров волновался за Елену Музыку. Она ушла час назад.

Елена сказала ему, что нашла выход на медицинскую сестру, которая знает все о состоянии генерала Вахрушева.

– И откуда у неё такая информация?

– Её подруга постоянно ухаживает за генералом в особняке, что для него выделил секретарь ЦК КП(б)У Хрущёв. И сегодня она должна смениться.

– И ты хочешь выйти из дома?

– Да. Это нужно сделать, Роман.

Роман не хотел отпускать Лену одну.

– Давай сходим завтра вместе.

– Сегодня, – сказала она.

– Но ты же знаешь, что на сегодня у меня встреча запланирована с доктором Евдокимовым.

– Но я могу сходить одна. Роман.

– А Ликвидатор?

– Не думаю, что сегодня мне что-то грозит. У тебя встреча через час. Не пропусти время. А я пойду сейчас.

– Будь осторожна.

Лавров накинул плащ и покинул квартиру. Он пешком добрался до развалин жилого дома на улице Ленина. Посмотрел на часы, до встречи оставалась одна минута. Но Лавров решил, что Евдокимов уже его ждет.

Он вошел в пролом в стене и огляделся. Вокруг тишина и никакого присутствия живого человека.

«Неужели он не пришел? Или ждет меня в остатках той

малой комнаты? Проверю».

Он прошел по горке из битого кирпича и проник в другую комнату. И там он нашел Евдокимова. Но это было лишь его тело. Доктор лежал в самом углу на спине. Лавров бросился к нему и сразу понял, что тот был мертв. Его убили точным ножевым ударом в сердце.

Лавров подумал о Елене и поспешил домой. Ей тоже могла грозить опасность...

Глава 13

Игра Нольмана: Ликвидатор.

Сообщения.

Апрель, 1944 год.

Главный хирург Красной Армии, генерал-полковник Бурденко решительно заявил коллегам, что единственный выход из создавшегося положения – неотложная операция по ампутации правой ноги у генерала армии Вахрушева. Причем никаких гарантий на успех Бурденко не давал. К 4 апреля 1944 года состояние генерала оценивалось как весьма тяжелое. Температура колебалась от 38, 2 до 40,2 градусов, нарастала сердечная слабость.

Доложили секретарю ЦК КП(б)У Хрущёву. Хрущёв позвонил Сталину и попросил разрешения на рискованную операцию.

5 апреля 1944 года была проведена ампутация. Отсеченную ткань тут же подвергли лабораторному исследованию, выявив паралогические изменения тканей, кости и костного мозга, что подтвердило слова Бурденко о необходимости ампутации.

15 апреля 1944 года генерал армии Вахрушев скончался при явлениях нарастающей сердечной слабости и отека легких...

Москва.

Главное управление контрразведки СМЕРШ.

16 апреля, 1944 год.

Иван Артурович Нольман явился с докладом в главное управление СМЕРШ. Максимов доверил дело ему. У Абакумова Нольмана уже ждали: сам начальник Главного управления Контрразведки (ГУКР) СМЕРШ комиссар госбезопасности 2-го ранга генерал-полковник Абакумов Виктор Семенович, его заместитель комиссар госбезопасности 3-го ранга Селивановский Николай Николаевич, начальник 3-го отдела ГУКР СМЕРШ полковник госбезопасности Утехин Георгий Валентинович.

– Товарищи офицеры, комиссар госбезопасности 3-го ранга Нольман из второго управления НКГБ, сделает доклад по расследованию инцидента с нападением на кортеж командующего 1-го Украинского фронта товарища Вахрушева. Прошу вас. Иван Артурович, – сказал Абакумов.

– Для начала я прочитаю докладную записку полковника Одинцова, которую он закончил за несколько часов до своей трагической гибели.

– Иван Артурович, – сказал Селивановский, – мы все уже знакомы с докладной запиской полковника Одинцова.

– Тогда я кратко сообщу, не зачитывая всего текста, что 29 февраля 1944 года бандитское формирование украинских националистов в составе 90 человек совершило нападение на

группу автомашин, командующего 1-м Украинским фронтом генерала армии товарища Вахрушева. Полковник Одинцов и его группа пришли к выводу, что бандгруппа вышла на генерала армии товарища Вахрушева совершенно случайно.

– А ваше собственное расследование, Иван Артурович? – спросил Абакумов.

– Мои выводы полностью совпадают с выводами полковника Одинцова, товарищ генерал-полковник.

– Нам бы хотелось узнать основания для таких выводов, Иван Артурович.

– Как прикажете, товарищ генерал-полковник. У меня в папке есть показания командира соединения УПА «Холодный яр» Евгения Басюка. Это наш агент «Черноморец», внедренный мною в состав УПА.

Нольман достал документ и зачитал:

– Отряд УПА «Перша варта» и отряд «Холодный яр» занимались в районе Гоща-Милятин реквизицией продовольствия. Как вы знаете сотни УПА перешли на запасные стоянки и начали активные боевые действия против наших частей. И им в нынешнее время остро не хватает продовольствия. В районе села Гоща они смогли реквизировать около 12 подвод с припасами которые шли для обеспечения нашей 60-й армии. В лесах в районе Славуты в конце февраля были сосредоточены большие отряды УПА под командой Примака. Если бы готовилась акция против генерала армии Вахрушева, что мешало националистам перебросить сотни Примака

в Милятин? Но в район нападения от Примака прибыло всего 12 бойцов для обеспечения переправки продовольствия.

– Это все, Иван Артурович? – спросил Абакумов.

– Никак нет, товарищ генерал-полковник. Наш информатор, который работает при штабе УПА-Север сообщает, что у генерал-хорунжего Боровца никто не знает о планах нападения на генерала Вахрушева. Сотня «Варта», совершившая нападение, подчиняется напрямую генерал-хорунжему Боровцу. Акция не планировалась.

Вмешался полковник ГБ Утехин:

– Но по моим сведениям, акция планировалась Центральным проводом ОУН. И в Луцк непосредственно перед самым покушением прибыл представитель Центрального провода.

Нольман ответил Утехину:

– Георгий Валентинович, Центральный провод ОУН не командует УПА-Север. Все решения по поводу больших акций принимает штаб генерала Бровца. Но после того что произошло, люди из Центрального провода ОУН хотят приписать себе устранение командующего 1-м Украинским фронтом. Они хотят показать местному населению, что они сила.

– Но как же быть с агентурными сведениями, Иван Артурович? – спросил Утехин.

– У меня есть агент в составе руководства ОУН в Луцке, Георгий Валентинович.

– Вот как?

– Да. И этот агент не подтверждает вашей информации. Я могу ознакомить вас, товарищи, с деталями операции «Краса в норе», которую провело 2-е управление НКГБ в ноябре-декабре 1943 года. Я имею полномочия на это от моего начальника комиссара госбезопасности 2-го ранга Максимова.

Офицеры СМЕРШ были готовы слушать.

Нольман доложил:

– Операция была проведена в ноябре-декабре 1943 года. Для этого нами была отправлена в Ровно лейтенант госбезопасности Елена Николаевна Костина. В город она прибыла под именем Анны Гончаренко, и была направлена в распоряжение резидента Антиквара – Остапа Гнатюка. Переброска Гончаренко прошла без видимых осложнений. Гончаренко начала работать и операция «Краса в норе» начала реализовываться. В декабре 1943 года Анна Гончаренко была «арестована» гестапо в городе Ровно. И начала «сотрудничать» с СД.

– Сотрудничать? – спросил Селивановский.

– Так точно. Офицер, арестовавший Гончаренко, это штурмбаннфюрер Фридрих Вильке. Я знаю его уже давно. Он работал против меня еще в 1941 году в Харькове. Я изучил Вильке довольно хорошо. И потому операция прошла успешно. Гончаренко «сдала» группу «Антиквара» Вильке. На тот момент в условиях наступления наших армий на Ров-

но группа Антиква там свою задачу выполнила, подлежала расформированию и отправке на другие участки. Так что мы ничего не теряли.

Абакумов просил Нольмана продолжать.

– Гестапо произвело аресты, но наши люди были предупреждены заранее и потому в руки Вильке ни один из ценных сотрудников не попал. Правда, пришлось пожертвовать несколькими курьерами. Это была неизбежная жертва, товарищи офицеры. Но в итоге «Крыса» попала в «нору». И теперь она дает ценную информацию. Если вас, товарищи офицеры, интересуют подробности, то я готов вас с ним ознакомить.

– Не нужно, Иван Артурович, – сказал Абакумов. – Я хорошо знаю, что группа Антиквара работает ныне на других участках. Больших потерь они не понесли и свой ценный актив сохранили. Так что спасибо вам, Иван Артурович.

– А что вы можете сказать по убийству полковника Одинцова, Иван Артурович? – спросил Селивановский.

– Расследованием занимался мой сотрудник капитан госбезопасности Осипов. И отчет о гибели полковника Одинцова со мной. Это работа подполья Украинских националистов ОУН.

– Но ведь у вас есть агент среди этого подполья, Иван Артурович, – заметил Селивановский.

– Так точно, Николай Николаевич. Но Анна Гончаренко не руководит подпольем ОУН в Луцке. И среди этого подпо-

ля есть несколько групп. Она просто физически не может уследить за всем. И предотвратить покушение не могла.

– Но вам известно кто совершил убийство?

– У Осипова есть информация по ряду националистов, которые могли это сделать. Но найти их не столь простая задача. Мы только недавно вернули себе эти территории и много еще не знаем. Работа только началась. Но убийство полковника Одинцова напрямую связано с его работой в Луцке в 1942-1943 году.

Абакумов сказал:

– Ваш начальник генерал-полковник Максимов, потребовал наказания майора Кравцова, который занимал пост начальника управления СМЕРШ в Луцке.

– Это так, Виктор Семёнович. И я также вижу ответственность майора Кравцова за смерть полковника Одинцова. Он не обеспечил достаточной безопасности полковнику. Хотя его предупредили о важности миссии Одинцова в Луцке.

Селивановский заявил:

– Майор Кравцов уже снят со своего поста. Он больше не начальник СМЕРШ в Луцке. И он будет наказан за свою халатность. Тем более, что это далеко не первый проступок Кравцова.

– Его доставили в Москву? – спросил Абакумов Селивановского.

– Так точно, Виктор Семёнович.

Нольман вмешался:

– Майор Кравцов конечно виноват, товарищи. Но в прошлом он успешно работал под моим началом. И нам не стоит забывать о его заслугах. В Харькове в 1942 году он «ходил по лезвию» и успешно завершил операцию по полковнику фон Рунсдорфу. Я просил бы вас, Виктор Семёнович, отдать его нам.

– Второму управлению?

– Так точно, товарищ генерал-полковник. Мы снова можем использовать Кравцова на агентурной работе. Мой сотрудник лейтенант Костина допустила в 1942 году досадный промах. И погибший полковник Одинцов требовал для Костиной самого сурового наказания. Я тогда просил не наказывать Костину и оказался прав. Она отлично работает сейчас в немецком тылу. Я уверен, что и капитан Кравцов искупит свою вину.

Абакумов посмотрел на Селивановского.

Тот ответил:

– Я думаю, что понижение в звании до капитана, станет достаточным наказанием для Кравцова.

– Так и решим, – сказал Абакумов. – Забирай его к себе, Иван Артурович. Распорядись подготовить все документы, Николай Николаевич.

– Есть, товарищ генерал-полковник!

Эту партию выиграл Нольман...

Киев.

Квартира Лаврова.

15 апреля, 1944 год.

Время -10.10.

Роман Лавров узнал о смерти генерала и понял, что Нольман блестяще провел свою партию. Ему новость сообщила Елена, которая все могла знать через медицинскую сестру, что ухаживала за генералом.

– Он умер утром около 2 часов, – сказала Музыка.

– И теперь я ничего не могу сделать, Лена.

– Ты о чем? Твоей вины здесь нет.

– Боюсь, что я подыграл Нольману.

– Что это значит? Как это подыграл?

– А так. Я был отвлекающим маневром, Лена. Нольман действовал не через меня и не через Евдокимова. Не зря я тогда сомневался в том, что Нольман мог доверить такую миссию Евдокимову.

– Евдокимова убили.

– Именно. И убили его после того, как он должен был про-верить ампулы. И я не знаю, сделал это Евдокимов или нет.

– Что теперь говорить, Роман. Что случилось, то случи-лось. Ни ты, ни я уже ничего изменить не в состоянии.

– Ты, права.

– Тебе стоит подумать о другом. Что теперь делать нам? Ты ведь еще не знаешь, что майора Кравцова отозвали в Москву.

– Как?

– После того как в Луцке погиб полковник Одинцов, он был снят с поста начальника управления СМЕРШ. Но здесь удивляться нечему. Он будет отвечать за смерть высокопоставленного офицера НКГБ.

– Вот и Кравцову досталось из-за меня.

– Не стоит тебе сейчас думать о нем. Я сказала это тебе, чтобы ты начал принимать решения. Нам нужно уходить.

– Ты права.

– Уйти из этой квартиры нам стоит как можно быстрее, Роман. Задерживаться нельзя. Вдруг и за нами придут, как пришли за Евдокимовым...

Лавров еще три дня назад подготовил план отхода, хоть и не сказал ничего Музыке. План был рискованный. Но все могло получиться. Люди Нольмана всегда держали их «под прицелом».

– Нам с тобой нужно разделиться, Лена.

– Ты о чем?

– Чтобы выбраться из города нам нужно разделиться. Эта квартира под наблюдением. С той стороны дома женщина с коляской. Если выглянешь из окна, сама увидишь.

– Женщина?

– Я заметил её уже давно. Сначала как и ты не обратил внимания. Ну гуляет молодая мамаша с коляской. Затем выходит из дома мужчина в военной форме и помогает мамаше заносить коляску в дом. А заботливая мама несет на руках

младенца.

– И что?

– Этот ребенок никогда не плачет.

– Но откуда тебе это известно? Расстояние большое.

– Я поговорил между делом с консьержкой и она сказала мне, что молодая пара живет здесь всего две недели. И ребеночек у них такой спокойный. Она никогда не слыхала, чтобы малыш плакал.

– Но мне ты ничего не сказал, Роман.

– Я тогда еще не сделал никаких выводов. Но сейчас мамаша с ребенком на месте. Я уверен, что и «муж» рядом.

– Пусть ты прав. Что нам делать?

– Я поднимусь наверх и пройду через крышу. Как раз выйду из того подъезда где гуляет мамаша с младенцем. А ты через двадцать минут покинешь наш подъезд с сумкой. Идешь на рынок.

– На рынок? – удивилась она

– Но мы ведь с тобой «сделали» нашу работу и ждем обещанной «свободы». Нам есть что праздновать. Потому тебе и стоит пойти «на рынок». Закупиться продуктами.

– А потом?

– На вокзалах нас ждут. Поэтому мы выберемся из города другим путем.

– У нас нет других документов, Роман. А с этими нам не пройти и первого патруля.

– Ты меня недооцениваешь, Лена. Вот твой новый пас-

порт.

Он положил документ перед изумленной женщиной.

Она открыла его и увидела там свое фото.

– Как? Ты что волшебник? Мы сделали фото, но откуда документ? Готовый паспорт!

– Я не терял даром времени. Лена. Наладил кое-какие связи в Киеве. Не даром до войны меня использовали для проникновения в среду уголовников. Навыков я не растерял. И теперь у нас новые паспорта. Никто не подкопается. Отличить их от настоящих можно лишь при детальном исследовании. Мы выберемся из города окольным путем и доберемся до ближайшей станции. Вне Киева сядем на поезд и отправимся на запад. Выйдем в Луцке. А там, через лес, на ту сторону.

– У тебя есть проводник?

– Нет, – сказал Лавров. – Но он есть у майора Лайдеюсера.

– А причем здесь майор Лайдеюсер? Какое отношение он имеет к Луцку и переходу через лес?

– Майор Абвера Лайдеюсер с Луцке, Лена. И я знаю, как его найти. Вернее знаю через кого это можно сделать.

– И он будет тебе помогать?

– Уверен, что будет. Не просто так я не рассекретил его. Знал, что он пригодится нам на свободе.

– Этот майор Абвера Лайдеюсер, с которым ты работал в немецкой разведшколе в Луцке?

– Именно так.

– Но как ты узнал про него?

– Я увидел его на рынке в Луцке.

– Давно? – спросила Музыка.

– Сразу после того как нам с тобой удалось сбежать из тюрьмы. Помнишь? Я тогда был на рынке, а тебе выходить из дома, где мы прятались, запретил.

– И ты говоришь мне это только сейчас?

– А зачем тебе эти сведения, Лена? Ты сама Лайдеюсера не знаешь.

– Но я думала, что мы доверяем другу другу, Роман.

– Я говорю это тебе сейчас. И это значит, что я доверяю тебе. Я даже знаю его связного в Луцке. Это русский немец Михаил Вернер из Харькова. Лайдеюсер завербовал его в Абвер в 1942 году. Ныне в Луцке он изображает из себя сапожника. И делает это хорошо. Должен признаться. Его лавка пользуется успехом.

– Лайдеюсер в Луцке!

– И это наш с тобой шанс. Если конечно мы сможем уйти из Киева.

– Но ты сам недавно говорил, что это невозможно, Роман.

– Я не хотел, чтобы ты наделала глупостей, Лена. Но я приготовил наш отход...

Москва.

Главное управление НКГБ СССР.

17 апреля, 1944 год.

Время – 11.00.

Иван Артурович Нольман принял звонок из Киева. Он был уверен, что операция завершена успешно. Но капитан Осипов доложил ему, что Лавров и Музыка ушли из ведомственной квартиры.

– Как это ушли, капитан?

– Они сбежали. Иван Артурович.

– Сбежали?

– Нами перекрыты все вокзалы и выходы из Киева. Ориентировки на их личности и документы есть у каждого постового. Но боюсь, что это не поможет, Иван Артурович.

– И как это могло произойти, капитан?

– Я не знаю, Иван Артурович. Все было под контролем. Мы получали всю информацию о Кравцове через медсестру. Все было, как вы и предсказали. Но Лавров смог провести охрану у дома и они с Музыкой ушли.

– И Музыка ушла с ним? – удивился Нольман.

– А как иначе? Разве мог Лавров её бросить, Иван Артурович?

– Почему раньше не доложили?

– Я был уверен, что возьму их. Но теперь понимаю, что ошибся! Я виноват, товарищ комиссар госбезопасности 3-го ранга.

– Не нужно себя казнить, капитан. Я тоже недооценил Лаврова.

– Что мне делать теперь?

– Соберите всех и отправляйтесь в Луцк. В Киеве ваша миссия завершена, капитан.

– Есть, товарищ комиссар госбезопасности 3-го ранга...

Нольман сразу помчался с докладом к Максимову.

– Владимир Иванович, у нас ЧП.

– Что случилось?

– Лавров сбежал.

– Как сбежал? Но ты сам мне говорил, Иван, что он под надежным присмотром.

– Я и сам пока ничего не могу понять. Почему мой человек не сказал о планах Лаврова? Возможно, есть какие-то новые обстоятельства, о которых мы пока ничего не знаем, Владимир Иванович. Мне нужно срочно вылетать в Луцк.

– Именно тебе?

– Никому этого доверить не могу.

– Но почему именно в Луцк?

– Я думаю, что смогу найти Лаврова в Луцке и не дать ему сбежать на ту сторону.

– Этого допускать нельзя, Иван Артурович.

– Потому я должен лететь лично.

– Хорошо. Что твоя группа капитана Осипова?

– Осипов завтра уже будет в Луцке. В Киеве они больше не нужны...

Луцк.

Лавка обувщика.

17 апреля, 1944 год.

Время – 10.00.

Альфред Лайдеюсер был удивлен тем, что его бывший сотрудник Роман Лавров смог его найти в Луцке.

– Вы не перестаете меня удивлять, герр Лавров. Вы пришли сюда один? Без сопровождения?

– Я один.

– И кто еще знает обо мне?

– Я и еще один человек. Но она вполне надежна, герр Лайдеюсер.

– Она?

– Это женщина. Вы знаете её. Елена Музыка. И нам с ней нужна помощь.

– Вам?

– Да. За мной идет охота, герр Лайдеюсер.

– И кто же охотится на вас, герр Лавров?

– Ваш старый знакомый Нольман. Меня уже приговорили, и я должен был умереть в Киеве. Но я посмел провести людей Нольмана и ушел от них. Шансов уйти на ту сторону самому у меня нет. У нас с Леной нет. Но вы сможете нас вытащить если пожелаете.

– А если не пожелаю? Вы сдадите меня Нольману?

– Не думаю, что у меня будет такая возможность, герр Лайдеюсер. Мне просто не дадут этого сделать и заставят замолчать навсегда. Но если я замолчу, то не смогу сообщить

вам много чего интересного, что знаю про Нольмана. А вам еще не раз придется столкнуться с этим человеком, герр майор. Если вы еще майор, а не полковник.

– Я все еще майор, герр Лавров. И ваша информация мне интересна. Но я не уверен, что вы говорите искренне.

– Я готов признаться вам, герр Лайдеюсер, что в 1941 году, когда ваши люди захватили меня, я внедрялся в Абвер по заданию старшего майора госбезопасности Нольмана. В 1942 году именно я передал в Харькове людям Нольмана сведения об абвершколе в Братенфурт. Я назвал имена всех преподавателей, направления подготовки, имена и клички известных мне русских курсантов. Все провалы агентов абвершколы – это в большей части моя вина.

– Вы хотите сказать, что все время нашего с вами сотрудничества, вы работали на советскую разведку?

– Да, герр Лайдеюсер.

– Но теперь вас «списали» и вы решил сменить хозяина?

– У меня нет выбора, герр Лайдеюсер. Меня прижали к стенке. Меня и Лену Музыку.

– Музыка тоже агент НКГБ?

– Да.

– И она не Музыка?

– Да. Анастасия Берзенко. Работала под началом полковника НКВД Стерненко, командира отряда «Молот».

Лайдеюсер задумался. Лавров мог ему пригодиться. Тем более что его загнали в угол, и он готов на все, чтобы спасти

жизни себе и Музыке.

– Хорошо, герр Лавров. Я помогу вам избежать смерти. Такая возможность у меня есть. Надеюсь, что ваша информация по поводу Нольмана стоит того.

– Можете мне поверить, герр майор. Она того стоит...

Луцк.

Управление СМЕРШ.

Тюрьма.

19 апреля, 1944 год.

Время – 15.40.

Роман Лавров был уверен, что Лайдеюсер поможет ему. Он все рассказал Елене, и уже была назначена дата перехода на ту сторону. Но вместо проводника они с Леной наткнулись на отряд СМЕРШ.

Их снова забрали в тюрьму в городе Луцк, из которой они в свое время сбежали...

В камеру к Лаврову вошел сам Нольман.

– Иван Артурович? Вы в Луцке? Ради моей скромной персоны? Это большая честь. Неужели вы признали меня достойным противником.

– Нет. Какой вы противник, Роман Романович. Я, конечно, не хочу сказать, что способностей у вас нет. Но против такого игрока как я, вы играть не можете. Уровень не тот.

Нольман сел на табурет напротив Лаврова.

– Признаюсь, не думал, что смогу увидеть вас живым, Лавров. Мне нужна была ваша смерть. Но то, как вы ушли от моих людей из Киева, делает вам честь. И я оценил, что в городе вы были один, и полагаться вам было не на кого.

– Я не выполнил вашего задания.

– Почему же? – спросил Нольман. – Вы все выполнили, Роман Романович.

– Я вас не понимаю, Иван Артурович.

– Благодаря вам, Роман Романович, был разоблачен немецкий шпион доктор Евдокимов.

– А Евдокимов был шпионом? – усмехнулся Лавров.

– Эта информация не афишируется, но Евдокимов был шпионом, которого завербовали ещё в 1941 году, когда он был в плену у немцев.

– Вот как? И что теперь будет со мной?

– Вы помогли нам взять агента Абвера майора Лайдеюсера. Он сидит в камере рядом с вами. А еще в одной камере сидит немецкий агент Михаил Вернер. И признаюсь вам, что они попали в наши сети только благодаря вам, Лавров. Вот именно поэтому вы пока все еще живы.

– Но вы же понимаете, Иван Артурович, что...

– Я понимаю, что все это вы сделали невольно, Лавров. Но сути дела это не меняет. Вы преподнесли мне такой подарок в лице майора Лайдеюсера. И я переменяю мнение о целесообразности вашей ликвидации. Хотя бывшего лейтенанта НКГБ Лаврова из списков живых уже вычеркнули. И потому

я могу подарить вам новую личность. И новую жизнь.

– Вы говорите серьезно, Иван Артурович?

– Совершенно серьезно, Лавров. Иначе я бы просто не стал с вами разговаривать. Итак?

– А что Елена Музыка?

– А вам есть дело до Музыки, Лавров? Я предложил вам жизнь. А что до неё, то мне она не нужна. Скажу вам больше. Она слишком много знает, чтобы остаться в живых.

– Но...

– Не в вашем положении торговаться, Лавров. Вы принимаете мой подарок? Я не стану предлагать его дважды.

– Я готов согласиться, если Елена останется жить. Я уверяю вас, Иван Артурович, что она не опасна!

Нольман усмехнулся и несколько секунд молча смотрел на Лаврова. Затем он спросил:

– Вы не задумывались, Лавров, отчего я знал о каждом вашем шаге в Киеве?

– Вы подставили Елене медсестру!

– «Тепло», как сказали бы дети при игре в прятки. Но дело в том, что никакой медсестры не было. Никто не сообщал вам никаких сведений из дома раненого генерала.

– Но Лена узнавала информацию. Вы подставили ей кого-то?

– «Холодно!» – засмеялся Нольман. – Ну неужели вы так и не догадаетесь сами, Лавров?

– Я вас не понимаю.

– Майор Кравцов, кстати ныне он снова капитан, ведь предупредил вас о Ликвидаторе. Не так ли?

Лавров не ответил.

Нольман продолжил:

– Я знаю, что предупредил. Он сказал вам, что агент Ликвидатор пущен по вашему следу. А теперь внимание – вопрос: Откуда я узнал о том, что Кравцов вас предупредил, если сам Кравцов ничего мне про это не сказал?

– Я не знаю.

– Хорошо, кому вы сами рассказали о Ликвидаторе, Лавров?

Роман снова ничего не понял.

– Ликвидатор все время был рядом с вами, Лавров. Этот тот, с кем вы делились всей информацией. Это была Елена Музыка или Анастасия Берзенко. Я просто проверял вас, когда вы бросились спасать ей жизнь.

– Вы хотите сказать, что Елена Ликвидатор?

– Именно так. И лучший Ликвидатор, которого я знал. Она убила бы вас еще в Киеве. Знаете, что вас спасло, Лавров?

– Информация о Лайдеюсере!

– Именно так. Эта ваша откровенность продлила вам жизнь. И она решила сначала доложить мне. А потом привести приговор в исполнение. Но я отдал приказ ей вас не трогать.

– Но подождите, товарищ Нольман. Если она Ликвидатор,

то зачем вы в декабре 1943 года подставили её под удар! Вы не могли знать, что сотник Ястреб захочет её спасти! Или и Ястреб ваш человек?

– Нет. Ястреб не наш. А что до риска быть убитой в лесах службой безопасности националистов, то риск был. Хотя и небольшой.

– Небольшой? Нас с ней арестовали.

– И что? – спросил Нольман. – Ликвидатор – хорошо подготовленный агент. Она убийца, Лавров. Хотя в лесу ей своих навыков демонстрировать не пришлось. Вы и сами справились с хлопцами из СБ.

– А где она сейчас? – спросил Лавров.

– Анастасия Берзенко под другим именем переведена на другой фронт. Она уже в пути. Там услуги Ликвидатора нужны больше. Так что зря вы просили за неё, Лавров. Хотя я оценил этот жест.

– И что теперь?

– Вы получите новое имя и продолжите работать.

– А Кравцов?

– Он отныне снова служит под моим началом во втором управлении в Москве. Правда, на его плечах снова погони капитана. Но это малая жертва с его стороны.

– Я готов служить, товарищ Нольман.

– Вы приняли верное решение, товарищ лейтенант госбезопасности. Ваше звание вам вернут вместе с новой фамилией, под которой отныне вы будете числиться в списках офи-

церов НКГБ...

Эпилог

Конец операции.

Берлин.

Принц-Альбрехт-штрассе.

Управление РСХА.

Оберштурмбаннфюрер СС Фридрих Вильке вернулся в Берлин. Задание он мог считать выполненным. Он нашел «Красную вдову». Его ловушка сработала блестяще.

Бригаденфюрер Генрих Танцман ждал его с нетерпением.

– Наконец-то вы прибыли, Вильке. Рейхсфюрер спрашивал про вас.

– Я сразу вылетел в Берлин, как только завершил дела во Львове.

– По телефону вы сказали об успехе.

– Так точно, герр бригаденфюрер. Это наш несомненный успех. Я привез полный отчет об операции.

– Вы сработали быстро, и нашли агента большевиков.

– «Красная вдова» теперь работает под нашим контролем и самое главное, что она ничего не знает про это. И мы можем разработать операцию по дезинформации русских, герр бригаденфюрер. Я уже имею наработки и надеюсь, что вы познакомите с ним рейхсфюрера.

– Покажите мне Красную вдову, Вильке.

Оберштурмбаннфюрер достал из папки досье с фото и передал с Танцману.

«Лейтенант государственной безопасности Костина Елена Николаевна.

Сотрудник НКГБ с весны 1939 года. Хорошо владеет немецким, украинским, польским языками.

В 1940 году была привлечена к работе в структуре Абвера и снабжала Москву информацией.

Осенью 1941 года прибыла в Харьков как агент Абвера. В картотеке второго отдела НКГБ числилась под псевдонимом «Тося». Имеет прямое отношение к взрывам в Харькове осенью 1941 года и гибели генерал-майора Георга фон Брауна начальника гарнизона оккупированного Харькова.

Осенью 1943 года под псевдонимом «Красная вдова» появилась в Ровно.

Одновременно с «Красной вдовой» в Ровно прибыли еще ряд агентов. Для отвлечения нашего внимания.

«Красная вдова» действовала в Ровно под именем Анны Гончаренко. Она была арестована гестапо в декабре 1943 года, и стала давать показания. Я, оберштурмбаннфюрер Вильке, лично проводил допрос Гончаренко. Она дала согласие на сотрудничество. Была зарегистрирована в картотеке как агент гестапо «Племянница».

Но как было выяснено позже, «арест» Гончаренко было специально спровоцирован красной разведкой. Так НКГБ выводило «Красную вдову» из-под удара.

Сейчас «Красная вдова» продолжает работу в Ровно и является участницей подпольной группы ОУН в Луцке. Через неё НКГБ многое знает о планах ОУН-УПА в регионе. Начальник Гончаренко в Москве комиссар государственной безопасности И.А. Нольман полностью ей доверяет.

Созданы идеальные условия для проведения через Гончаренко дезинформации».

Танцман положил бумагу на стол.

– Я надеюсь, что во Львове никто не знает про это?

– Нет, герр бригаденфюрер. Местные офицеры СД из службы гестапо во Львове не посвящены ни в какие детали операции.

– Это хорошо. Что майор Лайдеюсер?

– Он отправился в Луцк в качестве агента. Но я про это вам уже имел честь говорить.

– Это так, но что с ним стало в Луцке?

– Как я и предполагал, он, и его информатор Михаил Вернер, попали в руки СМЕРШ. И как вы понимаете, герр бригаденфюрер, красные не выпустят из рук такой источник информации.

– Сам Лайдеюсер в курсе своей миссии?

– Нет. Я принял решение не посвящать его полностью, герр бригаденфюрер. Так всё будет выглядеть естественно.

– Но как он поведет себя у красных?

– Я уверен, что Лайдеюсер пойдет на сотрудничество. И информация, которой его снабдили, станет первой порцией

той дезинформации, на которую мы нацелены, герр бригаденфюрер.

Танцман задумался. Все, что предложил ему Вильке неделю назад, было слишком рискованно. Но зато какой эффект будет в случае победы.

– Но вы должны убедить рейхсфюрера принять решение, герр Танцман.

– Я не забыл об этом, оберштурмбаннфюрер! И это моя задача. Я ждал только ваш отчет. Мне нужно ознакомиться со всеми подробностями операции. И затем я пойду на разговор с рейхсфюрером.

– А что пока делать мне?

– Наслаждайтесь отдыхом, герр Вильке. Вы это заслужили.

Вильке вскинул руку и щелкнул каблуками.

– Вы свободны, герр Вильке. Злачные места Берлина ждут вас...

Владимир Андриенко.

Апрель 2021 год

Корректурa Владимира Андриенко

23. 08. 2021 года – 25.08. 2021 года

**Серия «Сотрудник Абвера» состоит из романов:
«Вдова»:**

«Вдова»: Метроном смерти». (события осени 1941 года).
Год написания: 2020.

«Вдова»: Архив царского профессора Пильчикова». (события лета 1942 года). Год написания: 2020.

«Вдова»: Полковник из Аненербе». (события осени 1942 года). Год написания: 2020.

«Протокол допроса»:

«Протокол допроса»: Крыса в норе». (события осени 1943 года). Год написания: 2021.

«Протокол допроса»: Смерть командарма». (события весны 1944 года). Год написания: 2021.

«Рыцарский крест»:

«Рыцарский крест»: Кригсхельферин Ева». (события лета 1944 года). Год написания: 2021.

«Рыцарский крест»: Русская карта». (события осени 1944 года). Год написания: 2021.

«Под чужим знаменем»:

«Под чужим знаменем»: курсант из Дабендорфа» (события весны-лета 1944 года). Год написания: 2019. Обработка: ноябрь 2021.

«Под чужим знаменем»: Крысиная тропа» (события осени 1944 года – весны 1945 года). Год написания: 2019. Обработка: ноябрь 2021.

«Республика»:

«Республика»: Охота на бургомистра» (осень 1941- зима 1942 г.). Год написания: декабрь 2021.

«Республика»: Офицер РОНА». (1942-1943 годы). Год написания: март 2022.

«Республика»: Гиль». (1943 год).

Но каждая серия может читаться как самостоятельное произведение.